Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 **ЭКОНОМИКА**

Издательство Московского университета

Том 59 • № 6 • 2024 • НОЯБРЬ— ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Экономическая теория

Мальцев А.А., Тишкин А.С., Баженов Г.А. Адам Смит и перипетии развития экономической науки в России 3

Худокормов А.Г. Адам Смит, Семен Десницкий, Иван Третьяков: великий экономист и русские ученики 19

Пороховский А.А. Значение «невидимой руки» А. Смита для развития экономической науки 39

Ореховский П.А. Адам Смит — взгляд из XXI в. 50

Гребнев Л.С. Interest (rate): откуда «растут ноги»? 62

Фридман Б.М. Идейные предшественники Адама Смита 78

Междисциплинарные исследования

Бёттке П.Дж. Почему сегодня нужно читать Адама Смита? 89

Борох О.Н. Учение Адама Смита в китайском интеллектуальном ландшафте 104

Григорьев Л.М. Империи древних — грубое орудие истории 125

Вольчик В.В., Фурса Е.В. Теория и идеология в экономической науке: от Адама Смита до Эстер Дюфло 161

Курц Х.Д. Адам Смит о процессе цивилизации и связанных с ним рисках 187

Паганелли М. Адам Смит и нравственное содержание политической экономии: интерпретация с позиций теории общественного выбора 221

Смит В.Л. Адам Смит о благодеянии, справедливости и обществе 240

Lomonosov Economics Journal

VOL. 59 • No. 6 • 2024 • NOVEMBER — DECEMBER

CONTENTS

Economic Theory

Maltsev A.A., Tishkin A.S., Bazhenov G.A. Adam Smith and the twists and turns of economics in Russia 3

Khudokormov A.G. Adam Smith, Semyon Desnitsky, Ivan Tretyakov: the great economist and Russian disciples 19

Porokhovsky A.A. The significance of A. Smith's "invisible hand" for development economic science 39

Orekhovsky P.A. Adam Smith — a view from the XXI century 50

Grebnev L.S. Interest rate: where it comes from? 62

Friedman B.M. Intellectual influences on Adam Smith's thinking 78

Interdisciplinary Studies

Boettke P.J. Why read Adam Smith today?. 89

Borokh O.N. Adam Smith's teaching in Chinese intellectual landscape 104

Grigoriev L.M. Empires of the Ancient – a crude tool of history 125

Volchik V.V., Fursa E.V. Theory and ideology in economics: from Adam Smith to Esther Duflo 161

Kurz H.D. Adam Smith on process of civilization and its hazards 187

Panagelli M.P. Adam Smith and the morality of political economy: a public choice reading 221

Smith V.L. Adam Smith on beneficence, justice, and society 240

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. А. Мальцев[1]
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
А. С. Тишкин[2]
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Г. А. Баженов[3]
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-1

АДАМ СМИТ И ПЕРИПЕТИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Отпраздновавший в 2023 г. свое трехсотлетие Адам Смит по-прежнему востребован современными экономистами. В поисках разгадки этой стойкой популярности исследователи выдвинули целый ряд гипотез. Одна из важнейших задач настоящей статьи заключается в систематизации ключевых объяснений многовекового успеха шотландского мыслителя у специалистов в области социальных наук в целом и экономики в частности. Особое внимание авторы статьи уделили анализу причин востребованности Смита в российском экономическом дискурсе. Проведенный в статье анализ позволил выделить следующие основные подходы к интерпретации успеха Смита у российских и (пост)советских экономистов. Во-первых, в работе показано, что одна из часто встречающихся трактовок связывает истоки современной популярности Смита с его представлением в качестве своеобразной предтечи Карла Маркса, по-прежнему имеющего немало последователей в российском сообществе академических экономистов (РСАЭ). Во-вторых, нетрафаретность Смита и сложность его атрибутирования с каким-то одним направлением экономической мысли позволяли шотландскому мыслителю легко вписываться в практически любые политико-экономические виражи, которыми так богата история России. В-третьих, как считается, своим успехом среди членов РСАЭ Смит обязан нестрогому стилю изложения своих текстов, популярному среди российских экономистов, многие из которых пока не пре-

[1] Мальцев Александр Андреевич — д.э.н., доцент, заведующий кафедрой политической экономии, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: almalzev@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9153-5120.

[2] Тишкин Александр Сергеевич — аспирант, кафедра политической экономии, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: sash4tishkin35@yandex.ru, ORCID: 0009-0007-2218-5770.

[3] Баженов Григорий Александрович — к.э.н., с.н.с., кафедра политической экономии, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: 3041212@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0611-3017.

© Мальцев Александр Андреевич, 2024 CC BY-NC
© Тишкин Александр Сергеевич, 2024 CC BY-NC
© Баженов Григорий Александрович, 2024 CC BY-NC

успели в современных инструментальных методах. Признавая определенную справедливость данных точек зрения, авторы статьи выдвигают гипотезу, согласно которой истоки популярности Смита в России связаны, в том числе и с его колоссальным авторитетом, выступающим в качестве интеллектуального щита, снижающего для исследователей риски изучения проблем, выпадающих из доминирующих в разные эпохи дискурсов. Эти и другие гипотезы, а также новейшие подходы к интерпретации наследия Смита рассматриваются на примере статей, подготовленных для настоящего номера журнала участниками конференции «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность».

Ключевые слова: Адам Смит, российская экономическая наука, Московский университет, экономика.

Цитировать статью: Мальцев, А. А., Тишкин, А. С., & Баженов Г. А. (2024). Адам Смит и перипетии развития экономической науки в России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 3–18. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-1.

A. A. Maltsev
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
A. S. Tishkin
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
G. A. Bazhenov
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
JEL: A11, A14, B12

ADAM SMITH AND THE TWISTS AND TURNS OF ECONOMICS IN RUSSIA

Adam Smith, who celebrated his 300th anniversary in 2023, continues to be popular among modern economists. To understand this enduring popularity, scholars have proposed several hypotheses. The main goal of this article is to present the key explanations for Smith's centuries-long success among social sciences scholars and economists. The authors pay special attention to analyzing the reasons for Smith's importance in Russian economic discourse. The analysis identifies the main approaches to understanding Smith's popularity among Russian and post-Soviet economists. First, the paper demonstrates that one of the common interpretations connects Smith's contemporary popularity with his role as a precursor of Karl Marx, whose ideas continue to influence the Russian community of academic economists (RCAE). Second, Smith's unconventional approach allowed him to easily fit into almost any socio-economic twists Russia's history is rich of. Third, it is believed that Smith's success among RCAE is due to his non-instrumental mode of argumentation, which is popular among Russian economists, many of whom haven't yet mastered modern instrumental methods. Having acknowledged the validity of these perspectives, the authors put forward a hypothesis that links Smith's appeal in Russia, among other factors, to his immense authority. This credibility acts as an intellectual shield and reduces the risks for scholars exploring issues that fall outside of the dominant discourse in different historical periods. These and other hypotheses, as well as recent approaches to

interpreting Adam Smith's works, are considered on the basis of the articles written for this journal issue by the participants of the conference "Economics, Society, and Culture: Adam Smith's Legacy and Modernity".

Keywords: Adam Smith, Russian economic science, Lomonosov Moscow State University, economy.

To cite this document: Maltsev, A. A., Tishkin, A. S., & Bazhenov, G. A. (2024). Adam Smith and the twists and turns of economics in Russia. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 3–18. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-1

Адам Смит, чей 300-летний юбилей широко отмечался во всем в мире в 2023 г., по-прежнему остается одной из центральных фигур экономической науки. Если опираться на данные Google Scholar, то только одно из многочисленных изданий «Богатства народов» было процитировано 52 422 раза[4]. Для сравнения: «Капитал» Карла Маркса в данном агрегаторе научной информации цитируется 42 208 раз[5], а «Теория праздного класса» Торстейна Веблена упоминается практически в 1,7 раза реже — «всего» 31 298 раз[6]. Великий шотландец по популярности у современных авторов может поспорить и с современными классиками, скажем, теми же нобелевскими лауреатами Дароном Аджемоглу и Джеймсом Робинсоном, чья знаменитая книга "Why Nations Fail" снискала им славу «новых Смитов», ищущих ответы на вечный вопрос о природе и причине богатства народов. Так, с момента своего выхода в свет в 2012 г. книга продолжателей дела «отца экономической науки» (Ottesen, 2018, p. 1) оказалась упомянута 15 700 раз[7], тогда как magnum opus уроженца Керколди за 2012–2024 гг. набрал 20 800 цитирований[8]. Еще больше пищи для размышлений дает сравнение популярности «современных Смитов» и ученого XVIII

[4] Google Scholar. (н.д.). *Результаты запроса "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations".* Дата обращения 25.11.2024, https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0%2C5&q=An+Inquiry+into+the+Nature+and+Causes+of+the+Wealth+of+Nations&btnG=

[5] Google Scholar. (н.д.). *Результаты запроса "Capital Marx".* Дата обращения 25.11.2024, https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0%2C5&q=Capital+Marx&oq=Capital

[6] Google Scholar. (н.д.). *Результаты запроса "Theory of Leisure class".* Дата обращения 25.11.2024, https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=0,5&q=Theory+of+Leisure+class

[7] Google Scholar. (н.д.). *Результаты запроса "Why nations fail: The origin of power, prosperity, and poverty" с ограничением на период публикаций с 2012 по 2024 г.* Дата обращения 25.11.2024, https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=2005&sciodt=0%2C5&as_ylo=2012&as_yhi=2024&cites=9161358217655576 18&scipsc=&q=&btnG=

[8] Google Scholar. (н.д.). *Результаты запроса "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations" с ограничением на период публикаций с 2012 по 2024 гг.* Дата обращения 25.11.2024 г., https://scholar.google.com/scholar?hl=en&as_sdt=2005&sciodt=0%2C5&cites=12045385934490954216&scipsc=&as_ylo=2012&as_yhi=2024

в. в отдельных странах. Например, в Российской Федерации упоминание «Исследования о природе и причине богатства народов» встречается в текстах 5351 публикаций, размещенных на eLibrary.Ru в 2012–2024 гг., что опережает нашумевший бестселлер американских профессоров (5138 упоминаний за тот же период)[9].

Чем же обусловлен такой интерес к Адаму Смиту? Одни исследователи считают, будто причины этого явления следует искать в создании Смитом фундаментальных экономических концепций, используемых экономистами и в XXI в. (Brown, 2010). Другие считают, что шотландский мыслитель непреходяще актуален, поскольку одним из первых воспел преимущества капитализма (см., например: Skousen, 2007), тем самым, не оставив равнодушными ни «поборников свободного рынка, ни левых социал-демократов» (Lester, 2023)[10]. Третьи, напротив, задаются вопросом, «не являлся ли Смит первым анти-капиталистом» (см., подробнее: Rothschild, 2020)[11], предвосхитившим Маркса и поэтому пользующимся заслуженным уважением почитателей мудреца из Трира (см., например: Meek, 1956).

Не менее интересным предметом дискуссий остаются особенности рецепции идей Смита в той или иной стране и в те или иные исторические периоды. К примеру, широкое обсуждение вызвала недавняя книга доцента Университета Джонса Хопкинса Глории Лью, в которой ученая поведала о тернистом пути превращения шотландского философа в икону американских интеллектуалов (Liu, 2022). Активно ведутся споры о специфике проникновения и последующего воздействия идей Смита на развитие общественной мысли в германоязычных странах и Скандинавии (Backhaus et al., 2024). Немало работ в последние годы выходит и по проблемам влияния взглядов мыслителя XVIII в. на формирование общественно-политического дискурса в Поднебесной (см., например: Borokh, 2012).

К сожалению, на фоне такого разнообразия исследований современных смитоведов в России подобный жанр пока не получил широкого распространения. При этом в нашей стране работает немало знатоков творческого наследия Смита, а с его идеями российские интеллектуалы познакомилась еще в XVIII столетии. «Скажем, как полагают некоторые исследователи, благодаря учившимся у Смита в Университете Глазго И. А. Третьякову и С. Е. Десницкому ряд идей шотландского мыслителя в стенах Московского университета стал известен едва ли не раньше, чем в других европейских интеллектуальных центрах» (см., подробнее:

---

[9] Elibrary. (н.д.). Дата обращения 17.11.2024, https://elibrary.ru/query_results.asp

[10] Lester A. (2023, February 19). Why Is Adam Smith Still So Popular? *Foreign Policy*. https://foreignpolicy.com/2023/02/19/adam-smith-america-book-review-glory-m-liu-politics-economics-capitalism-friedman/

[11] Rothschild, E. (2020, August 24). Adam Smith: The First Anti-Capitalist? *Engelsberg Ideas*. https://engelsbergideas.com/essays/adam-smith-the-first-anti-capitalist/

Artemieva, Mikeshin, 2005, p. 196). Учитывая длящуюся уже практически три столетия связь шотландского ученого с Московским университетом, а также популярность Смита у современных российских экономистов, о чем красноречиво говорят приведенные выше данные eLibrary, кафедра политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 10 ноября 2023 г. провела международную конференцию «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность», посвященную 300-летию выдающегося мыслителя[12].

Данная конференция собрала как ведущих российских специалистов, так и международных ученых, включая лауреата Нобелевской премии по экономике 2002 г. Вернона Смита. В настоящий номер «Вестника» вошли статьи, подготовленные участниками конференции, на основе их докладов[13]. Что же отличает данные работы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо попытаться хотя бы пунктирно обозначить возможные причины популярности Смита в России и кратко остановиться на его роли в развитии экономической науки в нашей стране.

Адам Смит и российская экономическая наука

Как уже отмечалось в данной статье, причины популярности Смита исключительно многогранны. Для их сколько-нибудь подробного обзора может потребоваться не одна монография. Предельно обобщая, можно выделить три основные гипотезы, чьи сторонники пытаются пролить свет на загадку интеллектуального бессмертия Смита для российских авторов.

Пожалуй, одним из наиболее часто встречающихся объяснений является точка зрения, согласно которой Смит не может не быть популярным в стране, где на протяжении многих десятилетий марксизм выступал в роли своего рода светской религии, а Смит превратился в одного из пророков-провозвестников Маркса. Справедливости ради нельзя не заметить, что такое видение Смита не является сугубо российской особенностью. Скажем, в Китае до начала реформ конца 1970-х гг. шотландский ученый тоже рассматривался главным образом как предшественник Маркса (см., например: Luo, 2017). Тем не менее Смиту в СССР была, по-видимому, уготована гораздо более счастливая судьба, чем где-либо еще. Как удачно заметил крупный специалист по истории экономической мысли Андрей Аникин, в Советском Союзе Смит слыл «счастливчиком», которому благоволил не только Маркс, но и Владимир Ленин. «Маркс, — писал про-

[12] Сайт экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. (н.д.). *Программа конференции «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность»*. Дата обращения 17.11.2024, https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=101535&p=attachment

[13] Перевод статей, подготовленных международными коллегами, любезно осуществила Т. Н. Супрун, научной редакцией материалов занимался Г. А. Баженов.

фессор Аникин, — провозгласил свое экономическое учение продолжением и развитием теории Смита и Рикардо, а Ленин возвел английскую классическую политическую экономию в ранг одного из трех источников марксизма» (Аникин, 1990, с. 81). Учитывая, что как минимум 1/10 современных российских экономистов считает себя марксистами (Мальцев, Ковалев, 2020), причины выраженных симпатий к Смиту среди представителей отечественного сообщества академических экономистов становятся гораздо понятнее.

Другой популярной интерпретацией причин успеха Смита в России является его эклектичность. «Адам Смит был великим эклектиком», — утверждал видный смитовед Джейкоб Вайнер (Viner, 1927, p. 199). Сразу оговоримся, что эту эклектичность ни в коем случае не стоит воспринимать в негативном ключе. Отсутствие у мыслителя строгой, внутренне последовательной единой теории (за что его, в частности, критиковал Йозеф Шумпетер (см., подробнее, например: Viner, 1984, p. 118–119)) в сочетании с поразительной широтой рассматриваемых вопросов и элегантным синтезом ключевых интеллектуальных наработок века Просвещения (как известно, давшей начало важнейшим течениям социально-экономической мысли последующих эпох) позволили Смиту обрести статус отца политической экономии, стать иконой экономического либерализма и заставить специалистов спорить о том, родоначальником какого типа институционализма он являлся (см., например: Sobel, 1979). Весьма рельефно это концептуальное разнообразие Смита проявилось в его восприятии в России. Синкретичность шотландского ученого позволила постсоветским обществоведам легко превратить Смита из предтечи Маркса в апостола свободных рынков. В XXI столетии интерес к жившему три столетия назад мыслителю в России не угас. Теперь видные российские специалисты нередко делают особый акцент на том, что в центре внимания Смита находились «институты, образующие фундамент человеческих сообществ» (Капелюшников, 2023, с. 59). Как видим, удивительная многоликость Смита пришлась ко двору как адептам марксизма, так и сторонникам радикальных рыночных преобразований, а также приверженцам новой институциональной экономической теории.

Наконец, как считается, исследовательский стиль Смита, зиждущийся на синтезе «политической экономии, социальной философии и этики» (Backhaus et al., 2024), до сих пор вполне созвучен представлениям значительной части РСАЭ о том, как надо заниматься научными исследованиями. Скажем, проведенный Александром Либманом и Йоахимом Цвайнертом анализ 552 докторских диссертаций в области экономических наук, защищенных в российских вузах и научных центрах в 2007–2010 гг., показал, что отечественные экономисты: а) ограниченно используют современные количественные методы анализа; б) фокусируются на прикладных и политэкономических вопросах. Наверное, далеко не случайно

среди наиболее популярных зарубежных экономистов, цитируемых диссертантами, оказался Адам Смит, опередивший по числу упоминаний Аджемоглу в 25,5 раза (153 против 6) (Libman, Zweynert, 2014).

После обнародования такого рода данных сразу напрашивается следующий неутешительный вывод: Смит в современной России выполняет функцию маскировки нежелания/неспособности немалой части членов РСАЭ заниматься наукой по современным стандартам. Однако не будем спешить с выводами.

Во-первых, думается, будет неверным сразу наклеивать на российскую экономическую науку ярлык отсталой. Подчеркнем, что мы совершенно не собираемся лакировать ее состояние. Действительно, значительная доля представителей РСАЭ работает далеко не на переднем крае и до сих пор игнорирует глобальные исследовательские тренды (см., подробнее: Мальцев, 2016; Соколов, Сафонова, 2024). Однако если принять во внимание все испытания, с которыми столкнулись российские социальные науки в XX–XXI вв., то достижение Россией к концу 2010-х гг. доли в 1,41% в мировом потоке публикаций по экономике (кстати, неплохо согласующейся с долей страны в глобальном ВВП — 1,9%)[14] заслуживает достаточно высокой оценки (Мохначева, Цветкова, 2019, С. 824). С учетом широкомасштабных социальных экспериментов, двух мировых войн и других катаклизмов, с которыми столкнулась наша страна в последние 120 лет, подобные результаты, достигнутые РСАЭ, как минимум, требуют уважения.

Во-вторых, как бы это странно ни прозвучало, но, думается, одним из факторов, обеспечивших достижение этого показателя, стала фигура Смита. Колоссальный вневременной авторитет шотландского мыслителя, широчайший круг вопросов, поднимаемым им в своих трудах, и удивительная способность быть созвучным практически любой эпохе позволили ему выполнять функцию своеобразного интеллектуального щита, прикрывающего ученых от обвинений в «ересях» и неблагонадежности. Скажем, удостоенный в 1804 г. звания академика Петербургской академии наук Андрей Шторх (Автономов, 2024) искусно использовал идеи Смита для анализа острых социально-экономических вызовов, стоящих перед страной. Его усилия были, в частности, по достоинству оценены французским политэкономом Жеромом-Адольфом Бланки (1798–1854), признав-

[14] По-видимому, близость показателей доли страны в мировой экономической науке с удельным весом страны в глобальном ВВП не является исключительно прерогативой нашей страны. Скажем, экономисты из США, чья доля в мировом ВВП в 2019 г. к концу 2010-х гг. составила 24,4%, обеспечили 16% общемирового объема публикаций по экономике (Aigner, 2024, p. 13).

Доли РФ и США в мировой экономике рассчитаны по данным Всемирного банка за 2019 г. Wikipedia. (n.d.). *List of countries by GDP (nominal)*. Retrieved November 17, 2024, from https://simple.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(nominal)

шим, что русскому политэконому удалось «пролить много света на вопрос о рабстве в стране, в которой, по-видимому, труднее всего было говорить свободно об этом предмете» (цит. по: Гловели, Минаева, 2023, с. 34). Образ Смита виднелся и за проектами Евсея Либермана по «рационализаци[и], маркетизаци[и], коммерциализаци[и]» советской административно-командной системы в 1960-е гг. (Аникин, 1990, с. 84). Как и в случае со Шторхом, попытки опереться на авторитет классика политической экономии для решения злободневных проблем (теперь уже советской экономики) не прошли незамеченными экспертным сообществом. «В России, — с удовлетворением замечала известный сторонник дерегуляции хозяйственной жизни Мэри Петерсон, — профессор Евсей Либерман из Харьковского государственного университета является чем-то вроде Адама Смита, обучающего русских марксистов прелестям если не свободных рынков, то более свободных рынков» (Peterson, 1971, p. 25).

Джентльмен в накрахмаленном парике немало помогает и современным российским исследователям. Резкое обострение международной напряженности и беспрецедентные санкции, введенные против России в 2020-е гг., осложнили задачу ведения научного диалога между учеными из разных стран. В этих условиях как никогда важно найти нейтральную фигуру: а) способную объединять исследователей, работающих в разных теоретических традициях и направлениях; б) пользующуюся беспрекословным уважением ученых из различных странах, невзирая на веяния интеллектуальной моды и розу политических ветров.

Наша гипотеза о том, что на эту роль отлично подходит автор «Богатства народов» и «Теории нравственных чувств» наглядно подтверждает этот номер «Вестника Московского университета. Серия 6: Экономика», куда вошли статьи некоторых участников конференции «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность». Мыслитель, чьи последователи из Московского университета опередили своих европейских и североамериканских коллег в деле открытия кафедр политической экономии, спустя 300 лет с момента своего рождения помог объединить в одном журнале целую плеяду очень разных ученых. Так, среди авторов этого тематического выпуска оказались и известный своими симпатиями к экономическому либерализму профессор Гарвардского университета Бенджамин Фридман, и никогда не порывавший связь с марксизмом профессор НИУ ВШЭ Леонид Гребнев. Не так часто на страницах одного журнала встречаются большой поклонник Пьеро Сраффы Хайнц Курц и один из ярчайших представителей современной австрийской экономической школы Питер Беттке. Лидеры современного мейнстрима (например, нобелевский лауреат Вернон Смит) достаточно редко публикуются в изданиях, в которых печатаются историки мысли, пусть даже столь авторитетные, как президент Общества истории экономической науки Мария Пиа Паганелли.

Всматриваясь в программу конференции и читая статьи этого номера, хочется в очередной раз сказать спасибо Адаму Смиту. В эпоху, когда разделение на «мы» и «они» становится печальной обыденностью, значение подобных мероприятий и журнальных выпусков, соединяющих, а не разъединяющих ученых разных взглядов, очень трудно переоценить. Полагаем, что если бы после прочтения данного номера «Вестника» Смита попросили одной фразой передать свои ощущения, то он бы, вероятно, мог перефразировать известное изречение апостола Павла: «Нет ни марксиста, ни неоклассика, ни мейнстриного, ни гетеродоксального, сторонника индукции, приверженца дедукции, эконометриста, но все и во всем экономические науки». Насколько правомочно подобное суждение, каждый из читателей сможет решить сам, а пока кратко рассмотрим, о чем пишут авторы статей, вошедших в данный выпуск.

Многоликий Адам Смит и не только

Номер открывает статья известного российского специалиста, заведующего кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Александра Худокормова (Худокормов, 2024). Профессор Худокормов рассматривает влияние, которое Адам Смит оказал на двух своих русских учеников — Семена Десницкого и Ивана Третьякова. Несмотря на то что русские мыслители не были знакомы с основным экономическим трудом Смита, некоторые идеи они усвоили в процессе обучения в Глазго и отразили в своих работах. В частности, по мнению Александра Худокормова, Десницкий заимствовал у Смита идею о членении развития общества на исторические стадии, негативное отношение к протекционизму в сфере торговли (торговые привилегии). Однако гораздо ближе к идеям, изложенным в «Богатстве народов», подошел Третьяков, познакомивший российскую общественность с разделением труда, элементами трудовой теории стоимости и раскритиковавший меркантилизм и крепостное право. Хотя, по мнению профессора Худокормова, Десницкого и Третьякова едва ли можно считать родоначальниками классической политической экономии в России (Вестник Московского университета. Серия: экономика. № 6. 2024. С. 11), их вклад в популяризацию прогрессивных идей Смита безусловно огромен.

Едва ли какая-то работа, в которой упоминается имя Смита, может обойтись без метафоры «невидимая рука». Данный номер журнала не стал исключением. О значимости и актуальности этой известной концепции подготовил статью научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Анатолий Пороховский (Пороховский, 2024). Работа рассматривает два важных вопроса в отношении этой концепции: общественная значимость «невидимой руки рынка» и потенциал решаемых ею современных проблем. Значи-

мость «невидимой руки» для общества — приближение частных интересов предпринимателей к общественным интересам в целом и ее объективный характер. Предприниматель, как известно, преследуя частные интересы, по итогу удовлетворяет интересы общества. Однако для получения такого результата, как отмечает автор статьи, требуется наличие «видимой руки» государства. Исходя из того ответа, который профессор Пороховский получил на первый вопрос («невидимая рука» — объективный закон общества), получается, что современные проблемы рынка требуют системного подхода для их решения. Если непременным атрибутом рыночных отношений являются экономические кризисы, которые выступают частью механизма работы «невидимой руки рынка», для решения такого рода проблем требуются системные подходы, основанные на понимании объективных законов экономики.

Крайне любопытные интерпретации идей Адама Смита можно найти в статье главного научного сотрудника Института экономики РАН Петра Ореховского (Ореховский, 2024). Работа строится на ряде тезисов. Во-первых, автор считает, что современные экономисты способны объяснить гораздо меньшую часть экономики, чем в свое время мог сделать Смит. В эпоху становления капитализма основатель политической экономии упускал 15% современной ему экономики, тогда как современные экономисты — в несколько раз больше. Во-вторых, ученый убежден в том, что Смит был либералом, но отнюдь не либертарианцем, поскольку нейтрально относился к рабству и монархической форме правления. В-третьих, профессор Ореховский пересматривает отношение к теории производительного и непроизводительного труда: такое теоретическое деление является полезным для описания рентоориентированного подхода в современной экономике. В целом, статья ученого из Института экономики РАН заставляет задуматься о том, что Смит во многом выигрывает у современных экономистов по глубине понимания экономики.

Необычным может показаться предмет статьи профессора НИУ ВШЭ Леонида Гребнева (Гребнев, 2024) — interest rate (ссудный процент). Несмотря на то что название статьи, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к Смиту, ее автор ищет причины перехода от экспоненциального к гиперболическому дисконтированию, основываясь на «Богатстве народов». Смит важен для того, чтобы показать проблемы современной экономической науки. Для понимания причин перехода от одного типа дисконтирования к другому важно учитывать поведение людей как общества в целом, что зачастую игнорируется мейнстримной экономической мыслью, выстроенной вокруг принципа методологического индивидуализма.

Описанию научной новизны, которую привнес Смит в экономическую науку, и причин, вызвавших их появление на свет, посвящена статья гарвардского экономиста Бенджамина Фридмана (Фридман, 2024).

Признавая влияние французской экономической мысли, автор приходит к выводу о том, что именно шотландскому ученому впервые удалось представить стремление к улучшению качества жизни, не в виде чего-то греховного, а в виде важного свойства человеческой природы. Механизм «невидимой руки» также естественен — благодаря ему свободно конкурирующие друг с другом индивиды, преследующие частные интересы, обеспечивают достижение оптимального с точки зрения общества результата. Этого не было в работах предшественников, и это объясняет механизм, обеспечивающий работу первой теоремы благосостояния, которую знают современные ученые. Вместе с тем автор признает и тот факт, что Смит вовсе не абсолютизировал значимость рынка и допускал государственное вмешательство, когда это соответствовало достижению общественных интересов. В качестве основ «Богатства народов» автор статьи называет коммерцию, стоицизм, ньютоновскую механику и протестантскую этику. Подводя итоги, профессор Фридман отмечает, что современная экономическая наука по-прежнему опирается на научное наследие А. Смита.

Обсуждение актуальности работ Смита получило продолжение в работе профессора Университета Джорджа Мэйсона Питера Беттке (Беттке, 2024). Автор опровергает популярную идею о том, что все самое необходимое и верное из теории Смита благополучно вошло в современную экономическую теорию, а, следовательно, чтение «Богатства народов» не несет никакой ценности для исследователя, кроме удовлетворения любопытства. По мнению Беттке, первая причина актуальности книги Смита заключается в подтверждении им значимости институтов. Без них едва ли сможет работать та же знаменитая «невидимая рука». Вторая причина актуальности творчества Смита — подчеркивание важности морали. Смит показывает, что успешное экономическое развитие невозможно без кооперации между членами общества. Несмотря на стремление к преследованию частных интересов, люди не забывают об эмпатии и сотрудничестве. Третья причина, по которой чтение Смита будет полезно всем современным экономистам, — это иллюстрация значимости проблем оппортунистического поведения и необходимости борьбы с ним.

Несмотря на популярность идей Смита во всем мире, он по-прежнему рассматривается как мыслитель, повлиявший, прежде всего, на развитие западной цивилизации. Однако известный российский специалист по истории экономической мысли Китая, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН Ольга Борох (Борох, 2024) показывает, что следы влияния шотландского ученого можно отыскать гораздо восточнее, в частности, в Китае. Пожалуй, самым интересным моментом статьи является демонстрация того, что рецепция идея Смита в каждой стране идет по-своему и сильно зависит от смены политической обстановки. Скажем, во времена династии Цин трудовая теория стоимости

была признана ошибочной. Однако изменение политических реалий, рост интереса к марксизму в 1910–1940-е гг. реактуализировал трудовую теорию стоимости и сделал популярными трактовки Смита как предшественника Маркса. В современном Китае Смит предстает в другом образе. На этот раз в роли адвоката, отстаивающего достоинства рыночного распределения ресурсов (разумеется, при контроле со стороны сильного государства). Таким образом, Смит не утрачивает актуальности в Китае, его творческое наследие не выглядит чем-то застывшим, напротив, оно (пере)интерпретируется в зависимости от практических потребностей страны.

Глубокий исторический экскурс отличает и статью ординарного профессора НИУ ВШЭ Леонида Григорьева (Григорьев, 2024). В своей работе ученый описывает ряд исторических кейсов, показывающих значимость империй для развития человеческой цивилизации. Полемизируя со Смитом, автор показывает, что империи несут немало пользы, поскольку в период между своим расцветом и закатом позволяют осуществлять накопление научных знаний, формируют культурные коды, которые позже будут влиять на развитие общества даже после крушения имперских институтов. Человечество пришло к «невидимой руке» после долгого пути, на котором ему немало помогали империи.

Нестандартные подходы к оценке роли Смита, а также состояния экономической науки содержатся в статье ученых из Южного федерального университета Вячеслава Вольчика и Елены Фурсы (Вольчик, Фурса, 2024). Используя наработки Дугласа Норта, авторы рассматривают экономическую науку как набор идеологий, считая ее несвободной от идеологических установок. По их мнению, это означает, что наличие позитивной экономической науки принципиально невозможно: ученый выбирает предпосылки для теорий и вопросы для изучения на основе личных идеологических предпочтений. В этом контексте концепции, разработанные Смитом, выступают так называемыми протонарративами — своеобразными строительными лесами для современных теорий. В такой трактовке «невидимая рука» становится важной основной для либерального и неолиберального мировоззрения, а сам Смит является родоначальником либерального нарратива.

Необычный угол зрения на творчество Смита отличает и профессора Грацкого университета Хайнца Д. Курца (Курц, 2024). С точки зрения экономиста, несмотря на то что Чарльз Дарвин не был современником шотландского мыслителя, Смит был эволюционистом. Для подтверждения этого тезиса профессор Курц показал, что эволюционизм Смита питался не работами Дарвина, а трудами его предшественника — французского естествоиспытателя Жоржа-Луи Леклерка де Бюффона. Элементы эволюционной теории можно найти у Смита в описании конкуренции как процесса отбора наиболее приспособленных к рыночным условиям предпринимателей и механизма возникновении мутаций-инноваций.

С другой позиции — через увеличительное стекло теории общественного выбора – рассматривает наследие Смита профессор Университета Тринити Мария Пиа Паганелли (Паганелли, 2024). В критике меркантилизма Смитом автор находит элементы борьбы с лоббизмом и рентоориентированным поведением. Смит понимал, что политики обладают личными интересами и пытаются навязать их обществу. Снизить остроту этой проблемы может механизм конкуренции: власти предержащие должны конкурировать между собой. Без живительной конкуренции их монополия будут создавать несправедливость, порождающую экономическую неэффективность.

Оригинальный подход к анализу работ Адама Смита содержится в статье его знаменитого однофамильца — профессора Университета Чепмена Вернона Смита (Смит, 2024). Нобелевский лауреат в своей работе обращает внимание на то, что в творчестве его великого предшественника общество покоится на двух краеугольных камнях — благостности и справедливости, причем справедливость является более важным столпом.

* * *

«Нужен ли нам Адам Смит после Самуэльсона?», — такое провокативное название носила ставшая культовой статья Кеннета Боулдинга, увидевшая свет в 1971 г. (Boulding, 1971). Если мы заменим фамилию Самуэльсона на фамилию любого другого крупного современного экономиста и спросим авторов настоящего номера «Вестника», то без сомнения получим положительный ответ. В чем же причина интеллектуального бессмертия Смита? Почему он не спешит отправляться пылиться в музей восковых фигур? Полагаем, что все специалисты ответят на эти вопросы поразному. Мы же осмелимся предположить, что удивительная «живучесть» идей Смита (среди прочего) вызвана не только смысловым наполнением, но и формой их репрезентации. Тексты Смита не создают ощущения высеченных в граните незыблемых истин. Напротив, они больше напоминают живых собеседников, щедро делящихся нешаблонными мыслями, «бросающих вызов современности и дополняющих современную экономическую мысль» (Garnett, 2019, p. 134). Кроме того, материалы данного номера журнала красноречиво говорят о том, что наследие Смита выполняет функцию безбрежного интеллектуального резервуара, доступ к которому открыт для экономистов всех стран и направлений мысли. Хочется верить, что это «безграничье» будет сохраняться и дальше, невзирая на всю турбулентность современного мира. В чем же нет никаких сомнений — это в том, что Московский университет, празднующий в 2025 г. свое 270-летие, будет и дальше выступать точкой сбора ведущих экономистов всего мира, генератором новых идей и гостеприимной научной площадкой, где одинаково рады и Адаму, и Вернону Смитам.

Список литературы

Автономов, В. С. (2024). «Учение о цивилизации» академика Шторха и его место во взаимовлиянии западной и русской экономической мысли. *AlterEconomics*, *21*(1), 6–19. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.2

Аникин, А. (1990). Адам Смит, русская мысль и наши проблемы. *Мировая экономика и международные отношения*, *7*, 80–86. https://doi.org/10.20542/0131-2227-1990-7-80-86

Бетке, П. Дж. (2024). Почему сегодня нужно читать Адама Смита? *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Борох, О. Н. (2024). Учение Адама Смита в китайском интеллектуальном ландшафте. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Вольчик, В. В., & Фурса, Е. В. (2024). Теория и идеология в экономической науке: от Адама Смита до Эстер Дюфло. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Гловели, Г. Д., & Минаева, Е. А. (2023). Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или Десница и шуйца «системы естественной свободы. *Вопросы теоретической экономики*, *1*, 32–45. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45

Гребнев, Л. С. (2024). Interest (rate): откуда «растут ноги». *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Григорьев, Л. М. (2024). Империи древних — грубое орудие истории *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6*

Капелюшников, Р. И. (2023). *Многорукий Адам Смит*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. Препринт WP3/2023/01. https://wp.hse.ru/data/2023/03/14/2037479684/WP3_2023_01_.pdf

Курц, Х. Д. (2024). Адам Смит о процессе цивилизации и связанных с ним рисках. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Мальцев, А. А. (2016). Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы. *Вопросы экономики*, *11*, 135–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158

Мальцев, А. А., & Ковалев, А. В. (2020). Теоретико-методологические взгляды экономистов России и Беларуси: эффект колеи? *Журнал экономической теории*, *17*(3), 560–573. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.4

Мохначева, Ю. В., & Цветкова, В. А. (2019). Россия в мировом массиве научных публикаций. *Вестник Российской академии наук*, *89*(8), 820–830. https://doi.org/10.31857/S0869-5873898820-830

Ореховский, П. А. (2024). Адам Смит — взгляд из XXI в. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Паганелли, М. (2024). Адам Смит и нравственное содержание политической экономии: интерпретация с позиций теории общественного выбора. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Пороховский, А. А. (2024). Значение «невидимой руки» А. Смита для развития экономической науки. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Смит, В. Л. (2024). Адам Смит о благодеянии, справедливости и обществе. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Соколов, М., & Сафонова М. (2024). Экономисты и их фан-клубы: распределение признания в российской экономической науке. *Социологическое обозрение*, *23*(1), 244–227. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-244-278

Фридман, Б. М. (2024). Идейные предшественники Адама Смита. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Худокормов, А. В. (2024). Адам Смит, Семён Десницкий, Иван Третьяков: великий экономист и русские ученики. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика, 6.*

Aigner, E., Greenspon, J., & Rodrik, D. (2024). The Global Distribution of Authorship in Economics Journals. *NBER Working Paper. No. 29435.* https://doi.org/10.3386/w29435

Artemieva, T. V., & Mikeshin, M. I. Hume in Russia. In: Jones, P. (Ed.). (2005). *The Reception of David Hume in Europe.* New York: Thoemmes Continuum

Backhaus, J., Chaloupek, G., & Frambach, H. (Ed). (2024). 300 Years of Adam Smith Reception and Influence in Selected European Countries. *Springer.* https://doi.org/10.1007/978-3-031-63261-7

Borokh, O. (2012). Adam Smith in Imperial China: Translation and Cultural Adaptation. *Œconomia*, *2–4*, 411– 441. https://doi.org/10.4000/oeconomia.1167

Boulding, K. E. (1971). After Samuelson, Who Needs Adam Smith? *History of Political Economy*, *3*(2), 225–237. https://doi.org/10.1215/00182702-3-2-225.

Brown, M. (2010). *Adam Smith's Economics: It's Place in the Development of Economic Thought.* New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203092743

Garnett, R. F. (2019). Smith after Samuelson: Care and Harm in a Socially Entangled World. *Forum for Social Economics*, *48*(2), 125–136. https://doi.org/10.1080/07360932.2019.1601122

Libman, A., & Zweynert, J. (2014). Ceremonial Science: The State of Russian Economics Seen Through the Lens of the Work of "Doctor of Science" Candidates. *Economic Systems*, *38*(3), 360–378.

Liu, G. (2022). *Adam Smith's America: How a Scottish Philosopher Became an Icon of American Capitalism.* Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv2mzb0fj

Luo, W. (2017). *Scholarship on Adam Smith in China, 1949–2013.* In: Forman F. (Eds.). *The Adam Smith Review.* London, New York: Routledge. Vol. 9.

Meek, R. (1956). *Studies in Labor Theory of Value.* London: Lawrence and Wishart.

Otteson, J. (2018). *The Essential: Adam Smith.* Fraser Institute.

Peterson, M. B. (1971). *The Regulated Consumer.* Ottawa, Illinois: Green Hill Publishers.

Skousen, M. (2007). *The Big Three in Economics: Adam Smith, Karl Marx, and John Maynard Keynes.* New York: M. E. Sharpe. https://doi.org/10.4324/9781315700229

Sobel, I. (1979). Adam Smith: What Kind of Institutionalist Was He? *Journal of Economic Issues, (13)*2, 347–368. https://doi.org/10.1080/00213624.1979.11503642

Viner, J. (1927). Adam Smith and Laissez Faire. *Journal of Political Economy, 35*(2), 198–198.

Viner, J. (1984). Adam Smith. In: Wood J. C. (Eds.). *Adam Smith: Critical Assessment.* London, New York: Routledge. Vol. 1, 111–122.

References

Anikin, A. (1990). Adam Smith, Russian Thought and our Problems. *World Economy and International Relations*, *7*, 80–86. https://doi.org/10.20542/0131-2227-1990-7-80-86

Avtonomov, V. S. (2024). "The Doctrine of Civilization" by Academician Storch and its place in the mutual influence of Western and Russian economic thought. *AlterEconomics, 21*(1), 6–19. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.2

Boettke, P. J. (2024). Why is it necessary to read Adam Smith today? *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Borokh, O. N. (2024). The doctrine of Adam Smith in the Chinese intellectual landscape. *Vestnik MSU. Serie 6. Economics, 6.*

Friedman, B. M. (2024). Ideological predecessors of Adam Smith. *Vestnik MSU. Series 6. Economics*, *6*.

Glovely, G. D., & Minaeva, E. A. (2023). Critical and non-critical Smithianism of Heinrich Storch, or the Right and Left hands of the "system of natural freedom". *Questions of Theoretical Economics*, *1*, 32-45. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45

Grebnev, L. S. (2024). Interest (rate): where does the problem arise of? *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Grigoriev, L. M. (2024). Empires of the ancients — a crude instrument of history. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6*

Kapelyushnikov, R. I. (2023). *Many-armed Adam Smith*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics. Preprint WP3/2023/01. https://wp.hse.ru/data/2023/03/14/2037479684/WP3_2023_01_____.pdf

Khudokormov, A. V. (2024). Adam Smith, Semyon Desnitsky, Ivan Tretyakov: the great economist and Russian pupils. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Kurtz, H. D. (2024). Adam Smith on the process of civilization and related risks. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Maltsev, A. A. (2016). Russian community of economists: main features and perspectives. *Voprosy ekonomiki*, *11*, 135–158. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-11-135-158

Maltsev, A. A., & Kovalev, A. V. (2020). Theoretical and methodological views of economists in Russia and Belarus: Path Dependence? *Journal of Economic Theory*, *17*(3), 560–573. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.4

Mokhnacheva, Y. V., & Tsvetkova, V. A. (2019). Russia in the world array of scientific publications. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, *89*(8), 820–830. https://doi.org/10.31857/S0869-5873898820-830

Orekhovsky, P. A. (2024). Adam Smith — a view from the XXI century. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Paganelli, M. (2024). Adam Smith and the moral content of political economy: interpretation from the standpoint of the theory of public choice. *MSU Vestnik. Series 6. Economics*, *6.*

Porokhovsky, A. A. (2024). The significance of A. Smith's "invisible hand" for the development of economic science. *MSU Vestnik. Series 6. Economics*, *6.*

Smith, V. L. (2024). Adam Smith on beneficence, justice and society. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

Sokolov, M., & Safonova M. (2024). Economists and Their Fan-clubs: The Distribution of Recognition in Russian Economic Science. *Russian Sociological Review, 23*(1), 244–227. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-1-244-278

Volchik, V. V., & Fursa, E. V. (2024). Theory and Ideology in Economic Science: from Adam Smith to Esther Duflo. *Vestnik MSU. Series 6. Economics, 6.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Г. Худокормов[1]
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2

К Юбилею Московского университета

АДАМ СМИТ, СЕМЕН ДЕСНИЦКИЙ, ИВАН ТРЕТЬЯКОВ: ВЕЛИКИЙ ЭКОНОМИСТ И РУССКИЕ УЧЕНИКИ

В статье исследовано влияние экономических идей Адама Смита на его российских учеников — Семена Ефимовича Десницкого (1740–1789) и Ивана Андреевича Третьякова (1735–1779). Ставится задача доказать, что усилиями этих мыслителей, ставших впоследствии профессорами Московского университета, началось проникновение смитианства в российскую экономическую литературу XVIII в. Методом последовательного текстуального анализа продемонстрированы основные пути и средства идейного воздействия А. Смита на воззрения будущих российских профессоров (критика торговых монополий и неконкурентной среды в банковской сфере, защита свободы торговли, осуждение меркантилистских ограничений). В результате исследований выявлены общее и особенное в экономических позициях первых русских смитианцев. Особо отмечена роль И. А. Третьякова, который впервые познакомил русскую публику с теми элементами трудовой теории стоимости, что сложились в трудах А. Смита в начале 1760-х гг. Главный вывод статьи заключается в том, что под влиянием «шотландского мудреца» его русские ученики стали убежденными противниками крепостного строя. Следуя идеям А. Смита, С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков пришли к осознанию того, что в центре эффективного и динамичного хозяйства должна стоять свободная человеческая личность.

Ключевые слова: история российской экономической мысли, российское смитианство, критика крепостничества.

Цитировать статью: Худокормов, А. Г. (2024). Адам Смит, Семен Десницкий, Иван Третьяков: великий экономист и русские ученики. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 19–38. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2.

[1] Худокормов Александр Георгиевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: akhudo52@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7901-2108.

© Худокормов Александр Георгиевич, 2024 CC BY-NC

A. G. Khudokormov
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
JEL: B10, B12, B19, B31

ADAM SMITH, SEMYON DESNITSKY, IVAN TRETYAKOV: GREAT ECONOMIST AND HIS RUSSIAN DISCIPLES

The article examines the influence of Adam Smith's economic ideas on his Russian students — Semyon Efimovich Desnitsky (1740–1789) and Ivan Andreevich Tretyakov (1735–1779). The aim is to prove that the efforts of these thinkers, who later became professors of Moscow University, initiated the penetration of Smithianism into the Russian XVIII century economic literature. The method of sequential textual analysis demonstrates the main ways and means of A. Smith's ideological influence on the views of future Russian professors (criticism of trade monopolies and an uncompetitive environment in the banking sector, protection of freedom of trade, condemnation of mercantilist restrictions). The research reveals the general and special features in the economic positions of the first Russian Smithians. The authors particularly note the role of I. A. Tretyakov, who was the first to acquaint the Russian public with the elements of the labor theory of value developed in the works of A. Smith in the early 1760s. The main finding of the article concerns the influence of the "Scottish sage" on his Russian disciples who became convinced opponents of serfdom system. Drawing on Smith's ideas, S. E. Desnitsky and I. A. Tretyakov came to realising that a free human personality should be at the center of an effective and dynamic economy.

Keywords: history of Russian economic thought, Russian Smithianism, criticism of serfdom.

To cite this document: Khudokormov, A. G. (2024). Adam Smith, Semyon Desnitsky, Ivan Tretyakov: great economist and his Russian disciples. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 19–38. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-2

В 2023 г. мир экономической науки отмечал 300-летие со дня рождения основателя экономической теории, классика политической экономии — Адама Смита. В 2025 г. россияне празднуют другой знаменательный юбилей — 270-летие основания Московского университета. Для тех, кто посвятил жизнь экономической науке, особенно для «граждан Московского университета», эти даты связаны. Точно установлено, что учениками Адама Смита были российские студенты, впоследствии — профессора нашей alma mater. Звали студентов великого шотландца Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков прибыли в Глазговский университет в конце 1761 г. и вплоть до ухода А. Смита из университета и его отъезда за границу (в феврале 1764 г.) могли и более того — были обязаны штудировать лекции великого мэтра.

Немного историографии

Идейное влияние Смита на последующие публикации Десницкого и Третьякова изучено довольно тщательно в том, что касается общефилософских, правовых и социологических концепций (Бак, 1955; Балабанова, 2006; Волков и др., 2006; Коркунов, 1908; Мееровский, 1997; Пролубников, 2014). В отечественной литературе имеются публикации, посвященные их экономическим воззрениям (Бак, 1954; Святловский, 1923). Но до сих пор не выделен специально анализ воззрений Десницкого и Третьякова как первых русских смитианцев в экономической науке[2].

Рассуждения о Десницком и Третьякове как об учениках Адама Смита находятся на втором и даже третьем плане в трудах такого выдающегося историка-экономиста, как Анатолий Игнатьевич Пашков (1900–1988). В коллективном исследовании по истории русской экономической мысли эпохи феодализма А. И. Пашков скрупулезно анализирует практически все высказывания Десницкого и Третьякова, имеющие малейшее отношение к экономической тематике (Пашков,1955). Но прямое влияние Адама Смита на позицию его учеников здесь либо скрыто, либо явно недооценено.

И этому есть убедительное объяснение. Первая часть «Истории русской экономической мысли» (под редакцией А. И. Пашкова) была сдана в печать летом 1954 г., а значит, реально создавалась в предшествующую эпоху. До марта 1953 г. в официальной печати СССР безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой «русская экономическая мысль развивалась самостоятельно и... ни в коем случае не зависела от западных влияний» (Цвайнерт, 2007, с. 28).

Мы далеки от того, чтобы видеть в трудах А. И. Пашкова «позорный знак советской историографии эпохи Сталина» (цит. по: Цвайнерт, 2007, с. 28). Автор подобных оценок А. Гершенкрон, по всей видимости, наивно полагал, что сам он создавал труды, не подчиняясь социальному заказу. Что же касается поколения историков-экономистов, начинавших путь в науку в годы брежневской «изморози», нам вполне ясны трудности тех ученых, что жили и трудились в «морозную зиму» позднего сталинизма. Наше поколение может гордиться тем, что стоит на плечах таких корифеев, как А. И. Пашков, И. Г. Блюмин, Д. И. Розенберг, Б .Б. Кафенгауз и других исследователей.

Вместе с тем нельзя не видеть, что навязанная сверху тотальная борьба с «низкопоклонством перед Западом» принесла отравленные плоды. В гла-

[2] Исключением является весьма содержательная публикация Л. А. Муравьевой (Муравьева, 2009). Но здесь воззрения Десницкого и Третьякова сравниваются с содержанием книги А. Смита «Исследования о причинах и природе богатства народов» (1776). Подобное сравнение вряд ли правомерно. Ведь содержание главного экономического сочинения А. Смита осталось для его русских учеников неизвестным.

вах А. И. Пашкова, в частности, недооценка влияния А. Смита привела к тому, что идейная зрелость и самостоятельность его учеников в экономической науке оказались явно завышенными, особенно в вопросах теории товара, стоимости и разделения труда.

Продолжая историографическую тему, отметим, что в весьма содержательной книге Йоахима Цвайнерта (ФРГ) по предыстории и самой истории российской экономической мысли (до 1905 г.) труды Десницкого и Третьякова упоминаются в связи с их восприятием «классического экономического учения» (Цвайнерт, 2007, с. 47–49). Это, видимо, другая крайность, поскольку наиболее важным признаком продвижения вперед в трудах российских мыслителей стала вполне оригинальная (хотя и закамуфлированная) критика крепостного права. В этом отношении для нас предпочтительней выглядит позиция А. И. Пашкова, поместившего воззрения Десницкого и Третьякова в главу «Начало критики крепостного строя» (Пашков, 1955, с. 519–587).

По нашему глубокому убеждению, отрицательное отношение к крепостному праву как раз и было той лакмусовой бумажкой, которая отличала прогрессивных мыслителей России второй половины XVIII в. от мыслителей консервативных и реакционных. Недооценка указанного критерия ведет к тому, что в состав русских смитианцев помимо Десницкого и Третьякова зачисляется сама императрица Екатерина Вторая — на том основании, что в ее Наказе 1767 г. имеется несколько критических выпадов против торговых монополий. (Утверждается, что данную критику Екатерина II могла позаимствовать в трудах С. Е. Десницкого (Цвайнерт, 2007, с. 48–49).)

Между тем никакие колебания между либерализмом и дворянским консерватизмом не оправдывают зачисление царицы Екатерины в последовательницы Адама Смита — подлинного сторонника экономической свободы. В период ее царствования издавались указы о праве помещиков ссылать крепостных на каторгу (1765); крепостное право было распространено на часть земель Левобережной Украины (1783), готовилась война против революционной Франции (1795) и т.д.

Лучшей критикой здесь могут послужить строки незабвенного Козьмы Пруткова (А. К. Толстого), специально посвященные екатерининской эпохе (Толстой, 1984, с. 334):

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,

Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

«Messieurs, — им возразила
Она, — vous me comblez»[3], —
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

Что успел передать А. Смит русским ученикам

После краткого историографического очерка нам предстоит разрешить вопрос: каким образом повлияли на будущих московских профессоров воззрения Смита как экономиста. Здесь полезно проанализировать само развитие научных взглядов Смита вплоть до его знакомства с русскими учениками. Ведь как уже отмечалось, содержание его главного труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) осталось для Десницкого и Третьякова неизвестным. Необходимо выяснить, с каким багажом научных идей входил Смит в аудиторию, где ему внимали выходцы из далёкой России?

Известно, что будущий автор «Богатства народов» рано пристрастился к чтению серьезных книг. В школе родного Керколди (близ Эдинбурга) он изучал латынь, историю, географию, т. е. первое образование Смита было гуманитарным. В четырнадцать лет Смит успешно сдает экзамены в университет шотландского Глазго. Здесь он слушает лекции по нравственной и натуральной философии, знакомится с началами математики. Расширяется его языковой багаж: уроженец Керколди осваивает азы древнегреческого и французского языков.

Через три года, как отличный студент, Смит был отправлен на учебу в Оксфордский университет. Но здесь его знания прирастали не за счет аудиторных занятий, а благодаря посещению богатой университетской библиотеки. Смит знакомится с классиками английской и французской литературы, читает Вольтера и Монтескье, фундаментальные труды по истории.

Профессора Оксфорда — почти все англиканские священники — заставляли студентов зазубривать «давно отвергнутые идеи», занимались интригами, шпионили за своими воспитанниками. Сами же студенты дважды в день ходили на молитву и только два дня в неделю обязаны были посещать занятия. Позднее Смит писал, что «в Оксфордском университете большинство профессоров уже много лет совсем отказалось даже от видимости преподавания» (Смит, 2009, с. 706). Тягостность пребывания в Оксфорде усугублялось тем, что местные студенты, в основном дети английской знати, подвергали шотландцев, и Смита в их числе,

[3] Здесь: Господа, Вы мне льстите. Дословно: Вы засыпаете меня [похвалами].

насмешкам — за бедность, отсутствие изящных манер и шотландский говор. Смита, таким образом, необходимо считать именно шотландским, в лучшем случае — британским, но никак не английским мыслителем.

В целом проведенные в Оксфорде шесть лет Смит считал едва ли не самыми несчастными в жизни. В 1746 г., так и не получив оксфордского диплома, он возвращается на родину, чтобы усиленно заняться самообразованием. Едва достигнув 25-летнего возраста, Смит начинает вести лекционные курсы в Эдинбургском университете — по юридическим наукам, английской литературе, другим темам. В 1750 г. состоялось знакомство Адама Смита с Дэвидом Юмом. Именно в Эдинбурге будущий автор «Богатства народов» впервые начинает задумываться над вопросами экономической жизни.

По признанию Смита (из более позднего письма), он уже в начале 1750-х гг. приходит к обобщениям социально-экономического характера: «Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до внешней ступени благосостояния, нужны лишь мир, лёгкие налоги и терпимость в управлении, всё остальное сделает естественный ход вещей» (цит. по: Аникин, 1968, с. 52).

В 1759 г. выходит в свет первая большая монография Смита «Теория нравственных чувств». Автор критикует здесь отдельные постулаты церковной морали, отстаивает принципы гуманизма и справедливости. Любопытно, что в ряде мест Смит отдаёт предпочтение простым людям перед лицами «высшего звания», его симпатии находятся на стороне человека, живущего «собственным заработком» (Смит, 1997, с. 21).

Известно, что непосредственно перед кончиной (1790 г.) весь личный архив Смита (16 томов) по его просьбе был сожжен. Но, к счастью, сохранились студенческие конспекты его лекций начала 1760-х гг., тех самых лекций, которые могли слушать Десницкий и Третьяков.

Таких счастливых находок несколько (Smith,1896; Scott, 1937; Gray, 1948). Из них мы узнаем, что до отъезда в заграничную поездку (1764–1767 гг.) в качестве воспитателя молодого аристократа (лорда Баклю) Адам Смит во все возрастающей степени интересовался вопросами экономики и экономической теории. Согласно оценке видного российского экономиста А. В. Аникина, Смит испытывал тогда эволюцию «от нравственной философии к политической экономии» (Аникин, 1968, с. 80–91).

Содержание конспектов лекций начала 1760-х гг. демонстрирует их «большое сходство» с первыми разделами «Богатства народов». По существу, у Смита уже сформировался тогда черновой вариант первых разделов его главного труда «Богатства народов». В конспектах кратко излагается значение разделения труда в создании общественного богатства, выделяются понятия «естественной цены» и рыночных цен, впервые описывается роль труда как «действительной меры» стоимости, проводится различие между производительным и непроизводственным трудом, критикуется

меркантилизм, обосновывается необходимость свободы торговли (Аникин, 1968, с. 68–80; Аникин, 2009, с. 886–887; Майбурд, 1993, с. 46–47).

О чем говорят данные творческой биографии Смита? Во-первых, они свидетельствуют о том, что в аудиторию, заполненную студентами, в числе которых находились молодые С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, входил уже вполне сложившийся, зрелый ученый, несомненный эрудит в вопросах общественных наук. Курс по нравственной философии Смита включал в начале 1760-х гг. четыре раздела: естественную теологию, этику, государство и право и «целесообразность» (в основном экономику). Из четвёртого раздела как раз и выросло затем «Богатство народов» (Майбурд, 1993, с. 46).

Отметим также, что Смит еще прежде в течение ряда лет читал курс по риторике и «изящной словесности». Как свидетельствовали современники, он вполне овладел искусством яркой, насыщенной речи. Смит, конечно же, не забыл о занудстве своих оксфордских менторов и старался его избегать. Все говорит о том, что молодые московиты, о которых мы рассказываем, внимали профессору, наделенному недюжинным ораторским талантом.

Несколько слов следует сказать и о личных качествах Смита за пределами университетской аудитории. О них, опираясь на мемуарную литературу, повествует А. В. Аникин. Оказывается, именно Адам Смит привез по просьбе русского посланника будущих студентов Десницкого и Третьякова из Лондона в Глазго, где обучение обходилось тогда дешевле. А. В. Аникин уточняет, что молодые люди не сразу попали на лекции Смита. В первый год необходимо было освоить английский язык. Но в 1762/63 учебном году посещение ими смитовских лекций стало регулярным. По ходатайству Смита россияне получили от Глазговского университета временное пособие, в котором очень нуждались по причине задержки содержания из России. Смит почти каждую неделю приглашал своих русских питомцев домой и угощал их обедом. Несколько раз он водил их на обеды в свой клуб. Словом, старался поддержать в личном плане. Русские студенты в свою очередь платили профессору искренним уважением, а менее робкий в личном общении Десницкий даже познакомил Смита, его близких и знакомых с малороссийскими песнями и вкусом галушек (Аникин, 1968, с. 91–102).

Кратко о жизненном пути учеников Смита

Скажем теперь несколько слов о земном пути и личностном развитии русских воспитанников великого шотландца. Тем более что в их судьбах многое оказалось сходным.

Семен Ефимович Десницкий (1740–1789) и Иван Андреевич Третьяков (1735–1779) не принадлежали к кругу российской аристократии, не были

дворянами по происхождению. И тот, и другой родились в провинции. С. Е. Десницкий был выходцем из нежинских мещан, И. А. Третьяков — уроженцем Твери. Десницкий, по данным биографов, родился в семье священника, возможно, он был «казацкого роду». Третьяков, по всей видимости, также происходил из семьи церковнослужителя.

До поступления в университет оба закончили духовные семинарии; Десницкий — в знаменитой Троицкой Лавре под Москвой, Третьяков — в родной Твери. Известно, что Десницкий учился затем в подготовительной университетской «разночинной гимназии» в Москве. В особом свидетельстве от 27 апреля 1759 г. зафиксирован его перевод из гимназии в Московский университет. Тогда же студентом Московского университета стал И. А. Третьяков.

Год спустя оба они были переведены в Университет при Академии Наук в Петербурге, отбыв отсюда в 1761 г. по распоряжению видного вельможи И. И. Шувалова на учёбу в Шотландию. Повторим еще раз: точно установлено, что в Глазговском университете в 1762/63 учебном году им посчастливилось прослушать курс Адама Смита.

Обучение Десницкого и Третьякова в Глазго завершилось успешно. В 1765 г. оба стали магистрами, а затем выдержали экзамен на звание докторов права.

По возвращении в Россию (1767 г.) ученики Смита после положенных испытаний приступили к чтению лекций сначала в должности экстраординарных (вне штата), а затем и ординарных профессоров. Особенно высоко по служебной лестнице взошел С. Е. Десницкий, став в 1783 г. действительным членом Российской Академии. Трудились Десницкий и Третьяков на Юридическом факультете Московского университета. (Экономических подразделений в нашем университете тогда не существовало. Первая кафедра по изучению политической экономии была создана в 1804 г.)

В процессе научной и преподавательской деятельности С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков выступали в роли видных российских просветителей демократического направления. Вынужденно поддерживая официальную правительственную идеологию «просвещенного абсолютизма», они в то же время были сторонниками ограниченной, по существу — конституционной монархии. Как показывают специальные исследования, С. Е. Десницкий, будучи представителем исторической школы права, «призывал к изучению реальных исторических условий возникновения и развития государства и права, стремился к провозглашению неотъемлемых прав человека», включая право собственности. По его мнению, на основе последнего как раз и возникли государство и право как таковые (см. подробнее: Балабанова, 2006, с. 5–7). Близких государственно-правовых воззрений придерживался И. А. Третьяков.

Несомненной заслугой профессоров С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова стало преподавание правовых университетских дисциплин на род-

ном для слушателей русском языке, тогда как прочие профессора читали подобные курсы либо по-немецки, либо по-латыни. Это вызывало постоянные трения и даже ссоры Десницкого и Третьякова, с одной стороны, и значительного числа профессоров немецкого происхождения, — с другой. Высказывается мнение, что данные трения послужили одной из причин раннего ухода сначала Третьякова, а затем и Десницкого на пенсию (Brown, 1975, p. 250). Преждевременная кончина прервала их достойные жизни. Оба скончались, не дожив до 50-летнего возраста.

С. Е. Десницкий как экономист и первый русский смитианец

Характеризуя идейное влияние, которое оказало на русских учеников экономическое учение Смита, подчеркнем еще раз, что само это учение было известно Десницкому и Третьякову не в полной мере. Сам С. Е. Десницкий неоднократно ссылался на литературное наследие своего глазговского профессора, но упоминал лишь одну из его книг — «Теорию нравственных чувств» (1759).

Смит характеризуется Десницким как «остроумный» мыслитель, автор «новой системы нравоучительной философии», которая (система), как и труды Д. Юма, была издана «к великому удовольствию ученого света» (Десницкий, 1952, с. 202, 288).

Главное экономическое сочинение Смита «Богатство народов» (1776) не упомянуто Десницким (равно, как и Третьяковым) ни разу. Однако идейное воздействие гениального шотландского экономиста на публикации любого из русских учеников прослеживается достаточно рельефно.

Начнем с прямых заимствований...

Согласно Смиту, человеческое общество проходит четыре исторические стадии, последовательно сменяющие друг друга. Это стадии охотничья, скотоводческая, земледельческая и торговая (торгово-промышленная). Данная схема известна нам из содержания «Богатства народов» (Смит, 2009, с. 651–656). Десницкий же, по всей видимости, познакомился с ней, штудируя более ранние лекции Смита. Он выделяет последовательные «состояния общежительства» народов, живущих охотою, пастушеством, хлебопашеством, коммерцией (Десницкий, 1952, с. 272–286).

У Смита торговое (торгово-промышленное) общество — явно буржуазное (Смит, 2009, с. 406). Здесь исчезает феномен личной несвободы, а товары и услуги распределяются «невидимой рукой» рынка. В публикациях же Десницкого «коммерческое состояние» лишь внешне сходно со смитовским «торговым».

Десницкий утверждает, что переход к состоянию, в котором народы «имеют больше случаев менять и продавать свои вещи», — это всего лишь эволюция от «февдальной» раздробленности и вольности к абсолютизму, или дословно: переход от «правления аристократического, состоящего

из вельмож и имеющего над собой государя не полномощного», к государственному устройству, представленному в «благоучрежденных и процветающих державах европейских», включая, разумеется, Российскую империю (Десницкий, 1952, с. 286–286).

Десницкий, таким образом, приспосабливается (вынужден приспосабливаться) к общественным условиям, в которых он живет и работает. И все же смитианская концепция свободной личности как непременной составляющей гражданского общества пробивает себе дорогу. Насколько это возможно, российский мыслитель вслед за Смитом, во-первых, направляет свои высказывания против стеснительных ограничений и привилегий в хозяйственной деятельности и, во-вторых, пусть непоследовательно и завуалированно, но всё же критикует отдельные проявления крепостного права, господствовавшего тогда в России.

Хорошо известно, что Адам Смит выступал против всякого стеснения рыночной свободы, полагая, что только конкурентный рынок может стать основой эффективного хозяйствования. Смит был противником торговых привилегий, разнообразных проявлений монополистического давления на экономику.

Сходную позицию занимает его российский ученик — Семен Ефимович Десницкий. В примечаниях к собственному переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов» (1753) он решительно нападает на «сокровищенствующих миллионщиков» как инициаторов и проводников «не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда оная вся перевалится в руки немногих богачей». Последние же «своим безмерным достатком задавляют всех прочих и делают такую нечувствительную во всем монополию, или единопродавство, которого ни самое премудрое правительство предусмотреть и отвратить не может» (Десницкий, 1952, с. 290–291).

Очевидно, что Десницкий опирается здесь не только на российскую или любую другую национальную торговую практику, не только на отдельный негативный страновой опыт. Он пишет о вреде «единопродавства» вообще, двигаясь к формированию научного понятия «торговой монополии» в его отрицательной коннотации.

Десницкого, конечно же, невозможно причислить к экономистам-классикам, занятым разработкой системы абстрактных экономических категорий. Смит повлиял на него не столько в плане создания отдельных экономических понятий и определений, сколько в формировании общей либерально-демократической, антифеодальной направленности программы.

Десницкий, например, с явным одобрением отзывается о законе, принятом в ходе английской буржуазной революции XVII в. Согласно этому вердикту, «ни один из подданных не может быть принуждён давать короне ни подати, ни денег взаймы, ни подарков без согласия на то парла-

ментского». По мнению русского учного, «в сём установлении имеются ещё и другие премногие выгоды для подданных английских». (Десницкий, 1952, с. 291).

В другом выступлении, опубликованном под заголовком «Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции» (1768), С. Е. Десницкий, подобно передовым деятелям его эпохи, решительно осуждает рабство в Северной Америке, «где европейцы... барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми» (Десницкий, 1952, с. 229).

Важной вехой в формировании общественно-экономических воззрений С. Е. Десницкого служит его деятельность в работе Уложенной Комиссии 1767–1768 гг., созванной Екатериной II. Комиссия, как мы помним, была призвана разработать новое законодательство Российской империи. Эта задача осталась невыполненной из-за начавшейся войны с Турцией. Больше Комиссия не созывалась, однако в ходе ее работы было подано около полутора тысяч наказов с изложением требований от дворян, купечества, различных категорий крестьянства (кроме крепостных). Предложения С. Е. Десницкого, поданные в Комиссию, были в числе наиболее смелых и для того времени — прогрессивных.

В опубликованном «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768) Десницкий прямо ссылается на известный трактат французского просветителя Шарля Монтескье «О духе законов» (1748), т.е. на одну из любимых книг своего учителя Адама Смита. Он без колебаний поддерживает концепцию Монтескье о разделении властей, приближаясь к программе установления в России ограниченной монархии.

В указанном Представлении Десницкий выступает против наиболее одиозных признаков крепостного права. Он требует запретить продажу крепостных крестьян «в розницу», а также семьями, но без земли. По мнению Десницкого, крестьян нельзя продавать на сторону без их согласия, нельзя своевольно переводить их в дворовые. Если крепостной получил от помещика вольную, возврата его в прежнее состояние быть уже не может (Десницкий, 1952, с. 320–322).

Более того, российский ученый предлагает наделить крепостных «некоторым рядом собственности», видимо, неотчуждаемой, чтобы умножить их трудолюбие. Он же выступает против перевода в состав частновладельческих крепостных черносошных и ясашных крестьян, однодворцев, пахотных солдат, других представителей полусвободного российского крестьянства, «чтобы оных жителей никому не жаловать и не продавать» (Десницкий, 1952, с. 319). А ведь подобная практика была тогда весьма распространенной.

(Известно, что Екатерина II передала приближенным в полную «крещёную собственность» около 800 тыс. государственных крестьян, а ее сын Павел I — примерно 600 тыс. (всего за четыре года царствования).)

Считать Десницкого открытым противником крепостного права, видимо, невозможно. На каждом шагу он прибегает к вынужденным оговоркам, что в экономике России ничего нельзя предпринимать «во вред помещикам»; все изменения следует проводить так, чтобы «всё зависело от воли помещика», чтобы не подавать крестьянам повода «к непослушанию и дерзости». Более того, свои замечания и предложения он обязательно снабжает обращениями к «трудолюбивой монархине», «покровительнице наук» — «премудрыя Екатерине», именуя себя е «всеподданнейшим рабом». Но ведь и лидер французских физиократов — Франсуа Кенэ, которого учитель Десницкого А. Смит считал теоретическим союзником, тоже регулярно клялся в верности королю и аристократам. Это не помешало ему, по словам К. Маркса, выдвинуть антифеодальную программу, прикрытую феодальной оболочкой (Маркс, 1954, с. 18–19).

Финансовая программа С. Е. Десницкого отчасти напоминает программы буржуазных классиков, включая физиократов и самого Адама Смита. Как отмечают комментаторы, уже в работе «Теория нравственных чувств» (1759 г.), которую читал и изучал С. Е. Десницкий, Смит отдавал предпочтение простым людям перед лицами «высшего звания» (Мееровский, 1997, с. 13). Похожий настрой характерен для многих предложений Десницкого, который, по его словам, занят решением проблемы «как учинить подати легчайшими для народа». С этой целью предлагается запретить включение косвенных налогов в хлебные цены и переложить косвенные налоги на соль, которую «потребляют и дворяне», а также на вино и табак, как предметы роскоши (Десницкий, 1952, с. 329).

Что же касается прямых налогов, то, согласно Десницкому, следует ввести «накладку на имения», включая строения и земли. Правда, действовать надо осторожно, дабы «прямо не задеть помещиков». Открыто потребовать отмены налогового иммунитета дворянства С. Е. Десницкий не мог. Однако общая либерально-демократическая тенденция в развитии его взглядов прослеживается весьма отчетливо. Он пишет, например, что налоги на доходы и имущества должны собираться «по геометрической прогрессии», т.е. с учетом «неравенства состояний». Ему же принадлежит требование отменить либо резко ограничить в России откупную систему, чтобы создать препоны «неверности винных доходов» государства. И наконец, финансовая программа Десницкого предусматривает отмену торговых монополий и внутренних пошлин на всей территории Российской империи (Десницкий, 1952, с. 330).

И. А. Третьяков — последователь А. Смита в экономической науке

На первый взгляд, идейное наследие И. А. Третьякова в сравнении с наследием Е. С. Десницкого должно представлять для нас меньше интереса.

Оно состоит всего из трех небольших публикаций, тогда как Десницкий оставил после себя более десяти работ, включая крупные. И по объему труды Третьякова во много раз короче, чем труды его собрата по студенческой скамье в Глазго (Третьяков, 1952, с. 335–360).

Тем не менее для историка-экономиста публикации И. А. Третьякова имеют ключевое значение. Начать с того, что произведения Десницкого уже в заглавиях тяготеют к тематике из области правовой науки. Значительная их часть посвящена «Юридическим рассуждениям...» на разные темы. Напротив, два очерка Третьякова из трех посвящены историческим темам, включая историко-хозяйственный аспект[4]. Но самое важное для нас заключается в том, что именно И. А. Третьяков является автором работы, где экономические вопросы вынесены на передний план. Мы имеем в виду его «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов» (1772).

Сама формулировка заглавия здесь, несомненно, смитианская, т.е. заимствованная в лекциях будущего автора «Исследования о природе и причинах богатства народов». Правда, в истории российской экономической мысли приоритет открытия темы «скудости и богатства» принадлежит не Третьякову, а талантливому самоучке, «торговому человеку» Ивану Тихоновичу Посошкову (1652–1726). Но «Книга о скудости и богатстве» (1724) Посошкова была впервые опубликована лишь в середине XIX в. и не могла быть известна ученику профессора Смита.

Вспомним, как начинал свое исследование Адам Смит. Первая глава его «Богатства народов» посвящена разделенному труду. Смит пишет: «Ближайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, ... явились, по-видимому, следствием разделения труда» (Смит, 2009, с. 69).

Каждый, кто читал книгу Смита, знает, что великий шотландец демонстрировал мощный эффект разделения труда на примере булавочной мануфактуры: ремесленник, производивший английские булавки в одиночку, не смог бы изготавливать в день более 20 булавок; десять рабочих, объединившись в мануфактуре с трудом, разделенным на множество операций, производили 48 тыс. готовых изделий. Продуктивность труда отдельного работника увеличилась, таким образом, в 240 раз (Смит, 2009, с. 69–70). Теперь последуем за И. А. Третьяковым, который с первых страниц «Рассуждений о причинах изобилия и медлительного обогащения государств» обращается к той же теме. И. А. Третьяков пишет: «Если бы часовой мастер или фабрикант (здесь: изготовитель. — *Авт.*) последней вещи, иглы, один собою... сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сдавать в год

[4] Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях (1768). Его же: Слово о римском правлении и о разных оного переменах (1769).

одни часы, а в день одну иглу...; в противном случае, через разделение трудов на разные руки премножество таких вещей в один день совершается и достаётся дешевле обществу» (Третьяков, 1952, с. 355).

Мотив разделения труда играет важнейшую роль в теоретической системе Смита. Согласно удачному определению одного из комментаторов, данный мотив служит Смиту своего рода стержнем, соединяющим все части системы в единое целое: «Начиная (в книге I) с пооперационного разделения труда в булавочной мастерской, через разделение труда по отраслям хозяйства (в книге II) и, наконец, приводя к двухсекторной модели: город — село (в книге III), он проходит насквозь всю концептуальную систему "Богатства народов"» (Майбурд, 1993, с. 74).

Надо ли говорить, что в небольшой работе И. А. Третьякова принцип разделения труда не может играть столь всеобъемлющей роли. Тем не менее совпадение начальных ссылок на разделённый труд, конечно же, не случайно, как не случайно и последующее заключение Третьякова о том, что у государства имеются две причины обогащения: «разделение трудов и изобретение художеств» (Третьяков, 1952, с. 355).

(Под художествами тогда разумелись промыслы, или промышленность в принятом широком смысле — от надомного производства до мануфактур.)

В связи с интерпретацией роли разделения труда возникает вопрос, насколько полно русский ученик Смита смог воспринять его трудовую теорию стоимости. Вслед за своим мэтром И. А. Третьяков критикует меркантилистское кредо, согласно которому «государственное богатство заключается во множестве злата и серебра» (Третьяков, 1952, с. 356). Не раз и не два называет русский мыслитель подобное мнение «неосновательным», или «заблуждением». Особенно резко И. А. Третьяков высказывается о доктрине раннего меркантилизма, запрещавшего вывоз монеты за пределы государства. Утверждается, что подобное запрещение превратилось в «главнейшую причину убожества» народного хозяйства Испании: «Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество денег и серебра у них чрезмерно умножилось... Между тем иностранные купцы цены своих товаров возвысили и принудили испанцев покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок» (Третьяков, 1952, с. 357).

В противовес меркантилизму И. А. Третьяков подчеркивает, что именно «человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет», т.е. увеличивает. Далее он же пишет: «Старанием человеческим... дела столь умножены могут быть сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда» (Третьяков, 1952, с. 356).

И. А. Третьяков предлагает собственную интерпретацию известного парадокса воды и алмазов. Согласно Смиту, суть парадокса заключается

в том, что «предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или совсем ее не имеют». И далее: «Нет ничего полезнее воды, но на неё почти ничего нельзя купить, почти ничего нельзя получить в обмен не неё. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров» (Смит, 2009, с. 87).

Третьяков начинает с чрезмерно узкого объяснения смитовского парадокса, выделяя лишь один фактор образования стоимости, а именно — редкость того или иного товара: «Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах её дорого покупают; драгоценные камни до того дороги, что их немного» (Третьяков, 1952, с. 353). Однако в ходе дальнейших рассуждений он приходит к более глубокому заключению: «Злато лежит сокровенно в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и иждивений (Третьяков, 1952, с. 356).

В другом месте та же мысль о роли труда выражена Третьяковым несколько иначе: «Хлеба и подобных ему припасов всегда в большом изобилии иметь можно, нежели достать злата, серебра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое» (Третьяков, 1952, с. 356).

Можно ли из этих слов вывести заключение, что И. А. Третьяков был провозвестником трудовой теории стоимости? Наш ответ здесь, безусловно, отрицательный.

Известно, что в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Смитом сформулирована не одна, а несколько теорий стоимости. Тем не менее в тот ее вариант, согласно которому «труд представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров» (Смит, 2009, с. 88), Смит внес ряд существенных инноваций. И практически все они оказались для его учеников недоступными.

В главном произведении Смита четко отделены друг от друга потребительная стоимость (полезность) и меновая стоимость товара; здесь же проведено различие между сложным и простым трудом и высказана идея редукции труда посредством некоторых коэффициентов. Кроме того, Смит ясно понимал различие между «естественной», или «действительной» ценой товара, т.е. его стоимостью, и многочисленными рыночными ценами; в его итоговом сочинении стоимость представлена в виде закона цен. Наконец, в отличие от своих предшественников (У. Петти, Ф. Кенэ и др.) Смит пришел к выводу, что труд является создателем стоимости во всех отраслях материального производства.

В итоговой книге 1776 г. трудовая теория стоимости Смита предстает как научная система, чего, конечно же, не было и не могло быть в публикациях его учеников из России.

И дело здесь не только в том, что И. А. Третьяков не мог познакомиться с содержанием главного труда своего глазговского профессора. И. А. Третьяков жил и работал в обществе, где не товары, созданные свободным трудом, а земля и крепостные были главными формами богатства. Закрепощенный труд был подневольным, представлял собой нечто вроде «библейского проклятья» и не мог представляться в виде конечной субстанции общественного «довольства».

В чем же тогда состоит научная заслуга И. А. Третьякова? Не только в том, что он основывался на конспектах лекций Смита 1762/63 г. Не впадая в модернизаторство и квасной патриотизм, можно утверждать, что именно И. А. Третьяков впервые в отечественной экономической литературе познакомил российскую публику с теми элементами трудовой теории стоимости, которые сложились у будущего автора «Богатства народов» к началу 1760-х гг., т. е. примерно за 15 лет до выхода его основного труда.

Влияние Адама Смита ощущается и в других важных высказываниях Третьякова. Так, русский мыслитель со всей решительностью выступает против монопольных привилегий в экономике, демонстрируя их вред на примере банковской сферы. (В данном вопросе очевидно его единство с позицией С. Е. Десницкого.)

«Есть средство, — указывает И. А. Третьяков, — и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оное состоит в том, чтобы не позволять пользоваться банками одному, но ободрять умножение оных сколько возможно». Русский ученый подчеркивает: «Где банков много, там вселяется ревность», т.е. конкуренция, и монопольным злоупотреблениям приходит конец (Третьяков, 1952, с. 355). Общая направленность высказываний И. А. Третьякова, возникших под несомненным влиянием Смита, проявляется и в том, что русский профессор благоволит Англии и Голландии, выделяя «цветущее состояние» их коммерции и экономики в целом. И напротив, он же подчеркивает «убожество», «чувствительный упадок» феодальной Испании, закосневшей в догмах меркантилизма (Третьяков, 1952, с. 357).

В критике «февдальных начинаний» И. А. Третьяков вполне самостоятелен, особенно когда ему приходится изобретать скрытые приемы научной полемики. Русский учёный резко осуждает «обстоятельства», от которых «рождается большее число тунеядцев, столь вредных обществу, и не токмо не служащих подпорою государства, но ещё отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящих немногих» (Третьяков, 1952, с. 359).

Следует помнить, что приведенные строки были обнародованы И. А. Третьяковым всего лишь десять лет спустя после выхода «Манифеста о вольности дворянской» (1762 г.), освободившего российских дворян от обязательной государевой службы. Этот документ, правомочность ко-

торого подтвердила и Екатерина II, предоставил дворянству право на бездеятельность на законных основаниях.

Завуалированная критика бездеятельного дворянства содержится во многих высказываниях И. А. Третьякова. В одном из его исторических сочинений (1768 г.) читаем:

«У древних Солон из купца сделался философом; Сократов отец, будучи сам каменщиком, сына воспитал философом; Демосфенов отец, сам лавочник, сына воспитал ретором (оратором. — *Авт.*). Что же до нынешних учёных, оные все почти такого ж происхождения и существа» (Третьяков, 1952, с. 339). Мы солидарны с теми исследователями, которые видят здесь «намёк на то, что многие передовые учёные были по преимуществу выходцами из недворянской среды» (Поповский и др., 1952, с. 680).

Наконец, в уже упоминавшемся фундаментальном труде по «Истории русской экономической мысли» (под редакцией А. И. Пашкова) приведен многозначащий документ, который со всей убедительностью свидетельствует о подлинной позиции И. А. Третьякова по отношению к крепостному праву. В протоколе Университетской конференции, датированном 1768 г. и обнаруженном впоследствии в архивах библиотеки Московского университета, в качестве одной из тем для выступления доктора Третьякова сформулирован вопрос: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства?» (Пашков, 1955, с. 568). Нельзя не согласиться с А. И. Пашковым, что в данном случае «сама формулировка вопроса не оставляет никаких сомнений в характере ответа» (Пашков, 1955, с. 569). Симптоматично, что большинство членов Конференции поспешило обойти предъявленную тему, предложив И. А. Третьякову избрать более безопасный сюжет для выступлений.

Заключение

Анализ произведений, созданных питомцами Адама Смита — российскими учеными С. Е. Десницким и И. А. Третьяковым, — позволяет сделать следующие выводы.

Не подлежит сомнению, что в 1762/63 г., обучаясь в Глазговском университете, Десницкий и Третьяков имели возможность усваивать идеи профессора Смита и многому у него научились. Хотя содержание главного экономического труда Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) осталось для них неизвестным, ряд экономических идей великого шотландца был им знаком. Встреча российских студентов со своим выдающимся преподавателем произошла на этапе, когда научные интересы Смита эволюционировали от нравственной философии к экономической теории (политической экономии).

И. А. Третьяков, как русский ученый, наиболее полно усвоивший экономические идеи своего гениального наставника, впервые познакомил россиян с такими воззрениями Смита, как благотворное влияние разделения труда на рост общественного богатства, значение «трудолюбия», «иждивения», «старательного труда» в увеличении «народного довольства». Тем самым в отечественной литературе впервые нашли отражение ростки трудовой теории стоимости, которые обозначились во взглядах Смита к началу 1760-х гг.

Влиянием смитианства можно объяснить такие новшества в экономических взглядах российских мыслителей, как демонстрация вреда торговых монополий, или «единопродавства» (С. Е. Десницкий), ориентация на конкурентное соревнование (взаимную «ревность») банков, осуждение на примере Испании меркантилистской политики, сдерживавшей торговую инициативу (И. А. Третьяков). Главное же, что почерпнули русские ученики в лекциях глазговского профессора, заключалось в том, что в центре эффективного, динамично развивающегося хозяйства должна стоять свободная личность.

С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков под влиянием ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль сыграло личное знакомство с гениальным экономистом Адамом Смитом, сложились как демократически мыслящие учёные с прогрессивными для своего времени взглядами. Это обстоятельство особенно рельефно сказалось на их критике наиболее отталкивающих сторон крепостного права. Вуалируя в большей или меньшей степени антифеодальное содержание собственных концепций, ученики и последователи А. Смита, как могли, внушали российской публике, учащейся молодежи неприятие тунеядства, бесчеловечности, преступного своеволия представителей помещичьего сословия.

Первые российские смитианцы — С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков — своей научной, публицистической деятельностью способствовали формированию последующих, более зрелых этапов в развитии отечественной экономической науки. Не подлежит сомнению, что оба они, кто больше, кто меньше, усваивали некоторые идеи будущего автора «Богатства народов», причем на том этапе, когда эти идеи только складывались у Смита в общую экономическую теорию. Началом русской классической школы это не назовешь: в России второй половины XVIII в. для возникновения такой школы не было условий. Воспитанники Смита светили отраженным светом, но для нас, живущих в XXI в., этот свет ценен как еще одно свидетельство зарождения в России плодотворной экономической мысли.

Список литературы

Аникин, А. В. (1968). *Адам Смит.* М.: Молодая гвардия. , 80–102.

Аникин, А. В. (2009). Шотландский мудрец: Адам Смит. *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.* М.: Эксмо, 886–887.

Бак, И. С. (1954). Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. *Вопросы истории*, *9*, 104–113.

Бак, И. С. (1955). С. Е. Десницкий — выдающийся русский социолог. *Вопросы философии*, *1*, 58–67.

Балабанова, Н. А. (2006). *Государственно-правовые воззрения С. Е. Десницкого:* автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 5–7.

Волков, В. А., & Куликова, М. В. (2003). *Московские профессора XVIII — начала XX веков*. М.: Янус-К.

Десницкий, С. Е. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы 187–332.

Коркунов, Н. М. (1908). *История философии права*. Изд. 4-е. СПб., 245–251.

Майбурд, Е. М. (1993). Введение. Мир Адама Смита. *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. (Книги I–III). М., 46–47.

Маркс, К. (1954). *Теории прибавочной стоимости* (IV том «Капитала»). Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 46. Ч. I. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы.

Мееровский, Б. В. (1997). Адам Смит как философ-моралист. *Смит А. Теория нравственных чувств.* М.: Пресса.

Муравьева, Л. А. (2009). Развитие российской экономической мысли во второй половине XVIII века. *Финансы и кредит*, *19*, 75–76.

Пашков, А. И. (ред.) (1955). *История русской экономической мысли*: в 5 т.. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX–XVIII вв. М.: Мысль, 519–587.

Поповский, Н. Н., Барсов, А. А., Аничков, Д. С., Десницкий, С. Е., Третьяков, И. А., Брянцев, А. М., Каверзнев, А. А., Словцов, П. А., & Козельский, Я. П. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 680.

Пролубников, А. В. (2014). Иван Андреевич Третьяков. *Русская философия. Энциклопедия.* 2-е изд. М.: Книжный клуб Киновек, 646–647.

Святловский, В. В. (1923). *История экономических идей в России.* Петроград: Начатки знаний, 105–109; 125–126.

Смит, А. (1997). *Теория нравственных чувств*. М.: Республика.

Смит, А. (2009). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Сыромятников, Б. И. (1945). С. Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения. *Известия*, *3*, 33–40.

Толстой, А. К. (1984). *Полное собрание стихотворений*: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель.

Третьяков, И. А. (1952). *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*: в 2 т. Т. 1 М.: Государственное издательство политической литературы, 335–360.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России 1805–1909.* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 28–30; 47–49.

Brown, A. H. (1975). Adam Smith's First Russian Followers. *Essays on Adam Smith ed. by Andrew S. Skinner and Thomas Wilson*. Oxford.

Gray, A. (1948). *Adam Smith.* London.

Scott, W. R. (1937). *Adam Smith as Student and Professor.* Glasgow.

Smith, A. (1896). *Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms.* Ed.by E. Cannan. Oxford.

References

Anikin, A. V. (1968). *Adam Smith*. M.: Young Guard, 80–102.

Anikin, A. V. (2009). The Scottish Sage: Adam Smith. *Smith A. A Study on the Nature and causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo, 886–887.

Bak, I. S. (1955). S. E. Desnitsky is an outstanding Russian sociologist. *Questions of Philosophy*, *1*, 58–67.

Bak, I. S. (1954). Socio-economic views of I. A. Tretyakov. *Questions of History*, *9*, 104–113.

Balabanova, N. A. (2006). *The state-legal views of S. E. Desnitsky*. Abstract, 5–7.

Desnitsky, S. E. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century*: in 2 vols. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature, 187–332.

Korkunov, N. M. (1908). *History of the Philosophy of Law*. Ed. 4, 245–251.

Marx, K. (1954). *Theories of Surplus Value*. Marx K., Engels F. Writings: in 50 vol. Vol. 46. P. I. M. : State Publishing House of Political Literature.

Mayburd, E. M. (1993). Introduction. The world of Adam Smith. *Smith A. A study on the nature and causes of the wealth of nations*. (Books I–III), 46–47.

Meerovsky, B. V. (1997). Adam Smith as a moral philosopher. *Smith A. Theory of moral feelings*. M.: Pressa.

Muravyeva, L. A. (2009). The development of Russian economic thought in the second half of the XVIII century. *Finance and Credit*, *19*, 75–76.

Pashkov, A. I. (ed.) (1955). *The History of Russian economic Thought*: in 2 vol. Vol. 1. The Era of feudalism. P. 1. IX–XVIII centuries. M.: Mysl, 519–587.

Popovsky, N. N., Barsov, A. A., Anichkov, D. S., Desnitsky, S. E., Tretyakov, I. A., Bryantsev, A. M., Kaverznev, A. A., Slovtsov, P. A., & Kozelsky, Ya. P. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century*. Vol. 1. M.: State Publishing House of Political Literature.

Prolubnikov, A. V. (2014). Ivan Andreevich Tretyakov. *Russian philosophy. Encyclopedia*. 2-nd ed. M.: Kinovek Book Club, 646–647.

Smith, A. (1997). *Theory of Moral feelings*. M.: Republic.

Smith, A. (2009). *A study on the nature and causes of the wealth of nations*. M.: Eksmo.

Svyatlovsky, V. V. (1923). *The History of Economic Ideas in Russia*. Petrograd: The beginning of knowledge,, 105–109; 125–126.

Syromyatnikov, B. I. (1945). *S. E. Desnitsky — founder of the science of Russian jurisprudence*, *3*, 33–40.

Tolstoy, A. K. (1984). *The complete collection of poems*: in 2 vol. Vol. 1. L.: Soviet writer.

Tretyakov, I. A. (1952). *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century:* in 2 vol. Vol. 1/ M.: State Publishing House of Political Literature, 335–360.

Volkov, V. A., & Kulikova, M. V. (2006). *Moscow professors of the XVIII — early XIX centuries*. M.: Yanus-K.

Zweinert, J. (2007). *The History of Economic Thought in Russia 1805–1909*. M.: State Publishing House of GU HSE. 28–30; 47–49.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. А. Пороховский[1]
МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-3

ЗНАЧЕНИЕ «НЕВИДИМОЙ РУКИ» А. СМИТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выражение А. Смита «невидимая рука» уже не одно столетие имеет широкое распространение как среди экономистов-теоретиков, так и среди деловых людей. Оно хорошо известно и повсеместно используется фактически во всех общественных науках, в художественной литературе и искусстве, повседневной жизни граждан многих стран, экономика которых развивается по рыночным принципам. Не случайно оно стало метафорическим отражением реального и мнимого всесилия рынка, своеобразным вечным двигателем и надежным адвокатом рыночной цивилизации. Многообразие явлений и факторов, сопровождающих развитие капитализма от мануфактурного периода до современной цифровой революции, дает богатый материал для расширения представления о «невидимой руке», его месте и роли как в экономике, так и в экономической науке. Цель статьи как раз и состоит в том, чтобы приступить к раскрытию современного звучания этого краткого исторического выражения. По своей сути роль рынка не изменилась и в XXI в. Выросли его масштабы до глобального, появились новые элементы рыночного механизма и возникли вызовы его эффективности.

Ключевые слова: «невидимая рука», рыночная экономика, смешанная экономика, экономическая теория, политическая экономия, экономическая наука.

Цитировать статью: Пороховский, А. А. (2024). Значение «невидимой руки» А. Смита для развития экономической науки. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 39–49. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-3.

A. A. Porokhovsky
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A11, B12, B20, F02, P10

THE SIGNIFICANCE OF A. SMITH'S "INVISIBLE HAND" IN DEVELOPING ECONOMIC SCIENCE

A. Smith's expression "the invisible hand" has been widely used for more than a century among both theoretical economists and business people. It is well known and widely used

[1] Пороховский Анатолий Александрович — д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: porokhovsky-aa@my.msu.ru, ORCID: 0000-0001-5520-0550.

© Пороховский Анатолий Александрович, 2024 CC BY-NC

in virtually all social sciences, in fiction and art, and in the daily lives of citizens of many countries whose economies are developing according to market principles. It is no coincidence that it has become a metaphorical reflection of the real and imaginary omnipotence of the market, a kind of perpetual motion machine and a reliable advocate of market civilization. The variety of phenomena and factors accompanying capitalist development from manufactory period to modern digital revolution provides rich material for expanding the understanding of the "invisible hand", its place and role in both economy and economic science. The purpose of the article is precisely to reveal the modern sound of this brief historical expression. In essence, the role of the market has not changed in the 21st century. Its scale has grown to a global one, with new elements of market mechanism and challenges to its effectiveness.

Keywords: "invisible hand", market economy, mixed economy, economic theory, political economy, economic science.

To cite this document: Porokhovsky, A. A. (2024). The significance of A. Smith's "invisible hand" in developing economic science. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 39–49. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-3

Введение

Прежде всего следует отметить, что в многочисленной отечественной и зарубежной литературе, посвященной исследованию научного наследия А. Смита и его влиянию на реальный процесс рыночного развития и на эволюцию экономической науки вообще и экономической теории в частности, выделяется большой материал Р. И. Капелюшникова (Капелюшников, 2023а, б), опубликованный в двух номерах журнала «Вопросы экономики» осенью 2023 г. В начале своего исследования автор отмечает: «В работе рассматривается метафора "невидимой руки", предложенная Адамом Смитом (1720–1790) и ставшая со временем центральным концептом экономической науки» (Капелюшников, 2023а, с. 53). А в заключении статей делается вывод; «Адаму Смиту почти случайно удалось набрести на образное выражение, которому была суждена долгая жизнь. Оно оказалось эвристически очень продуктивным и прочно вошло в лексикон многих современных дисциплин — от экономики до философии науки. Нет сомнений, что в истории идей его метафоре "невидимой руки" навсегда гарантировано самое почетное место» (Капелюшников, 2023б, с. 138).

«Невидимой руке» «*гарантировано самое почетное место*» еще и потому, что это выражение отражает сущностные объективные процессы рыночного механизма, стремящегося сохранить свою природу при самых невероятных сочетаниях развивающихся технологий и традиционных интересов людей к благополучию во всех периодах человеческой жизни. За прошедшее время после публикации произведений А. Смита прошло не одно столетие, состоялись промышленные революции, наряду с национальными системами рыночной экономики сформировалось мировое хозяйство, что привело не только к модификации конкуренции как основы рыночного механизма, но и к возникновению новых рынков в масштабах

страны и мира. Более того не застыла в первоначальной форме частная собственность, растут требования людей и бизнеса к экономической и социальной роли государства, стало обычным функционирование крупных транснациональных компаний далеко за пределами границ стран своего происхождения. Не секретом является растущее планетарное экономическое могущество корпораций-монополий[2]. Тем самым «невидимая рука» носит не только «национальный мундир», но и приобрела интернациональный характер. Поэтому если смотреть содержательно на процесс развития капитализма, то важно различать изменяющиеся тенденции и закономерности от их выражения теми или иными категориями в рамках развивающихся школ экономической теории.

Если использовать исторический и онтологический подходы к характеристике «невидимой руки», то тогда возникает необходимость выявить субъекты и объекты ее деятельности, роль собственников, производителей и потребителей в изменяющейся деловой среде и условиях жизни. Важно обратить внимание на то, что А. Смит начал свою фундаментальную работу «Исследование о природе и причинах богатства народов» с анализа разделения труда и его производительности. (Смит, 2007, с. 69). В статье предполагается кратко рассмотреть два вопроса:

- «невидимая рука» как общественная сила в рыночной экономике;
- «невидимая рука» как вектор системного решения современных экономических проблем.

При этом следует подчеркнуть, что возникновение и развитие рыночной экономики постоянно находятся в центре внимания экономической теории и экономической науки, где вследствие различия в предмете и методе изучения сосуществуют разные теории, школы, направления. Сам по себе гносеологический подход предполагает наличие различных мнений исследователей не только в гуманитарных, но и в естественных науках.

«Невидимая рука» как общественная сила в рыночной экономике

Обычно в научной и учебной литературе о рыночной экономике нередко используются выражения «рынок решил», «рынок отверг», «реакция рынка», «как поведет себя рынок» и другие подобные утверждения, подчеркивающие почти всеобщую власть рынка над всеми его участниками. Между тем А. Смит выражение «невидимая рука» использует без прямой связи с рынком, но с учетом всей среды и сути национальной экономики, реализующей рыночные принципы функционирования. Он пишет: «...годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек

[2] Fortune 500. URL: https://fortune.com/ranking/global500/ (дата обращения: 05.02.2024).

старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества. Впрочем, подобные претензии не очень обычны среди купцов, и немного надо слов, чтобы уговорить их отказаться от них (Смит, 2007, с. 442–443). Точнее надо было бы указать год выхода книги А. Смита — 1776, а не время ее современной публикации, ибо тогда становится еще более понятен исторический контекст мануфактурного периода развития капитализма как объекта его исследования.

Как видно из цитируемых слов, А. Смит сопоставляет частные интересы предпринимателя и интересы общества, удовлетворение которых происходит с участием рынка, на который ориентируется любой предприниматель, но интересы общества не выступают как арифметическая сумма предпринимательских целей, а выражают условия и обстоятельства существования и развития экономики страны в целом и ее граждан всех сословий и классов. Не случайно уже после промышленной революции в научный оборот и практику предпринимательства вошло выражение «правила игры», которые устанавливались и поддерживались обществом через государственные институты, включая законодательное их оформление. Одними из правил оставались поддержка свободного предпринимательства и защита конкуренции как основы рыночного механизма.

В связи с этим примечательным является то, как всемирно признанный классик политической экономии А. Смит представляет ее предназначение: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя» (Смит, 2007, с. 419). Тем самым по-

литическая экономия раскрывает экономические, объективные, а не устанавливаемые кем-либо «правила игры», законы, познание и применение которых важно и необходимо гражданам, бизнесу и государству. Характерно, что и в наше время в Гарвардском университете США для публики и абитуриентов дают лаконичное определение политической экономии: «Понимание как работает общество»[3]. Очевидно, что правила работы бизнеса отличаются от законов функционирования национального хозяйства в целом. Так было в XVIII в., так происходит и в условиях информационного общества. Поэтому в Гарварде есть учебные курсы политической экономии в бакалавриате и магистратуре, а также в аспирантуре на кафедрах экономики и государственного управления[4]/ На постоянной основе в университете работают научные семинары по политической экономии с открытым доступом, где исходят не из мистического происхождения «невидимой руки», а из ее реального значения, когда функции рынка дополняются «видимой рукой» государства и неправительственных организаций.

Справедливости ради надо отметить, что в Московском университете кафедра политической экономии и дипломатии была открыта в 1804 г., что зафиксировано в первом уставе университета[5]. Это произошло раньше, чем в других университетах мира. С тех пор традиции преподавания политэкономии и фундаментальных политико-экономических исследований в МГУ сохраняются (Пороховский, 2009; 2014).

Известно, что классическая политическая экономия А. Смита стала одним из источников марксистской политической экономии. К. Маркс не камуфлировал противоречия между частными и общественными интересами, которые по-разному проявлялись в научных поисках и в реальной капиталистической действительности. Он это отразил и в своей трактовке политической экономии: «В области политической экономии свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса» (Маркс, 1960, с. 10).

Своеобразным подтверждением роли частного интереса собственника капитала стало образное выражение британского профсоюзного деятеля Т. Даннинга в одной из английских газет в 1860 г., которое приведено К. Марксом в качестве иллюстрации в одном из примечаний в заверша-

[3] URL: https://www.gov.harvard.edu/undergraduate/programs-of-study/political-economy/ (дата обращения: 06.02.2024).

[4] URL: https://www.hks.harvard.edu/educational-programs/doctoral-programs/phd-political-economy-government (дата обращения: 06.02.2024).

[5] URL: https://www.econ.msu.ru/departments/politec/history/ (дата обращения: 06.02.2024).

ющей части первого тома «Капитала», вышедшего в 1867 г.: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (Маркс, 1960, с. 770). Очевидно, что и в современных условиях есть немало примеров, подтверждающих выводы Т. Даннинга. Однако «невидимая рука» как общественная сила сдерживает ненасытные аппетиты, встраивая их в рамки интересов общества. В этом процессе активную роль также играет «видимая рука» государства, имеющая тенденцию к усилению в условиях цифровизации (Пороховский, 2019).

Если А. Смит в «Богатстве народов» посвятил роли государства отдельную книгу, то К. Марксу не удалось выполнить свой план цельного политэкономического труда, заявленный, в частности, в предисловии к его работе «К критике политической экономии», (январь 1859 г.) «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок»* (Маркс, 1958, с. 5). Известно, что теоретическая система К. Маркса в «Капитале» построена на ряде предпосылок, среди которых неограниченная свободная конкуренция, свободное рыночное ценообразование, равновесие спроса и предложения, наличие в обществе только наемных работников и предпринимателей. Иными словами, перед нами идеальные условия господства рыночных сил, предопределяющих все остальные отношения, тенденции, закономерности движения капитала. Однако благодаря такому подходу К. Марксу удалось раскрыть объективность всех общественных сил, подчиняющих в конечном счете частные интересы общественным интересам, сохраняя при этом каждому простор для свободы выбора и индивидуальной инициативы. Все это происходит при одновременном поиске оптимума между частными и общественными интересами во избежание роста социальной напряженности в обществе.

«Невидимая рука» как вектор системного решения современных экономических проблем

Экономическое развитие любой национальной рыночной модели происходит в рамках мирового хозяйства, которое в разной степени влияет на отдельные страны. Подобная взаимозависимость национальных экономик особенно выросла в условиях глобализации, возникшей и развивав-

шейся при лидерской роли США. Благодаря своей экономической мощи и другим факторам США придали глобализации своеобразное звучание, фактически превратив это общемировое явление в американизацию. В результате, не уставая декларировать незыблемость рыночных принципов и справедливость конкуренции, Америка превратилась на международной арене в монополиста, распространившего и защищающего свое влияние и свои интересы по всему земному шару. Поэтому американская экономическая динамика в значительной степени задавала тон и ритм всего мирового хозяйства.

Между тем сегодня весь мир и наша страна находятся в условиях глубочайшей трансформации, результат которой трудно прогнозировать (Ершов, 2023). В то же время налицо формирование нескольких центров или полюсов мирового развития, стремящихся восстановить легитимность правовых норм и действенность объективных рыночных оснований при учете интересов всех стран. Такая ситуация вынуждает Россию мобилизовывать все свои ресурсы и выгоды международного сотрудничества для обеспечения своего экономического суверенитета.

Таблица 1

Воспроизводственные циклы в американской экономике (длительность в месяцах)

Календарные даты цикла		Падение (от высшей к низшей точке)	Подъем (от низшей к высшей точке)	Длительность цикла	
Высшая точка	Низшая точка			От низшей до низшей точки	От верхней до верхней точки
Январь 1980	Июль 1980	6	58	64	74
Июль 1981	Ноябрь 1982	16	12	28	18
Июль 1990	Март 1991	8	92	100	108
Март 2001	Ноябрь 2001	8	120	128	128
Декабрь 2007	Июнь 2009	18	73	91	81
Февраль 2020	Апрель 2020	2	128	130	146
В среднем, все циклы:					
1854–2020 (34 цикла)		17,0	41,4	58,4	59,2
1854–1919 (16 циклов)		21,6	26,6	48,2	48,9
1919–1945 (6 циклов)		18,2	35,0	53,2	53,0
1945–2020 (12 циклов)		10,3	64,2	74,5	75,0

Источник: составлено автором по: (Комитет по циклам национального бюро экономических исследований (США)..http://www.dev.nber.org/cvcles/cyclesmain.html (дата обращения: 07.02.2024)).

Несмотря на массовую цифровизацию и расширяющуюся эффективность работы с большими данными, вечной проблемой рыночной экономики является ее цикличность, периодическими прерываемая экономическими кризисами. Экономическая динамика и общественное воспроизводство достаточно полно отражены в американской статистике, где ведется наблюдение за спадами и подъемами в национальной экономике с 1854 г., что представлено в табл. 1.

С XX столетия к анализу экономической динамики по многим параметрам подключился Комитет по циклам Национального бюро экономических исследований — неправительственная организация США. Как видно из приведенных данных, за время статистических наблюдений с 1854 г. состоялось 34 цикла, из которых 12 оказались после 1945 г. Причем начало старта цифровой экономики и ее статистического учета в 2000 г. совпало с экономической рецессией с весны по осень 2001 г. Этот факт еще раз напоминает нам, что цикличность воспроизводства напрямую не зависит от уровня технологий и от степени вмешательства государства в экономику. Это хорошо видно и на примере опыта развитых стран Америки, Европы и Азии. Особенно тяжелым оказался экономический кризис 2007–2009 гг., захвативший все мировое хозяйство.

Стало очевидным, что причину кризисов надо искать в самом механизме функционирования экономики, в котором «невидимая рука» как общественная сила, синтезирующая функции рынка и частных интересов, играет не последнюю роль. Если развиваться без рынка и частных интересов национальная экономика и мировое хозяйство не может, то отсюда следует объективность циклических экономических кризисов, когда каждый кризис временно устанавливает нарушающуюся во время подъема пропорциональность в экономике и равновесие между ее основными параметрами. Когда А. Смит использовал слова «невидимая рука», еще не было машинной основы развития и не существовало устойчивого национального хозяйства. Первый кризис перепроизводства товаров произошел в Англии в 1825 г., после которого начала формироваться регулярная цикличность. Поэтому есть основания отметить, что «невидимая рука» в таких условиях не только согласует частные и общественные интересы, но и насильственно время от времени способствует установлению экономической пропорциональности на разных уровнях — национальном и международном. Однако во всех случаях «невидимая рука» проявляет себя как объективная общественная сила, неподвластная никаким институтам государства и общества. Это не означает, что государство ничего не может сделать для того, чтобы нацеливать и в определенной мере регулировать свою национальную экономику. Тем более что современные вызовы в экономической и общественных сферах требуют нестандартных системных подходов для выработки теоретических оснований и практических решений, разделяемых гражданами, бизнесом и обществом.

Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) организовала группы специалистов для исследования содержания, форм и направлений промышленной политики как реакции правительств на решение проблем, накопившихся в странах в условиях цифровизации и вызванных формированием нового мирового порядка (Criscuolo et al., 2022a, b). Авторы опубликованных работ призывают завершать долгие дебаты об уместности промышленной политики и сосредоточиться на ее перспективах. Вместе с тем есть немало исследователей, которые обращают внимание не на всемогущество промышленной политики и ее эффективности, а на застарелых процессах износа инфраструктуры (Currier et al., 2023) и необходимости ее привязки к задачам обновления машиностроительной основы экономики (Juhász et al., 2023). По-прежнему острыми остаются вопросы бедности и дифференциации доходов даже в развитых экономиках, включая США (Deaton, 2023). Между тем сторонники глобализации в американском варианте подвергают сомнению внедрению промышленной политики. Так, консервативный лондонский журнал «Экономист» предоставил в ряде номеров свои страницы для дискуссии о целесообразности промышленной политики. Авторы некоторых публикаций обвиняют сторонников промышленной политики в «экономическом национализме», возрождении протекционизма и даже в создании теории «Отечественной экономики» в противовес традиционной «Экономикс», пропагандирующей максимальную открытость национальной экономики и достижения глобализации[6]. Как часто бывает, теоретические споры разрешает практика, а она такова, что капитализм встретил системные вызовы своему развитию. И поэтому для ответа на такие вызовы требуются системные решения. Ведь «невидимая рука» своим многолетним существованием подтверждает свою глубокую укоренелость в экономике как системе, развивающейся по объективным экономическим законам. И если политики и государственные мужья понимают такие законы, то они способны помочь обществу решать свои проблемы при минимизации потерь.

Заключение

Со времени появления выражения «невидимая рука» экономическая теория как основа экономической науки прошла сложный и противоречивый путь. Теоретические заслуги А. Смита живут в наше время и вновь переосмысливаются в новых условиях, в которых по-разному рынок сотрудничает с планом либо внутри крупных корпораций, либо в общественном секторе или на мировой арене (Пороховский, 2021). Хотя капитал любит рисковать, но больше он надеется на устойчивое движение, ясное

[6] The Economist, October 7th, 2023. URL: https://www.economist.com/special-report/2023/10/02/governments-across-the-world-are-discovering-homeland-economics?utm_ (дата обращения: 07.10.2023).

взаимодействие микро- и макропроцессов. Автор неоклассического синтеза, лауреат Нобелевской премии по экономике 1970 г. профессор П. Самуэльсон выпустил в 1948 г. первый в мире учебник по неоклассической теории, получивший название «Экономикс». Каждые три года в последующее время учебник переиздавался. В своем учебнике П. Самуэльсон уважительно относился к А. Смиту, неоднократно ссылался на «невидимую руку» (Капелюшников, 2023б, с. 140). Он также уделял должное внимание К. Марксу, особенно его «Капиталу». И это не случайно. П. Самуэльсон не только не игнорировал политическую экономию, но и отдавал ей должное место в развитии общественных наук.

Именно П. Самуэльсону принадлежат слова: «Политическая экономия, королева общественных наук, является также хорошим подспорьем, которое мы можем использовать, чтобы обеспечить базу для цивилизации» (Samuelson, 1980, p. viii). Среди различных школ и направлений экономической теории политическая экономия выделяется как системная теория, способная предложить системный и воспроизводственный подход для решения существующих теоретических и практических проблем. Политическая экономия рассматривает «невидимую руку» как часть объективных процессов, формирующих экономические законы функционирования и развития рыночной экономики. Общественная сила — это не мистика. Общественная сила направляет всех участников экономики для реализации интересов общества при одновременном раскрытии всех позитивных черт частных интересов и частной мотивации.

Экономист становится профессионалом тогда, когда ему удается освоить всю совокупность общей экономической теории, ибо только в этом случае он без предвзятости и пренебрежения к другим мнениям и взглядам сможет всякий раз принимать решения и делать выводы, адекватные времени и пространству

Список литературы

Ершов, М. В. (2023). Мир и Россия в условиях трансформации: устойчиво ли восстановление экономик? *Вопросы экономики, 12,* 31–47. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-31-47

Капелюшников, Р. И. (2023а). Многорукий Адам Смит (*Часть первая*). *Вопросы экономики, 10,* 53–74. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-53-74

Капелюшников, Р. И. (2023б). Многорукий Адам Смит (*Часть вторая*). *Вопросы экономики, 11,* 123–140. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-123-140

Маркс, К. (1958). К критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 13. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат.

Маркс, К. (1960). Капитал. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 23. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат.

Пороховский, А. А. (2021). План и рынок: брак по расчету. *Экономическое возрождение России, 3*(69), 46–52. DOI: 10/37930/1990-9780-2021-3-69-46-52

Пороховский, А. А. (2009). Рыночное развитие и политическая экономия. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал, 1, 3–25.*

Пороховский, А. А. (2014). Цивилизационное значение политической экономии. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 4,* 43–55.

Пороховский, А. А. (2019). Частные и общественные интересы как факторы развития в условиях цифровизации. *Экономическое возрождение России, 2*(60), 55–61.

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 960 с.

Criscuolo, C., Gonne, N., Kitazava, K., & Lalanne, G. (2022a). An industrial policy framework for OECD countries: old debates, new perspectives. *OECD Science, Technology and Industry Police Papers, 127.* Paris - OECD Publishing, May, 53 p.

Criscuolo, C., Gonne, N., Kitazava, K., & Lalanne, G. (2022b). Are industrial policy instruments effective? A review of the evidence in OECD countries. *OECD Science, Technology and Industry Police Papers, 128.* Paris - OECD Publishing, May, 56 p.

Currier, L., Glaeser, E. L., & Kreindler, G. E. (2023). Infrastructure inequality: who pays the cost of road roughness? *NBER Working Paper, 31981.* Cambridge, MA, December, 66 p. https://www.nber.org/papers/w31981

Deaton, A. (2023). *Economics in America: An Immigrant Economist Explores the Land of Inequality*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 280 p.

Juhász, R., & Steinwender, C. (2023). Industrial policy and the great divergence. *NBER Working Paper, 31736.* Cambridge, MA, September, 63 p. https://www.nber.org/papers/w31736

Samuelson, P. A. (1980). *Economics*. 11th ed. New York: McGraw-Hill, XXIV+788 p.

References

Ershov, M. V. (2023). The world and Russia in the environment of transformation: is the economic recovery sustainable? *Voprosy Economiki, 12,* 31–47. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-31-47 .

Kapeliushnikov, R. I. (2023a). Multihanded Adam Smith. Part one. *Voprosy Economiki, 10,* 53–74. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-53-74.

Kapeliushnikov, R. I. (2023b). Multihanded Adam Smith. Part two. *Voprosy Economiki, 11,* 123–140. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-12-123-140

Marx, K. (1958). *Toward criticism of political economy*. Marx K., Engels F. Works. 50 vols. Vol. 13. 2nd Ed.. M.: Gospolitizdat.

Marx, K. (1960). Capital. Marx K., Engels F. Works. 50 vols. Vol. 23. 2nd Ed.. M.: Gospolitizdat.

Porokhovsky, A. A. (2009). Market development and political economy. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, 1,* 3–25.

Porokhovsky A. A. (2021). Plan and market: marriage of convenience. *Economic revival of Russia, 3*(69). *46–52. DOI: 10/37930/1990-9780-2021-3-69-46-52*

Porokhovsky, A. A. (2014). Political economy civilization significance. *Moscow University Economics Bulletin*, *4*, 43–55.

Porokhovsky, A. A. (2019). Private and public interests as a development factors under digitalization. *Economic revival of Russia, 2(60), 55–61.*

Smith, A. (2007). *Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations.* M.: Eksmo.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. А. Ореховский[1]
Институт экономики РАН (Москва, Россия)

УДК: 330.821.1
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-4

АДАМ СМИТ — ВЗГЛЯД ИЗ XXI В.

Официальная история экономической мысли во многом строится на кумулятивном подходе к систематизации работ выдающихся экономистов. После меркантилистов были физиократы. С «Богатства народов» А. Смита начинается развитие классической школы в политической экономии. «Залповое открытие» У. С. Джевонса, Л. Вальраса и К. Менгера означает «маржиналистскую революцию», и т. д. Таким образом, Смит встраивается в череду классиков политэкономии и либерализма, придававший большое значение моральным качествам нового класса — буржуазии, защищавший права собственности, пропагандист конкуренции и фритредерства. Главной ошибкой в его системе взглядов считается деление на производительный и непроизводительный труд, отвергнутое после появления работ А. Маршалла. В остальном, учитывая кумулятивный прогресс экономической науки, Смит остается знаковой фигурой давнего прошлого.

Чтение главной работы Смита заставляет усомниться в справедливости указанных выше оценок историков мысли. Эти сомнения представляются в виде следующих тезисов. Во-первых, Смит лучше понимал современную ему экономику, чем нынешние экономисты понимают свою, о чем существует множество свидетельств. Последние появляются уже в конце 1950-х гг., после работ Р. Солоу. Это ставит проблему — в чем преимущества метода анализа Смита по сравнению с современными методами экономического анализа? Во-вторых, Смит нейтрально относился к работорговле. Кроме того, он указывал, что монархические режимы более гуманно обращаются с рабами, нежели демократические республики. Это не позволяет записывать Смита в «либертарианцы», что делается многими современными авторами. В-третьих, говоря о практике хозяйствования Ост-Индской компании, Смит, по сути, призывает к ликвидации этой компании как монополиста, а заодно и к нарушению прав собственности акционеров этой компании. В-четвертых, с позиций экономики XXI в., где рентоориентированное поведение акторов становится крайне распространённым, возникает вопрос о правильности отрицания деления видов экономической деятельности на производительные и непроизводительные. М. Маццукато и М. Хадсон полагают, что деление, предложенное Смитом, несмотря на необходимость некоторой корректировки, в целом сохраняет свое принципиальное значение. Все это, вместе взятое, свидетельствует о необходимости пересмотра подходов, доминирующих в современной истории мысли к оценке выдающихся экономистов прошлого.

[1] Ореховский Петр Александрович — д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН; e-mail: orekhovskypa@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1298.

© Ореховский Петр Александрович, 2024 CC BY-NC

Ключевые слова: Адам Смит, либерализм и работорговля, республика и монархия, монополизм и права собственности, производительный и непроизводительный труд, кумулятивный подход в истории мысли.

Цитировать статью: Ореховский, П. А. (2024). Адам Смит — взгляд из XXI в. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 50–61. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-4.

P. A. Orekhovsky
Institute of Economics of RAS (Moscow, Russia)
JEL: B12, B30

ADAM SMITH — A VIEW FROM THE XXI CENTURY

The official history of economic thought is largely based on a cumulative approach to systematizing the works of famous economists. After the mercantilists there were the physiocrats. A. Smith's "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations" initiates the development of the classical school in political economy. "Simultaneous discovery" by W. S. Jevons, L. Walras and K. Menger means "marginalist revolution" and so on. Thus, Smith fits into the line of classics of political economy and liberalism who attached great importance to moral qualities of the new class — the bourgeoisie, which advocated property rights, promoted competition and free trade. The main mistake in his system of views is considered to be the division into productive and unproductive labor, later rejected with the appearance of A. Marshall's works. Otherwise, given the cumulative progress of economics, Smith remains an iconic figure of the remote past.

Reading Smith's major work casts doubt on the validity of the above assessments by historians of thought. These doubts are presented in the form of the following theses. First, Smith understood contemporary economics better than modern economists understand theirs, with ample evidence of this. The latter appeared already at the end of the 1950s, after the works of R. Solow. This raises the problem — what are the advantages of Smith's method of analysis compared to modern methods of economic analysis? Second, Smith was neutral on slave trade. Besides, he argued that monarchical regimes treated slaves more humanely than democratic republics. This does not allow Smith to be labeled a "libertarian", which is done by many modern authors. Third, speaking about management practices of the East India Company, Smith, in fact, calls for the liquidation of this company as a monopolist, and at the same time for the violation of shareholders property rights. Fourth, from the perspective of 21st century economy, where rent-seeking behavior of actors is becoming extremely widespread, the question arises as to the correctness of denying the division of types of economic activities into productive and unproductive. M. Mazzucato and M. Hudson believe that the division proposed by Smith, despite some necessary adjustments, generally retains its fundamental significance. All this, taken together, indicates the need to revise the approaches dominating in the modern history of thought to assessing outstanding economists of the past.

Keywords: Adam Smith, history of thought, liberalism, slave trade, republic and monarchy, monopoly, property rights, productive and unproductive labor, cumulative approach.

To cite this document: Orekhovsky, P. A. (2024). Adam Smith — a view from the XXI century. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 50–61. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-4

Об А. Смите написано много. Мои заметки ни в коем случае не претендуют на сколь-нибудь полную характеристику его творчества, а тем более — его личности. Скорее, это ассоциативные суждения вокруг главной книги А. Смита, и относятся они не столько к оценке вклада этого ученого в создание экономической науки, сколько о том, что сегодня представляет собой экономическая теория по сравнению с тем, что понимал и предлагал А. Смит. Поэтому мои тезисы довольно-таки разрознены. Их объединяет между собой разве что мое несогласие с частью оценок Смита той дисциплиной, которая называется «историей мысли» и которая, на мой взгляд, в наше время решает сейчас скорее идеологические, нежели исследовательские задачи.

Тезис 1. Адам Смит знал об экономике больше, чем современные экономисты?

Экономика, которую характеризовал А. Смит, причем давая рекомендации в отношении экономической политики, конкурируя с меркантилистами, представляла собой *рыночную аграрную экономику*[2]. При этом основными источниками богатства этой экономики были как внутреннее производство, так и международная торговля, колонии. Про последнее историки мысли говорят в основном в связи с пресловутым фритредерством А. Смита. Причем основной акцент делается на «простом продукте», получаемом в земледелии, а также разделении труда, которое позволяет увеличить производительность труда, а заодно и объем общих доходов.

Тем не менее сам Смит указывает и на грабеж испанских и португальских колоний, объясняя приток золота, и торговлю с американскими колониями, и с Индией — все это тоже в очень большой мере формировало богатство наций, это почему-то обычно упускается. Зато принято упрекать Смита в том, что он прозевал начинавшийся тогда промышленный переворот. И, хотя он знал о паровом двигателе, тогда — «огненной машине» Т. Ньюкомена, — он действительно не обратил на потенциал этого изобретения особого внимания.

Тем не менее, учитывая удельный вес того фабричного производства в ВВП Великобритании второй половины XVIII в., можно сказать, что Смит не понимал лишь примерно 15% современной ему экономики. Может, не замечал, не считал нужным. Но *насколько мы понимаем сегодняшнюю экономику*??

[2] Возможно, более точное название такой экономики предлагает Г. Д. Гловели: экономика торгово-мануфактурного периода (Гловели, 2023, с. 72).

Современный мейнстрим сформировался и объяснял закономерности функционирования *индустриальной экономики*. Уже в середине XX в. Р. Солоу показал, что на так называемый «остаток Солоу», не связанный с трудом и капиталом, приходится 2/3 экономического роста. В наше время в большинстве богатых экономик на вклад промышленности в ВВП приходится меньше 25%. Собственно, примерно об этом же писали еще Д. Норт и Д. Уоллис, оценивая «трансформационный» и «трансакционный» секторы в 1970-х гг. Мы не понимаем, каковы закономерности функционирования этого «трансакционного» сектора, а в микроэкономике вообще отсутствуют темы, связанные с трансакционными издержками. Поэтому я считаю, что в уровне понимания работы *актуальной* экономической системы мы сильно уступаем А. Смиту.

Говоря о мейнстриме, часто прибегают к аналогии с «экономикой классной доски», используя выражение Р. Коуза. Якобы это просто разные уровни абстракции. Скажем, рассмотрим пример с перевозкой слона на железнодорожной платформе из пункта А в пункт Б. Для решения этой задачи средствами микроэкономики студентами первого курса можно принять, что слон представляет собой куб со стороной 3 м. Но при этом профессор, преподающий теорию, вероятно, забудет сказать, что в основе производственных функций, описывающих этот процесс, лежит посылка однородности этих функций. Другими словами, если слон — куб, платформа — коробка, то колеса у этой платформы должны быть квадратными. Этот поезд никуда не поедет. Поэтому большая часть современного мейнстрима выполняет чисто перформативные задачи. Даже само название «мейнстрим» — главное течение — для класса теорий, объясняющих менее 25% наблюдаемых экономических феноменов, является примером манипулирования символической властью в поле экономической науки. Старшему поколению российских экономистов хорошо известно подобное по степени перформативности утверждение в отношении другого, советского мейнстрима: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Тезис 2. Был ли А. Смит либертарианцем?

Идею Смита о невидимой руке, спонтанном рыночном порядке принято цитировать как аргумент в поддержку не просто фритредерства, но именно либертарианства. Однако последнее плохо сочетается с моральными оценками Смита, которые он дает лордам-землевладельцам и «непроизводительным» социальным группам. Настоящим пропагандистом либертарианства, как естественного порядка тогда выступал *Б. де Мандевиль*, позицию которого А. Смит решительно осуждал.

А. Смит, конечно, был либералом, но либералом своего времени. Историки мысли почему-то не обращают внимания на то, что он достаточно нейтрально относился к рабству. Вот пример такой констатации полез-

ности свободной торговли Смитом: «Ром является очень важным предметом в торговле, которую американцы (в том числе жители колоний, подданные Великобритании. — *П. О.*) ведут на Африканском берегу, откуда они привозят вместо этого рабов-негров» (Смит, 2017, с. 382).

Другой замечательный пассаж Смита характеризует гуманность монархических режимов в отношении умелости обращения с рабами: «подобно тому, как доходность и успешность обработки земли, ведущейся посредством скота, очень сильно зависят от умелого обращения с этим скотом, так и доходность и успешность работы, выполняемой рабами, должны также зависеть от умелого обращения с этими рабами, а в отношении умелости обращения с ними французские плантаторы, как это, по-видимому, признаётся всеми, превосходят англичан. Закон, поскольку он даёт хотя бы слабую защиту рабу от жестокости его хозяина, будет, наверное, лучше исполняться там, где правительство в значительной мере ограничено, чем в колонии, обладающей свободным правительством. Во всякой стране, где существует злосчастный институт рабства, должностное лицо, выступающее в защиту раба, в известной мере вмешивается в право частной собственности его хозяина; а в свободной стране, где этот хозяин состоит, может быть, членом колониального собрания или избирателем этих членов, он решается делать это только с величайшей осторожностью и осмотрительностью... Напротив того, в стране с правительством более или менее не ограниченном, где чиновники обычно вмешиваются даже в управление частных лиц своей собственностью и посылают им, может быть, приказ об аресте..., если они управляют ею не по вкусу, им гораздо легче оказывать рабу некоторую защиту, а чувство гуманности, естественно, побуждает их к этому...

Тот факт, что положение раба лучше при самодержавном правительстве, чем при свободном, подтверждается, по моему мнению, историей всех веков и народов... При республике ни одно должностное лицо не могло иметь достаточно власти, чтобы защитить раба, и ещё меньше, чтобы наказать хозяина» (Смит, 2017, с. 388–389).

Следует ли из этих пассажей то, что Смит предлагал ликвидировать институт рабства в колониях? Нет, не следует. Заодно вряд ли эти высказывания можно однозначно интерпретировать как поддержку классиком монархии и самодержавия по сравнению с республиканским правлением. Тем не менее, на мой взгляд, эти мысли Смита в достаточной мере объясняет парадоксальное стремление колоний Африки и Азии выйти из состава либеральных, демократических, несущих плоды цивилизации западных империй. И это — одно из «слепых пятен» современного либерального мейнстрима, рассматривавшего торговлю как мирное прогрессивное занятие, ведущее к обогащению, в то время как война ведет к бедности. Вроде бы мысль очевидная, и признается всеми. Но если бедные провинции выбирают войну, значит, либеральная демократия — в принципе, подчер-

кнем, одно из лучших и гуманных политических устройств — *по отношению к своим колониям обеспечивает такое положение вещей, которое хуже войны*. Опять же подчеркну, что, похоже, Смит лучше понимал современную ему геоэкономику, чем современные эксперты в области мировой экономики и международных отношений, воспевающие глобализацию.

Причем не так все просто и со свободой предпринимательства и поведением крупного бизнеса. Характеризуя опыт Ост-Индской компании, в которой он когда-то служил, Смит пишет следующее: «Как меня заверяли, нередко бывало, что начальник, т.е. главный приказчик какой-либо фактории, приказывал крестьянину распахать цветущее поле мака и засеять его рисом или каким-нибудь другим злаком. Предлогом выставлялось предупреждение недостатка продовольствия, но фактической причиной являлось стремление дать начальнику возможность продать по лучшей цене большое количество опиума, имевшееся у него на руках. В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепахивалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума. Служащие компании во многих случаях пытались устанавливать в свою собственную пользу монополию какой-либо из важнейших отраслей не только внешней, но и внутренней торговли страны...

Однако ничто не может в большей степени идти вразрез с действительными интересами компаний, чем эта разрушительная система... чем больше доход народа, тем больше годовой продукт земли и труда населения, тем больше может оно уделить государю. Ввиду этого в интересах последнего увеличивать по возможности этот годовой продукт... Поэтому в интересах... государя открывать возможно более обширный рынок для продукта своей страны, предоставлять наиболее полную свободу торговли, чтобы увеличивать по возможности и конкуренцию покупателей, а следовательно, должны устраняться не только все монополии, но и все стеснения при перевозке продукта страны из одной части в другую...» (Смит, 2017, с. 423).

Можно констатировать, что Смит твердо выступал против любых монополий, хорошо понимая, что последние будут ограничивать производство и сбыт, увеличивая цены и прибыль. Как это сочеталось с правами акционеров Ост-Индской компании? Насколько такое требование, нарушающее права собственников, является либеральным? Думаю, что либералы и либертарии XXI в. стали бы отстаивать права собственников, даже если бы они наносили ущерб другим государствам (достаточно напомнить об опиумных войнах в Китае, предлогом для которых служила как раз свобода торговли). Ещё более интересно, что сказал бы Смит о поведении транснациональных корпораций, участвующих в нынешней глобальной войне с применением экономических санкций, а заодно осуществляю-

щих, по выражению К. Крауча, шопинг политических режимов (Крауч, 2012, с. 198).

Тезис 3. Производительный и непроизводительный труд: ошибка или открытие?

Деление видов деятельности на производительные — создающие ценность, и непроизводительные — изымающие эту ценность, вводится Смитом во второй книге его главного труда, в главе III. О накоплении капитала, или труде производительном и непроизводительном. Это деление широко обсуждалось историками мысли. Общее мнение, видимо, выразил М. Блауг: «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» (Блауг, 1994, с. 48). Идея Смита приводит к появлению «классового подхода» в политической экономии: класс землевладельцев, получающих ренту только в силу обладания землёй, считается непроизводительным. В мягком варианте такой класс может быть подвергнут дополнительному налогообложению, что не нанесет ущерба экономическому росту, а в радикальном, марксистском, предусматривающем национализацию земли, полностью ликвидирован.

Поскольку в XX в. все виды экономической деятельности стали признаваться производительными, все доходы экономических агентов стали включаться в ВВП. Тем самым была ликвидирована одна из важных проблем, волновавших Смита (он рассматривает ее в главе V. О разных помещениях капиталов). Суть этой проблемы — определение оптимальной структуры экономики, которая при данном населении, территории и ресурсах позволяет получать максимальную суммарную ценность. Учитывая тезис о наличии «невидимой руки», которая через спонтанный рыночный порядок обеспечит оптимальное распределение капитала в разные сферы, в книге Смита можно усмотреть внутреннее противоречие, и тем самым признать рассматриваемое деление теоретической ошибкой, что, собственно, и делает не только М. Блауг, но и большинство современных историков мысли.

Тем не менее в XXI в. появляются работы, которые возвращаются к этой проблеме. По-видимому, самым известным автором здесь является М. Маццукато (Маццукато, 2021). На русский язык переведена и работа М. Хадсона, который также использует указанные понятия (Хадсон, 2021). Они полагают, что игнорирование рентоискательства в современной экономике приводит к негативным последствиям.

Надо сказать, что к рентоискательству и группам погони за рентой экономисты, которые принадлежат к институциональному направлению, относятся негативно. В частности, М. Олсон полагал, что раздел ренты малыми группами в составе правящей элиты приводит к институ-

циональному склерозу и стагнации (Олсон, 2013). Однако если считать, что непроизводительного труда не существует, то рентоискательство приводит просто к перераспределению дохода, но не «вычету из ВВП». Поэтому присвоение ренты владельцами дефицитных ресурсов может быть подвергнуто моральному осуждению, но на ВВП и экономический рост в целом это не влияет.

Разницу в подходах можно пояснить на следующем простом примере: «Предположим, что имеется некая однопродуктовая экономика, общее количество занятых экономической деятельностью индивидов — 100 чел. 80 из них занято производительным трудом (работники, торговцы, фермеры, фабриканты); 20 — непроизводительным (землевладельцы, чиновники, врачи, учителя). Доход (ВВП) этой экономики — 1000 ед. продукта.

Предположим, что все получают равный доход 1000 : 100 = 10, и что производительные индивиды имеют постоянную одинаковую производительность. Тогда последняя равна 1000 : 80 = 12,5 ед. продукта.

Далее в этой экономике происходит структурный сдвиг — непроизводительных индивидов становится больше на 10 чел., а производительных — 70. Согласно Смиту, доход такой экономики *сократится* и станет равен 875 ед., причм «рентная часть» доходов *увеличится*: 30·10 = 300. В этом начинает проявляться различие в интерпретациях рассматриваемой теории:

1) современные теоретики, отрицающие существование «непроизводительного труда», будут отрицать и возможность сокращения дохода, так что 1000 = 1000;
2) историки мысли, исходящие из представлений о равновесии (основанном на действии закона стоимости) и одновременно признающие правомерность утверждений Смита, будут настаивать на том, что сокращение дохода должно равномерно распределиться между всеми экономическими акторами, так что 875 = 875;
3) структуралистская интерпретация будет делать акцент на том, что сокращение производства на 125 ед. не равно ожидаемому сокращению потребления на 100 ед., о «равновесии» здесь не может быть и речи, диспропорции начнут проявлять себя на финансовом (долговом) и отраслевых рынках» (Ореховский, 2023, с. 144–145).

Этот пример можно развить в стиле Д. Рикардо, который предполагал, что сокращение прибыли в пользу роста ренты приведет к остановке экономического роста, так называемому стационарному состоянию: «Предположим, что 1000 ед. общего дохода однопродуктовой экономики распределялись на 200 ед. ренты, 100 ед. прибыли, направляемой на инвестиции, и 700 ед. “трудовых доходов” (включая доходы торговцев и фабрикантов, направляемых на потребление). Тогда рассмотренный структурный сдвиг, который приводит к сокращению дохода до 875 и увеличит ренту до 300 ед., полностью “обнулит” прибыль и уничтожит стимулы к инвестированию. Возникнет “стационарное состояние”» (Там же, с. 148).

Другими словами, если Смит был прав, то рентоискательство тормозит экономический рост, а при определенных условиях и вовсе может его блокировать. Здесь не место повторять критику современной экономической модели западных стран, которую приводят Маццукато, Хадсон и другие авторы, но, на мой взгляд, она является достаточно убедительной. Причем рентоискательство в мировой экономике, которое осуществляет крупный капитал западных стран, еще можно хоть как-то оправдать. Кредиты, продажа ценных бумаг, завышение цен на лекарства, монопольные доходы от поставки программного обеспечения позволяют обогащаться предпринимателям из этих стран, что-то «просачивается» и другим категориям населения. Но рассчитывать на то, что страны периферии смогут конкурировать в борьбе за патенты и/или финансовые рынки с богатыми странами ядра — очевидная ошибка экономических властей, не разделяющих производительные и непроизводительные виды деятельности.

Тезис 4. А. Смит и Диссернет

«Для примера возьмем весьма маловажную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда *очень часто отмечалось*, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный этому производству... и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем..., едва ли может... при всем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок.. Один рабочий тянет проволоку; другой выпрямляет ее; третий обрезает; четвертый заостряет конец; пятый обтачивает один конец для насаждения головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки — другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики... Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих... Хотя они были очень бедны.., они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день» (Смит, 2017, с. 6–7).

Теперь приведем еще одну цитату: «Знаменитый пример Смита с булавками опровергает комплиментарное суждение... М. Лернера, будто Смит, придавая в процессе написания “Богатства народов” “порядок и смысл” впечатлениям от “нового мира промышленности”, продолжал не только читать, но и наблюдать дальше, “совал свой нос в старые книги и новые фабрики”» (Lerner, 1937, p. VIII). Как выяснено современными французскими историками, описание булавочной мануфактуры Смит заимствовал из «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера и других французских

источников (Peaucelle, Guthrie, 2011, p. 41). Причем основой этого описания было предприятие (в Нормандии) с технологией ручного привода, устаревшей сравнительно с английским предприятием по производству булавок, оснащнным водяным двигателем, в селе Уормли близ Бристоля (Аллен, 2014, с. 214–215)»[3].

Должно ли нас удивлять то обстоятельство, что Смит, скорее всего, не бывал на булавочной фабрике и позаимствовал свой пример без ссылки на первоисточник? В его защиту можно привести выделенные выше курсивом слова: «*очень часто отмечалось*». В XXI в., правда, такой бы номер не прошел и автора «Теории нравственных чувств», скорее всего, уличили в «некорректном цитировании» и, как следствие, в нарушении научной этики. Вопрос же о том, в какой степени А. Смит был высокоморальным исследователем экономики, а в какой — лицемерным ханжой, выходит далеко за границы предмета обсуждения этих тезисов.

Заключение. А. Смит и современная история мысли

На мой взгляд, приведенные выше тезисы опровергают главную неявную посылку, на которой основывается большинство работ по экономической мысли. Это посылка о кумулятивном развитии экономического знания, от меркантилистов к классикам, от классиков к маржиналистам и неоклассике, от неоклассике к кейнсианству и т.д. Зачастую процессы, которые происходят в реальной экономике, отбрасывают экономическое знание сильно назад, но опора теоретиков на прошлые авторитеты помогает им успешно маскировать ограниченность, а то и полное банкротство актуальных экономических концепций.

На мой взгляд, отношение Смита к рабству и преимуществам самодержавия свидетельствует скорее о его политическом здравомыслии и практичности, чем о дефиците гуманности и любви к свободе. Однако современные либертарианцы пишут, например, вот так: «Испанские схоласты XVI в., объединяемые в так называемую Саламанскую школу, развили учение Аквината в области теологии, естественного права и экономической науки. Они предвосхитили многие темы, которые позже можно будет обнаружить в трудах Адама Смита и австрийской школы. С кафедры университета города Саламанки Франциско де Виториа осудил порабощение испанцами индейцев в Новом Свете с точки зрения индивидуализма и естественных прав: “Каждый индеец — человек и, таким образом, способен обрести спасение и вечные муки... А поскольку он человек, каждый индеец имеет свободу воли и, следовательно, является хозяином своих действий <...> Каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, а также на физическую и духовную неприкосновенность”. Вито-

[3] Авторские ссылки на первоисточники сохранены (Гловели, 2023, с. 72).

риа и его коллеги развили доктрину естественного права в таких областях, как частная собственность, прибыль, проценты и налогообложение; их труды оказали влияние на Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, а через них — на Адама Смита и его шотландских коллег» (Боуз, 2022, с. 45). Получается, что А. Смит был едва ли не аболиционистом и республиканцем. И мне не попадались работы историков мысли или теоретиков, которые любят говорить о естественных правах и спонтанном порядке, в которых бы оспаривалось приведённое выше мнение.

Напротив, в отношении концепции непроизводительного труда, предложенной Смитом, существует общий консенсус — это теоретическая ошибка. Об этой концепции сейчас особо не принято упоминать в актуальных дискуссиях. Как не принято упоминать и критику Смита в отношении монополии Ост-Индской компании и рентоискательства, связанного с этой старой «транснациональной корпорацией». Очевидно, это не вписывается в то, что сейчас принято характеризовать как «мейнстрим». И, как я склонен полагать, все это вместе и является важными факторами того, что уровень понимания исследователями современной экономики существенно уступает уровню А. Смита в отношении экономики XVIII в.

Список литературы

Аллен, Р. (2014). *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Блауг, М. (1994). *Экономическая мысль в ретроспективе*. М.: Дело Лтд.

Боуз, Д. (2022). *Либертарианство: история, принципы, политика*. М. — Челябинск: Социум.

Гловели, Г. Д. (2023). От Петти к Смиту: происхождение классической политэкономии в историко-научной и мир-системной ретроспективе. *Вопросы теоретической экономики, 2*, 64–84. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_64_84

Крауч, К. (2012). *Странная не-смерть неолиберализма*. М.: ИД Дело РАНХИГС.

Маццукато, М. (2021). *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*. М.: ИД Высшей школы экономики.

Олсон, М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. М.: Новое издательство.

Ореховский, П. А. (2023). История экономической мысли глазами структуралиста (Часть 1. Классики и Маркс). *Вопросы теоретической экономики*, *4*, 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154

Смит, А. (2017). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: АСТ.

Хадсон, М. (2021). *Убийство Хозяина: Как финансовые паразиты разрушают экономику*. М.: Наше завтра.

Lerner, M. (1937). Introduction. In A. Smith. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. New York: The Modern Library, V–X.

Peaucelle, J.-L., & Guthrie, C. (2011). How Adam Smith Found Inspiration in French Texts on Pin Making in the Eighteenth Century. *History of Economic Ideas*, *XIX*(3), 41–67.

References

Allen, R. (2014). *The British Industrial Revolution in the Global Picture of the World*. M.: Publishing house of the Gaidar Institute.

Blaug, M. (1994). *Economic Thought in Retrospect*. M.: Delo Ltd.

Bowes, D. (2022). *Libertarianism: History, Principles, Politics*. M. — Chelyabinsk: Socium.

Crouch, K. (2012). *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. M.: ID Delo RANHIGS.

Gloveli, G. D. (2023). From Petty to Smith: The Origin of Classical Political Economy in Historical-Scientific and World-system Retrospective. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, *2*, 64–84. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2023_2_64_84

Hudson, M. (2021). *Killing the Boss: How Financial Parasites are Destroying the Economy*. M.: Nashe zavtra.

Mazzucato, M. (2021). *The Value of All Things: Creation and Disposal in the Global Economy*. M.: Publishing House of the Higher School of Economics.

Olson, M. (2013). *The Rise and Fall of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Sclerosis*. M.: New publishing house.

Orekhovsky, P. A. (2023). History of Economic Thought by the Eyes of a Structuralist (Part 1. Classics and Marx). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, *4*, 137–154. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_137_154

Smith, A. (2017). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: AST.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Л. С. Гребнев[1]
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

INTEREST (RATE): ОТКУДА «РАСТУТ НОГИ»?

Статья представляет собой расширенный вариант доклада на конференции «Экономика, общество и культура: наследие Адама Смита и современность». Предметом является interest (rate) («ссудный процент»), которому Адам Смит уделил немало внимания. Цель : обосновать нереалистичность предположения о том, что происхождение interest (rate) коренится в поведении индивидов, и предложить альтернативную версию. Задачи включают: 1) рассмотрение специфики пространства интересов индивидов на конкретном примере; 2) аргументация несовместимости interest rate с гиперболическим характером межвременных предпочтений на уровне индивидов; 3) выдвижение и обоснование гипотезы связи interest (rate) с долгосрочным интересом самосохранения общностей. Во введении показывается связь цели работы с научным наследием Адама Смита в «Исследовании о природе и причинах богатства народов». В первом разделе специфика пространства интересов индивидов рассматривается на примере введения ремней безопасности. Во втором разделе сравниваются качественные различия экспоненциального и гиперболического дисконтирования. В третьем разделе обосновывается возможность связи между спецификой взаимодействия первобытных кочевых общин и появлением феномена interest rate. Основные выводы следующие: 1) в пространстве интересов индивидов существуют частично конкурирующие интересы (краткосрочный – экономии затрат времени и долгосрочный – продолжения жизни); 2) interest rate не совместим с гиперболическим характером межвременных предпочтений на уровне индивидов; 3) основой гипотезы о связи interest rate с долгосрочным интересом самосохранения первобытных общностей является специфика тотемической формы социальной самоидентификации. Полученные результаты могут быть использованы в учебниках по экономике.

Ключевые слова: интересы, цели и средства, экспоненциальное дисконтирование, гиперболическое дисконтирование, альтернативные издержки, эффекты замещения и дохода.

Цитировать статью: Гребнев, Л. С. (2024). Interest (rate): откуда «растут ноги»? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 62–77. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5.

[1] Гребнев Леонид Сергеевич — д.э.н., профессор, департамент теоретической экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrebnev@hse.ru, ORCID: 0000-0001-6246-0713.

© Гребнев Леонид Сергеевич, 2024 CC BY-NC

L. S. Grebnev
HSE University (Moscow, Russia)
JEL: B10, B12, B19, B31

INTEREST RATE: WHERE IT COMES FROM?

The paper is an extended version of the report at the conference "Economics, Society and Culture: Adam Smith's Legacy and Modernity". The subject is interest (rate) ("loan interest"), to which Adam Smith paid a lot of attention. The purpose is to substantiate the unrealistic assumption that the origin of interest (rate) is rooted in the behavior of individuals, and to propose an alternative version. Objectives of the work are: (1) to consider the specifics of individuals' interest space on a particular example; (2) to argue the incompatibility of interest rate with the hyperbolic nature of intertemporal preferences at the individual level; (3) to put forward and substantiate the hypothesis of the connection of interest (rate) with the long-term interest in the self-preservation of communities. The introduction shows the connection of the purpose of the work with Adam Smith's scientific heritage in "Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations". The first section considers the specifics of individuals' space of interests on the example of the introduction of seat belts. The second section compares qualitative differences between exponential and hyperbolic discounting. The third section substantiates a possible correlation between primitive nomadic communities and the emergence of interest rate phenomenon. Main conclusions: (1) in the space of individuals' interests, there are partially competing interests (short-term — saving time and long-term — prolonging life); (2) interest rate is incompatible with a hyperbolic nature of intertemporal preferences at the level of individuals; (3) the basis for the hypothesis on interest rate connection with the long-term interest in self-preservation of primitive communities is the specificity of the totemic form of social self-identification. The results obtained can be used in economics textbooks.

Keywords: interests, goals and means, exponential discounting, hyperbolic discounting, opportunity costs, substitution and income effects.

To cite this document: Grebnev, L. S. (2024). Interest rate: where it comes from? *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 62–77. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

Введение

Проблема интересов остаётся весьма дискуссионной в современной экономической науке[2]. Ей уделял внимание и Адам Смит. В «Богатстве

[2] Для целей данной работы здесь приводятся начало и окончание статьи «*Interests*» (Хиршман) в энциклопедическом словаре The New Palgrave: the World of Economics (Курсив мой. — *Авт.*):

«"Интерес" или "интересы" — одно из *центральных* и наиболее *спорных* понятий в экономической науке и вообще в общественных науках и истории» (Хиршман, 2004, с. 434);

«Единственной определенной и *предсказуемой* характеристикой человеческих дел является их *непредсказуемость*, и бесполезно пытаться свести человеческое действие к единственному *мотиву* – такому, как, например, *интерес*» (Хиршман, 2004, с. 445).

народов» (Смит, 2007) есть не только часто упоминаемое суждение об интересах производителей материальных благ[3]. В этом труде также обсуждается важный в современной экономической практике инструмент — ссудный процент, который на профессиональном языке экономистов, английском, называется interest[4].

Термин «interest (rate)» точнее соответствует смыслу отношений займа, включающих время (динамику), чем его эквивалент на русском языке[5]. Поэтому в работе используется преимущественно он.

Ссудный процент — это феномен, реально существующий в хозяйственной практике не одну тысячу лет и тем не менее нередко отторгаемый или как минимум спорный в рамках различных культур. Достаточно упомянуть, что в странах с христианской *культурной* матрицей взимание процента в свое время было предметом богословских споров[6], а в исламе оно прямо запрещено[7].

Можно также отметить, что природа interest (rate) осталась тайной для такого сторонника затратной[8] основы рыночных пропорций обмена, как Карл Маркс.

У Маркса затратной субстанцией стоимости (ценности)[9], *основы* рыночной цены блага, являются общественно необходимые затраты аб-

---

[3] «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов» (Смит, 2007, с. 77).

[4] Chapter IV. Of Stock Lent at *Interest*. In Book Two: Of the Nature, Accumulation, and Employment of Stock (Smith).

[5] Латинское слово interest (rate) состоит из приставки inter — между и корня est, имеющего отношение ко времени. То есть речь идет о *динамике*, а слово «процент», также имеющее латинское происхождение (percent), означает одну сотую долю целого, т.е. речь идет о *статике*.

[6] «И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же» (Лк 6:34).

[7] «Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это — за то, что они говорили: “Ведь торговля — то же, что рост”. А Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (Коран, 2, 276(275)).

[8] *Затратной* основы пропорций относительных цен на рынке придерживались, по сути дела, все экономисты-теоретики до маржиналистской революции 1870-х гг. Затем основой стали считаться полезные свойства обмениваемых благ. Однако и в этом случае для условий совершенной конкуренции в долгосрочном периоде выполняется равенство P = MC = AC, где P = цена, MC — предельные издержки, AC — средние издержки.

[9] Термин «стоимость» как синоним «ценности» в профессиональном языке наших экономистов появился в 1872 г. (первый перевод 1 тома «Капитала» К. Маркса на русский язык). Тогда немецкий термин Wert (англ. value) был переведен не как «ценность», а как «стоимость» (Маркс, 1960). Поэтому для термина Kosten (англ. costs) была придумана «себестоимость». А в современных учебниках можно встретить выражения: «стоимость выбора экономисты называют альтернативной *стоимостью* или альтернативными *издержками*». См., например, (Автономов, 2012, с. 7).

страктного труда на его воспроизводство («закон стоимости»), а от конкуренции зависят только вр*е*менные отклонения реальной цены от основы в ту или другую сторону. Размышляя о величине ссудного процента, Маркс был вынужден написать: «Конкуренция определяет здесь не отклонения от закона: здесь просто не существует никакого иного закона разделения, кроме того, который диктуется конкуренцией» (Маркс, 1961, с. 391).

После маржиналистской революции 1870-х гг. принято считать, что источником interest (rate) является предпочтение индивидами настоящего перед будущим[10]. Говоря словами Мизеса, в ссудном проценте проявляется скидка на будущие блага.

«Ремни безопасности» и пространства интересов: краткосрочные и долгосрочные аспекты

Феномен interest (rate) является далеко не единственным, в котором проявляются связи между временными характеристиками принятия хозяйственных решений. Опираясь на реалии, можно говорить об объективно существующих пространствах интересов[11] как индивидов, так и других акторов.

Здесь уместно воспользоваться кейсом с «ремнями безопасности»[12], хорошо известным современным экономистам по учебникам вводного уровня Н. Грегори Мэнкью (Мэнкью, 1999), которым он иллюстрирует свой четвертый принцип «Человек реагирует на стимулы».

Во второй половине прошлого века по инициативе законодательных органов всех стран с развитым дорожным движением ремни безопасности стали обязательной частью производимых автомашин. Интерес законодателей очевиден — сокращение жертв дорожно-транспортных происшествий (ДТП). На практике, однако, результатом стало повышение скорости движения при почти неизменном количестве жертв ДТП среди нахо-

[10] «...временно́е предпочтение является категорией, присущей любому человеческому действию. Временно́е предпочтение проявляет себя в феномене первоначального процента, т. е. скидки на будущие блага по сравнению с настоящими. ...Рынок заимствований не определяет ставку процента. Он согласует ставку процента по ссудам со ставкой первоначального процента, проявляющегося в скидке на будущие блага». (Мизес, 2000, с. 489–491).

[11] В этом случае термин «пространство» используется в математическом смысле, а не в физическом. В этом же смысле, по сути дела, с ним, имеют дело все экономисты, когда используют графические (начиная с двумерных) средства представления динамических рядов данных.

[12] Под ремнями безопасности здесь подразумевается все виды дополнительного оборудования транспортного средства, повышающего выживаемость водителя (и пассажиров) в случае дорожно-транспортного происшествия (ДТП). Впервые они появились в США по инициативе государства в 60-х гг. прошлого века.

дящихся в автомашинах и увеличении количества жертв среди пешеходов (Peltzman Sam, 1975; Мэнкью, 1999, с. 34).

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что реакцией водителей на повышение безопасности движения стало повышение *скорости* автомобиля. Как следствие — сокращение времени в пути. На языке интересов это значит, что в паре частично взаимозаменяемых *благ-интересов* «самосохранение — свободное время» относительно «подешевело» второе. В переводе на привычный язык закона спроса — понижение относительной цены блага привело к повышению величины спроса на него.

Таким образом, в этом реальном примере принятия хозяйственных решений *на уровне индивидов* есть два *конкурирующих* интереса, причем непосредственно связанных со временем — временем жизни конкретных людей. Один из интересов имеет *долгосрочный* характер и ориентирован на *максимум результата* (продолжение жизни), а другой интерес имеет *краткосрочный* характер и ориентирован *на минимизацию затрат* (затрат *времени жизни* на перемещение из одного пункта в другой).

На уровне государства также есть пара *конкурирующих* интересов. Один из них краткосрочный — совершенствование логистики, ускорение перемещения материальных благ. Второй интерес долгосрочный — изменение количества жертв ДТП.

При этом следует учитывать, что альтернативными издержками суммарной экономии времени на перемещения *некоторых* людей «здесь и сейчас» является увеличение количества непрожитых лет *многих других* участников ДТП, особенно детей и подростков.

Таким образом, кейс «ремни безопасности» позволяет вполне предметно обсуждать конфликты интересов в пространствах двух уровней: индивидов и общества в целом. На уровне индивида — это конфликт между экономией времени жизни «здесь и сейчас» и увеличением риска прекращения ~~сто~~ жизни (напоминание «Сэкономишь минуту – потеряешь жизнь» и сейчас можно встретить в местах повышенной опасности). А на уровне общества — конфликт интересов между улучшением логистики и сокращением ожидаемой суммарной продолжительности жизни людей.

Логичным дополнением введения обязательных ремней безопасности стало столь же обязательное установление искусственных неровностей — «лежачих полицейских», заставляющих водителей снижать скорость в местах повышенной опасности для пешеходов.

В целом на этом кейсе можно увидеть, что минимизация затрат и максимизация результата — это, по сути дела, взаимоисключающие оптимизационные задачи. Оптимизируя что-то одно, другое надо фиксировать на определенном уровне. В случае водителей мы имеем дело с минимизацией затрат на перемещение при поддержании сложившегося допустимого уровня риска.

Об этом приходится напоминать в материале, издаваемом в учебном заведении, поскольку в переводах классического учебника Пола Самуэльсона повторяется ложное представление об оптимальности: «минимум затрат при максимуме результата»[13].

На ситуации, сложившейся в результате введения ремней безопасности, очень хорошо видна разница между *целями* и *средствами*[14] — *между пространством интересов* субъектов и *пространством потребностей* в благах-вещах, обеспечивающих реализацию интересов. Например, ремни безопасности способствуют обеспечению долгосрочного интереса, а средства передвижения — краткосрочного. Иначе говоря, стоит четко различать *интересы* и *потребности* (цели и средства).

Любое решение актора, особенно хозяйственное, начинается с его позиционирования (далеко не всегда осознаваемого в явном виде) в пространстве частично конфликтующих интересов благ-*целей*), в первую очередь собственных. Затем результат позиционирования проецируется в *пространство потребностей* в каких-то благах-*средствах*, сначала прямых, а затем и косвенных («по Менгеру»)[15].

Естественным местом обитания (если так можно выразиться) альтернативных издержек как фундаментального понятия экономической теории, является именно пространство интересов. Однако Н. Грегори Мэнкью не упоминает интересы не только, когда вводит понятие альтерна-

---

[13] «Допущение гласит, что предприятие стремится произвести *максимальный объем* продукции при *минимальных издержках*, чтобы получить *максимальную прибыль*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Самуэльсон, Нордхауз, 1989, с. 274). В оригинале написано не так.

Вот пример различения двух этих вариантов повышения эффективности: «Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)» (Бюджетный кодекс РФ, Статья 34).

[14] Строго говоря, пара «цели — средства» — терминология управленцев, а не ученых, поскольку предполагает *субъектность* на стороне *объекта* изучения. Экономисты-теоретики стараются ее не использовать. Редкое исключение среди основоположников Economics — основатель австрийской школы Карл Менгер (Менгер, 2005) с его *субъективной* полезностью, разделением благ на прямые и косвенные. Представитель следующего поколения Лайонелл Роббинс, давая определение Economics, использовал максимально «объектную» версию термина, переведённого на русский язык как «цель» («end»): “Economics is the science which studies *human behavior* as a relationship between *ends* and scarce means which have alternative uses” (Курсив мой. — *Авт.*) (Robbins, 1932, p. 16).

[15] Поэтому, в частности, графическая модель «*Кривая производственных возможностей*» (например, «пушки-масло») весьма коварна, когда ее применяют для иллюстрации «альтернативных издержек».

тивных издержек во втором принципе[16], сразу после первого принципа[17], но и позже, при рассмотрении кейса «ремни безопасности».

Более того, в учебниках Мэнкью[18] отсутствует классическая пара «эффект замещения — эффект дохода», также непосредственно связанная с темой интересов как минимум через понятие «доход». Причина, скорее всего, в том, что эту пару эффектов экономисты привыкли рассматривать исключительно на материале рыночной экономики и с применением математического аппарата «кривых безразличия» (Вэриан, 1997, гл. 3).

Между тем, вне рынка эта пара эффектов наблюдается в очень многих случаях, в том числе чрезвычайно важных для судеб человечества в целом[19].

Дисконтирование на уровне индивидов: гиперболическое vs экспоненциальное

Выбор водителя между сокращением затрат времени сейчас и сохранением жизни в будущем — это, можно сказать, классическое количественное сравнение издержек и выгод. Любое такое сравнение предполагает общую единицу измерения. Сравнение издержек и выгод в денежной форме предполагает их приведение к одному моменту времени — моменту принятия решения («настоящему»). Для этого используется экспоненциальная формула с постоянной величиной дисконта между соседними отрезками времени, называющимся interest (rate).

---

[16] «Стоимость чего-либо — это стоимость того, от чего надо отказаться чтобы получить желаемое». На языке оригинала — «The Cost of Something Is What You Give Up to Get It». На примере перевода термина Cost на русский язык как «стоимость», а не как «издержки», легко видеть, что и после 1991 г. продолжается нелепое смешение понятий «ценность/выгода» и «себестоимость/издержки», начавшееся в 1872 г.

[17] «Человек выбирает». На языке оригинала — «People Face Tradeoffs». Здесь тоже русский перевод не совсем точен. Выбирать и сталкиваться с компромиссами — это далеко не одно и то же.

[18] Точнее, она есть как дополнительная тема для отличников (Advanced Topic) в первом издании учебника «Принципы экономикс», а в четвертом издании (англ. 2007 г., русск. 2010 г.) ее уже нет.

[19] Например, «демографический взрыв» (в другой редакции — «первая фаза демографического перехода») как отсутствие своевременной реакции в демографическом поведении на успехи значительного сокращения младенческой смертности — это универсальное явление как раз такого типа. Высокая рождаемость в традиционных обществах — это вынужденная мера в условиях высокой детской смертности, особенно младенческой. Причем в случае демографического перехода особенно заметен лаг между стимулом и реакцией, который может составлять несколько поколений. Сначала отсутствие реакции приводит к росту населения, близкого к экспоненциальному, и только потом реакция («вторая фаза демографического перехода») может доводить до ситуации угрозы вырождения из-за невысокой рождаемости.

До недавнего времени преобладало убеждение, что на уровне индивидов «предпочтение настоящего перед будущим» описывается такой же — экспоненциальной — формулой сравнения межвременных благ одной размерности, но не имеющей никакого отношения к деньгам. Однако эмпирически было показано, что не экспоненциальная, а гиперболическая зависимость предпочтений во времени[20] соответствует поведению индивидов[21].

По-видимому, здесь уместно задаться вопросом о контексте математических различий между экспоненциальным и гиперболическим дисконтированием разновременных благ в реальной жизни акторов.

Дело в том, что в случае экспоненты нет никакой качественной разницы во времени между прошлым и будущим, а также настоящим[22].

Для гиперболической функции дело обстоит иначе. В ее графической версии есть две довольно далеких друг от друга линии и точка разрыва между ними. Применительно к времени жизни индивидов «будущее время» — это убывающая кривая, а «настоящее время» — точка разрыва. Иначе говоря, настоящее и будущее — это качественно различные ситуации. При этом, чем дальше в будущее, тем меньше коэффициент дисконтирования между соседними годами, тем, можно сказать, «равноправнее», «равноце́ннее» соседние величины (рис. 1). В целом, в долгосрочном периоде ссудный процент исчезает как на локальном уровне[23], так и на глобальном[24].

---

[20] «Модели с гиперболическими предпочтениями позволяют учитывать поведенческие особенности индивидов и расширить понятие рациональности в моделировании, делая модели еще более приближенными к реальности» (Шпилевая, 2023).

[21] «Первоначальные свидетельства о существовании гиперболического дисконтирования были получены из наблюдений за голубями и крысами, так что они относятся не только к человеческому поведению» (Боулз, 2011, с. 121).

[22] Иначе говоря, именно экспонента, а не гиперболическая функция, соответствует предпосылке неизменности предпочтений во времени (Вэриан, 1997, гл. 7) — одной из базовых в теории поведения акторов. Исследования психолога Д. Канемана (Канеман, 2014), получившего премию памяти Альфреда Нобеля по экономике в 2002 г. «за то, что интегрировал идеи психологических исследований в экономическую науку, особенно касающиеся человеческих суждений и принятия решений в условиях неопределенности» показали, что эта предпосылка не соблюдается гораздо чаще, чем считалось экономистами-теоретиками.

[23] Это напоминает запрет на взимание процента в исламе и близкое к этому высказывание Иисуса Христа, упоминавшиеся соответственно в сносках 7 и 6.

[24] Объем органики в живом состоянии (биомассы) поддерживается за счет освоения ею потока электромагнитного излучения Солнца. Его величина меняется (скорее, колеблется) пока незначительно, а потому общий объем биомассы находится в динамическом равновесии (дисконт равен нулю).

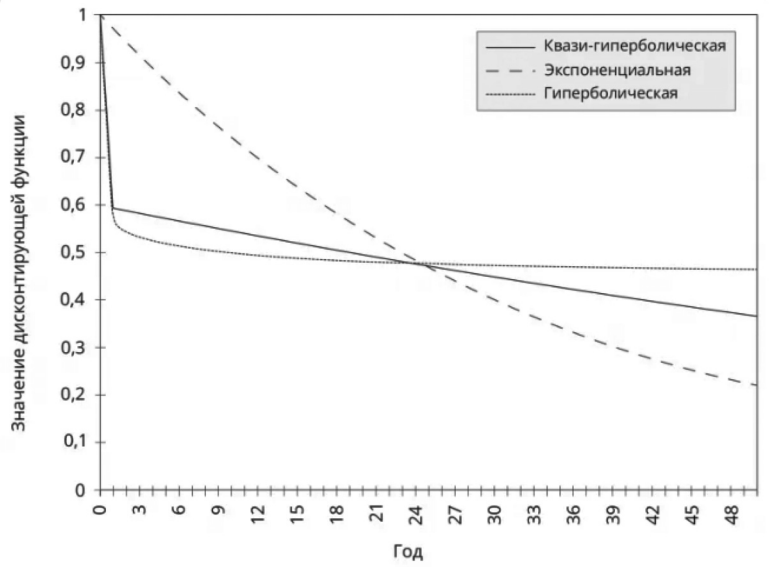


Рис. 1. Графики квазигиперболической, экспоненциальной и гиперболической функций дисконтирования
Источник: (Laibson, 1997).

От только что описанной гиперболической «временной математики» *индивидов* значительно отличается «временная математика» *видов*. Именно она имеет экспоненциальный характер до тех пор, пока смена одного поколения индивидов другим не упирается во внешние ограничения. В отличие от неживой природы, где законы сохранения представляют собой равенства, в живой природе «закон сохранения»[25] вида имеет вид неравенства.

Можно сказать, что биологи позаимствовали у экономистов термины — издержки (*Costs*) и выгода (*Benefit*), — когда закон сохранения вида записали в виде неравенства $\boldsymbol{C} < \boldsymbol{B}$, где $\boldsymbol{C}$ — это количество особей одного поколения, порождающих потомков в количестве $\boldsymbol{B}$.

Поскольку речь идет о циклическом процессе, пара «издержки/выгода» совпадает с парой «затраты/результат». Точнее, надо говорить не о пол-

[25] С терминологической точки зрения уместно использовать другой термин — законтенденция. В экономическую теорию его ввел Джон Стюарт Милль для долгосрочной динамики прибыли: «Таковы последствия спада в коммерческой деятельности, а тот факт, что подобные спады стали почти периодическими, представляет собой следствие той самой тенденции прибыли к понижению, которую мы рассматриваем» (Милль, 1981, с. 60). Затем традицию продолжил Карл Маркс, см. «Отдел третий. Закон тенденции нормы прибыли к понижению» (Маркс, 1961).

ном, а о частичном совпадении, поскольку в состав затрат могут входить и *свободные* блага[26]. Затратно-результатный характер пары (***C***, ***B***) в математической символике выглядит как формула $\boldsymbol{B^{t+1} = f(C^t)}$, где ***C*** — значение аргумента, ***B*** — значение функции, ***t*** — символ начала очередного цикла порождения потомков, а $\boldsymbol{t+1}$ — окончания этого цикла.

В простейшем случае, когда весь результат попадает затем в позицию затрат, мы имеем дело с рекуррентной формулой $\boldsymbol{C^{t+1} = IC^t = C^t(1+i)}$, где $\boldsymbol{I = 1 + i}$. Или, что то же самое по смыслу: $\boldsymbol{B^{t+2} = IB^{t+1} = B^{t+1}(1+i)}$.

Нетрудно заметить, что эти формулы полностью совпадают с расчетом возврата заемного капитала. Совпадает даже единица измерения, если ее записать на одном и том же языке (*per capita* — «на голову»).

Случайным такое совпадение формул быть не может.

От самосохранения родовых общин к interest (rate)

Переход от экспоненциального дисконтирования к гиперболическому на уровне индивидов способствовал размыванию сложившейся начиная с 1870-х гг. убежденности в том, что именно поведение индивидов должно лежать в основании экономической теории. Можно сказать, что новое понимание дисконтирования на уровне индивидов порождает запрос на поиски более адекватного понимания *социальных основ* экономической сферы жизни общества.

Такая работа уже ведется. Здесь уместно назвать недавно опубликованный фолиант в двух томах профессора Лондонской школы экономики Амоса Витцтума «Предательство либеральной экономики» (Witztum, 2019). Первый том озаглавлен «Как экономическая теория предает нас», а второй – «Как мы предаем экономическую теорию».

Вот сверхкраткая аннотация этой книги на сайте издательства (Witztum, 2019, Overview, перевод мой. — *Авт.*):

- «Представляет собой инновационный вызов господствующей экономической теории, ставящий под сомнение как ее ценность, так и актуальность как социальной теории.
- Представляет оригинальное исследование, основанное на других дисциплинах, для формулирования альтернативной концептуальной основы экономического анализа.
- Стремится восстановить экономическую науку как подлинную социальную дисциплину, которая в большей степени соответствует классической экономике, от которой современная экономика резко и необоснованно отошла».

[26] Простой наглядный пример: применение огня в хозяйственных целях — это затраты не только купленного топлива, но и атмосферного кислорода как свободного блага.

Амос Витцтум убежден, что увлечение методологическим индивидуализмом, особенно после 1870 г., представляет собой то самое предательство, которое ничего общего с позицией Адама Смита не имеет. Во многом, если не во всем, его аргументация нацелена на то, чтобы показать: коллективность ничуть не менее свойственна реальной экономике, чем поведение отдельных индивидов. А потому этический аспект не может быть устранен из теоретических построений. Вот более подробная выдержка из того же источника (Witztum, 2019, About this book, перевод и курсив мой. — *Авт.*):

«Предполагаемый *суверенитет индивидов* и стимулирующая сила рынков породили универсальную и *этически нейтральную* концепцию как социальной, так и экономической организации. Этот новаторский текст переосмысливает предназначение общества и роль экономики в нем, утверждая, что отсутствие благоприятного естественного порядка требует *пересмотра роли коллектива* в социальной и экономической жизни... Текст завершается рассмотрением того, можно ли найти ошибку в неправильной концепции современной экономики как линейного интеллектуального развития от либеральной классической экономики. Это делается путем нового переосмысления либеральной классической экономики через развитие теории Адама Смита».

Судя по содержанию приведенной цитаты, Амос Витцтум возлагает большие надежды именно на роль коллективов и уверен, что учение Адама Смита, взятое в целом, включая его взгляды на *этику*, поможет выйти из ситуации взаимного предательства общества и экономической теории.

Следует, однако, иметь в виду, что коллектив как таковой предполагает общение только реально существующих акторов, современников, их взаимодействие «здесь и сейчас», совместное принятие решений. Представители уже и еще несуществующих поколений членами коллектива быть не могут[27].

Похоже, Адам Смит на эти несуществующие поколения внимания не обращал даже в «Теории нравственных чувств» (Смит, 2022). Такие слова, как «поколение», «потомки», «предки» в этом труде Адама Смита почти не встречаются, а если встречаются, то, скорее, с негативной кон-

[27] С этой точки зрения более глубокой и соответствующей сути дела является формулировка «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, 1974, с. 262).

нотацией[28]. Не представлены несуществующие поколения и в защите прав в юридической практике, например, США[29].

Поэтому реалистическую основу экспоненциального дисконтирования представляется уместным искать в более ранних формах общества.

По-видимому, самая ранняя из известных сейчас форм общества — тотемическая[30]. Существование каждого тотема в виде соответствующих кровнородственных общин представляло собой циклический процесс смены поколений с той же экспоненциальной формулой количественной связи между ними, что и в остальной живой природе, основанной на неравенстве $\boldsymbol{C} < \boldsymbol{B}$.

При этом *культурной нормой* был обмен генетическим материалом между тотемами в каждом поколении. Ее анализ на эмпирической основе коренных жителей Австралии проделал Эмиль Дюркгейм в начале прошлого века. Согласно этой норме, внутри тотема запрещено кровосмешение[31]. Это значит, что часть вступающих во взрослую жизнь членов родовой общины одного тотема (при патриархате это девушки), должна

[28] «Среди занимающихся торговлей стран, в которых законы оказывают полное покровительство слабому, потомкам одного и того же рода нет побудительной причины жить друг подле друга: они разлучаются и рассеиваются по собственному желанию или по представляющемуся случаю и вскоре утрачивают значение друг для друга. Достаточно нескольких поколений, чтобы они утратили не только заботу друг о друге, но и всякое воспоминание об общем происхождении и об узах, связывающих их предков... высшее дворянство в любой стране гордится сохранением воспоминаний о своих самых отдаленных связях друг с другом. Впрочем, ему мало дела до заслуг собственных предков. Если оно заботливо сохраняет память о них, то это вытекает не из любви к ним и не в силу какого-либо побуждения подобного рода, а из самого фривольного и ребяческого тщеславия» (Смит, 2022, с. 127).

[29] «В самом начале 70-х годов прошлого века “Сьерра клуб” подала иск на компанию “Уолт Дисней продакшн” с целью запретить последней строительство горнолыжного курорта... “Сьерра клуб” утверждала, что горнолыжный курорт, построенный в национальном парке “Секвойя”, нарушит его экосистему. Организация предъявила иск от имени живущего поколения и будущих пользователей, в состав которых включались и еще нерожденные поколения. Иск прошёл все инстанции вплоть до Верховного суда, который поддержал постановления о том, что “Сьерра клуб” не может представлять интересы других, тем более нерожденных поколений» (Сэндлер, 2006, с. 232).

[30] «Тотем (от алгонкинского «ототем» — его род) — существо, предмет или явление (чаще всего животные или растения), являющиеся объектом почитания (или культа) группы людей, считающих его своим покровителем и верящих в общее происхождение и кровную близость с ним» (GUFO.M). Тотемами также называются множества кровнородственных общин, из которых состоят группы людей одного племени.

[31] «Все объекты, имеющие отношение к *тотему*, рассматриваются как его родственники, как “единая плоть”, а потому по отношению к ним действуют те же морально-нравственные нормы, которые практикуют члены *клана* при взаимодействии друг с другом... И когда мы говорим, что они относят себя к одной семье, то подразумеваем, что они осознают свои обязанности друг по отношению к другу, тождественные тем, которые во все времена возлагались на кровных родственников, такие, как взаимопомощь, месть, траур, *обязательство не вступать в брак друг с другом* и т.д.» (Дюркгейм, 2018, с. 182–183).

быть перемещена в общины других тотемом. А их место должны занять индивиды того же пола, принятые из других тотемов.

Именно с такого бартера начинается обмен «ты мне — я тебе» как таковой. Нетрудно заметить, что он начался не на индивидуальном уровне, а на уровне кровнородственных общин.

Трудности бартера существовали уже в первобытном обществе. Поэтому появлялись блага-посредники: сначала свою девушку отдавали в общину другого тотема за выкуп, которым потом расплачивались за пополнение, нужное для продолжения жизни своей общины. Эта традиция существует и поныне[32].

Среди благ-посредников одним из самых удобных был домашний скот. Это благо было не только хранимое и самоперемещающееся, но и *самовозрастающее*. Иначе говоря, экспоненциальная форма межвременных причинно-следственных связей наблюдалась как в пространстве целей — *долгосрочное* выживание тотемической общины, так и в пространстве средств существования общины «здесь и сейчас».

Кроме того, перемещение благ из одного хозяйства в другое — это всегда логистическое явление. Наземная логистика изначально основывалась на использовании домашнего скота, роль которого возрастала по мере перехода многих народов от кочевого образа жизни к оседлому. Для народов-посредников в сухопутной трансконтинентальной торговле (например, по Великому шелковому пути) основным транспортным средством были домашние животные, особенно верблюды — «корабли пустыни».

Завершая рассмотрение заявленной в заглавии темы, можно отметить следующее. Адам Смит начинает «Богатство народов» словами «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни *продукты*...» (Смит, 2007, с. 65). А Карл Маркс начинает первую главу «Капитал» со слов «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров... Товар есть прежде всего внешний предмет, *вещь*» (Маркс, 1960, с. 43). Иными словами, в центре внимания оказываются вещи, нужные людям, но не сами люди. Жизнь вещей, а не жизнь людей. 1870-е гг., казалось бы, перевели внимание экономистов-теоретиков на жизнь людей, на их *поведение*. Однако, оказывается, что перевод внимания с отдельных вещей на отдельных же людей, индивидов, недостаточен для понимания

[32] «В начале 1980-х годов автору довелось быть в командировке в Туркмении. Местные коллеги между делом рассказали, что чем моложе девушка и чем ниже ее *образование*, тем больше выкуп. Причина — чисто экономическая. Туркменские ковры, высоко ценящиеся на рынке, производятся руками женщин. Чем раньше она начитает работать, тем больше от неё доход, пока не состарится. Чем меньше в голове разных *знаний*, тем меньше допускает брака, который потом надо исправлять» (Гребнев, 2023, с. 212).

основ экономической стороны жизни сообществ вообще и такого явления, как interest rate, в частности.

Углубление в разработку этой проблемы выходит за рамки данной публикации.

Заключение

Во-первых, в пространстве интересов индивидов существуют частично конкурирующие краткосрочный интерес экономии затрат времени и долгосрочный интерес продолжения жизни.

Во-вторых, несовместимость interest rate с гиперболическим характером межвременных предпочтений на уровне индивидов вытекает из качественных различий гиперболического и экспоненциального приведения ценностей будущего времени к настоящему.

В-третьих, основой гипотезы о родственной связи interest rate с долгосрочным интересом самосохранения первобытных кровнородственных общин является культурное табу на кровосмешение, вынуждающее общины вступать в отношения взаимного обмена генетическим материалом, включая в него использование благ-посредников, в том числе самовозрастающее благо — домашний скот.

Кроме того, разговор об альтернативных издержках в учебниках экономики логичнее всего начинать с их обсуждения в пространстве целей — частично конфликтующих интересов актора, и только потом переходить от целей к средствам — потребностям в прямых и косвенных благах для обеспечения реализации интересов.

Список литературы

Автономов, В. С. (2012). *Экономика.* 10–11 классы. Базовый курс. М.: Вита-Пресс.

Боулз, С. (2011). *Микроэкономика. Поведение, институту и эволюция*: учебник. Пер. с англ. М.: Дело

Вэриан, Х. Р. (1997). *Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход.* Пер. с англ. М.: ЮНИТИ.

Гребнев, Л. С. (2023). *Размышляя об Адаме из Эдема и не только....* М.: ИНФРА-М.

Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии.* Пер. с франц. М.: Дело.

Канеман, Д. (2014). *Думай медленно, решай быстро*. Пер. с англ. М.: АСТ.

Марков, А. (2009). *Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерий до человека.* Дата обращения 22.11.2024, https://s.esrae.ru/noocivil/pdf/2021/1/2237.pdf

Маркс, К. (1974). *Тезисы о Фейербахе (текст 1845 года)*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 42. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1960). *Капитал. Критика политической экономии Т. 1.* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Т. 23. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.

Маркс, К. (1961). *Капитал. Критика политической экономии Т. 3.* Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 25. Ч. I. . 2-е изд. М.: Издательство политической литературы.

Менгер, К. (2005). *Основания политической экономии*. В Менгер К. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Мизес Л. фон. (2000). *Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории*. Пер. с нем. М.: Экономика.

Милль, Дж. С. (1981). *Основы политической экономии*: в 3 т. Т. 3. Пер. с англ. М.: Прогресс.

Мэнкью, Н. Г. (1999). *Принципы экономикс*. Пер. с англ. СПб.: Питер Ком.

Самуэльсон, П. & Нордхауз, В. (2009). *Экономика*. Пер. с англ.18-е изд. М.: ООО «И. Д. Вильямс».

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Пер. с англ. М.: Эксмо.

Смит, А. (2022). *Теория нравственных чувств*. Пер. с англ. М.: АСТ.

Сэндлер Т. (2006). *Экономические концепции для общественных наук*. Пер. с англ. М.: Весь Мир.

Хиршман, А. (2004). Интересы. В *Экономическая теория*. (434–446) Пер. с англ. М.: ИНФРА-М.

Шпилевая, А. Е. (2023). Гиперболические предпочтения. В *Большая советская энциклопедия*. Дата обращения 21.11.2024, https://bigenc.ru/c/giperbolicheskie-predpochteniia-b50cb7

Laibson, D. (1997). Golden Eggs and Hyperbolic Discounting. *The Quarterly Journal of Economics, 112*(2), 443–478. DOI: 10.1162/003355397555253

Peltzman, S. (1975). The Effects of Automobile Safety Regulation. *Journal of Political Economy*, *83*(4), 677–725. DOI: 10.1086/260352

Robbins, L. (1932). *The Subject-Matter of Economics*. In L. Robbins. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science.

Witztum, A. (2019). *The Betrayal of Liberal Economics Volume I and II*. London: Palgrave Macmillan, (eBook). Дата обращения 21.11.2024, https://link.springer.com/book/9783030112431. https://doi.org/10.1007/978-3-030-10668-3

Без даты публикации

Библия. Синодальный перевод. Дата обращения 21.11.2024, https://royallib.com/book/rbo/bibliya_sinodalniy_perevod.html

Бюджетный кодекс Российской Федерации (1998 31 июля) от 31.07.1998 № 145-ФЗ Принят ГД ФС РФ 31.07.1998, действующая редакция от 26.02.2024.

Коран. Перевод смыслов Крачковского И. Ю. Дата обращения 21.11.2024, https://teros.org.ru/forum/threads/koran-perevod-smyslov-krachkovskij-i-ju.251/

GUFO. М. Тотем. *Новейший философский словарь* Дата обращения 21.11.2024, https://gufo.me/dict/philosophy/TOTEM

Smith, A. *CHAPTER IV Of Stock Lent as Interest* Дата обращения 21.11.2024, https://www.adamsmithworks.org/documents/chapter-iv-of-stock-lent-as-interest

References

Avtonomov, V. S. (2012). *Economics. Grades.* 10–11. Basic course.

Bowles, S. (2011). *Microeconomics. Behavior, Institutions, and Evolution*.

Durkheim, E. (2018). *Elementary Forms of Religious Life: the totemic system in Australia*.

Grebnev, L. S. (2023). *Thinking about Adam of Eden and beyond....* M.: INFRA-M.

Hirschman, A. O. (2004). Interests. In *The New Palgrave: the World of Economics*. M.: INFRA-M.

Kahneman, D. (2014). *Thinking, Fast and Slow*. M.: AST.

Mankiw, N. G. (1999). *Principles of Economics*. SPb.: Piter Com.Markov, A. (2009). *The evolution of cooperation and altruism: from bacteria to humans,* Retrieved November 22, 2024, from https://s.esrae.ru/noocivil/pdf/2021/1/2237.pdf

Marx, K. (1960). *Capital. Criticism of political economy* Vol. 1. Marx K., Engels F. Soch.: 50 vols. Vol. 23. 2nd ed. M.: State Publishing House of Political Literature.

Marx, K. (1961*). Capital. Criticism of political economy* V.3. P.1. Marx K., Engels F. Soch.: 50 vols. Vol. 25. P. I. 2nd ed. M.: State Publishing House of Political Literature.

Marx, K. (1974). *Theses on Feuerbach (text of 1845)* Marx K., Engels F. Soch.: 50 vols. Vol. 42. 2nd ed. M.: State Publishing House of Political Literature.

Menger, K. (2005). *Foundations of political economy*. M.: Publishing House The Territory of the future.

Mises, L. fon. (2000). *Human activity: A treatise on economic theory*. M.: Ekonomika.

Samuelson, P. A. & Nordhaus, W. D. (2009). *Economics*. 18th Edition. M.: Williams.

Sandler, T. (2006). *Economic Concepts for the Social Sciences*. M.: All Peace.

Smith, A. (2022). *The Theory of Moral Sentiments*. M.: AST.

Smith, A. (2007). *Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. M.: Eksmo.

Varian, H. R. (1997). *Intermediate Microeconomics A Modern Approach*. M.: UNITI.

The Bible. Synodal Russian translation.

The Koran. Translation of the meanings of I. Y. Krachkovsky.

The Budget Code of the Russian Federation (1998 July 31) dated 07/31/1998 No. 145-FZ was adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 07/31/1998, the current version dated 02.26.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Б. М. Фридман[1]
Гарвардский университет (Кембридж, США)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ АДАМА СМИТА

Адам Смит был одним из самых выдающихся мыслителей того удивительного периода интеллектуального брожения, которое сегодня известно как шотландское Просвещение. Он также был создателем современной западной экономической науки. По словам Дональда Винча, вероятно, главного современного нам исследователя Адама Смита, вторая книга Смита, «Богатство народов», явилась «источником классической политической экономии». Хотя у Смита в этой области были предшественники, он вполне заслуживает своей репутации отца современной экономической науки. Если бы он не напечатал свой великий труд, кто-то другой, несомненно, со временем пришел бы к его открытиям. Но он сделал это, и его вклад был огромен. Теперь, спустя почти двести пятьдесят лет, его идеи и открытия попрежнему с нами. И они по-прежнему имеют первостепенное значение. Что подтолкнуло Смита к размышлениям? Откуда появились его важные идеи? Историк Эдмунд Морган (Morgan, 2013) заметил, что невозможно понять, почему люди действовали именно так; еще труднее понять, почему они думали именно так. Несмотря на трудности, цель данной статьи состоит в размышлении о ключевом интеллектуальном влиянии, направлявшем мышление Смита. В первом разделе статьи формулируется основное содержание фундаментального вклада Смита в экономическую науку. Во втором разделе перечислены четыре ключевых фактора разной степени известности, повлиявших на мышление Смита. Третий раздел содержит краткое объяснение важности обсуждаемой темы и непреходящей ценности наследия Смита для экономической науки.

Ключевые слова: история экономических учений, Адам Смит, первая и вторая теоремы благосостояния, методология экономической науки.

Цитировать статью: Фридман, Б. М. (2024). Идейные предшественники Адама Смита. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 78–88. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6.

[1] Бенджамин М. Фридман — именной профессор (Уильям Джозеф Майер) политической экономии Гарвардского университета; e-mail: bfriedman@harvard.edu.

© Фридман Б. М., 2024 CC BY-NC

B. M. Friedman
Harvard University (Cambridge, USA)
JEL: A11, A13, B1, B11, B12, B31, B41

INTELLECTUAL INFLUENCES ON ADAM SMITH'S THINKING

Adam Smith was one of the most stellar figures of that astonishing period of intellectual ferment known as the Scottish Enlightenment. He was also the creator of modern Western Economics. In the words of Donald Winch, probably the foremost Adam Smith scholar of our time, Smith's second book, The Wealth of Nations, was «the fountainhead of classical political economy». Although Smith did have significant predecessors, he well deserves his reputation as the father of modern economics. No doubt someone else, in time, would have arrived at his insights if he had not come along. But he did, and his contribution was enormous. Nearly two hundred fifty years later, the consequences are still with us. They remain of first-magnitude importance. What spurred Smith's thinking? Where did his crucial insights come from? The historian Edmund Morgan (Morgan, 2013) observed that it is impossible to know why people acted as they did; it is even harder to know why they thought as they did. Even so, the object of this paper is to speculate about the key intellectual influences guiding Smith's thinking. Section I begins by clarifying the central content of Smith's foundational contribution to economics. Section II enumerates four key influences on Smith's thinking, some familiar but others less so. Section III briefly returns to the question of why all this is so important today, commenting on the lasting legacy of Smith's thinking for the discipline of economics.

Keywords: history of economic thought, Adam Smith, first and second welfare theorems, methodology of economics.

To cite this document: Friedman, B. M. (2024). Intellectual influences on Adam Smith's thinking. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 78–88. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-6

Основной вклад Адама Смита

Полезно начать с противопоставления «экономического» мышления (в XVIII в. это прилагательное еще не существовало в том значении, которое оно имеет сегодня) до и после Адама Смита. Три простых высказывания кратко представляют суть экономического мышления, скажем, 1700 г. Первое: могут ли люди правильно понять, какая деятельность в экономической сфере отвечает их собственным интересам? Традиционный ответ был: «Вероятно, нет». По этой причине большинство людей в то время считало, что правители должны направлять и экономическую деятельность. У французов была своя меркантилистская система, ставшая наиболее популярной при министре финансов Людовика XIV Жане-Батисте Кольбере; у англичан была мозаика из предоставленных государством монополий, определявших, кто может производить или импортировать

те или иные товары; другие страны также считали, что управление экономической деятельностью сверху вниз необходимо для успеха страны.

Второе: даже если бы люди могли понять, какая экономическая деятельность будет в их собственных интересах, совершенно не предполагалось, что их действия, исходящие из этих собственных интересов, принесут пользу кому-либо, кроме них самих. Напротив, большинство людей считало, что улучшение благосостояния одного человека происходит за счет благополучия других. Никто не мог помыслить о каких-то результатах частного корыстного поведения, которые будут выгодны для всех.

Третье: именно по этой причине общепринятой точкой зрения было то, что действия в экономической сфере, мотивированные личными интересами, неблагопристойны и постыдны. Обычным прилагательным, применяемым к такому поведению, было слово «порочный», а существительным, соответственно, «порок».

К 1790 г., т.е. году смерти Адама Смита, все три основные положения радикально изменились. Отвечая на вопрос о способности людей правильно понимать свой интерес в экономической сфере, Смит утверждал, что по большей части они могут это делать, *когда выступают в качестве производителей товаров и услуг*. Сочинения Смита, как в «Богатстве народов», так и в его более ранней книге «Теория нравственных чувств» (Smith, 1976), полны резких насмешек над глупостью отдельных лиц – особенно богатых – действующих в качестве потребителей. Но, как умный математик, который не хочет делать допущения бо́льшие, чем нужно для доказательства своей теоремы, Смит осознавал, что его теория не требовала, чтобы экономические агенты знали, что отвечает их личным интересам в потребительском пространстве. Для его ключевого предположения было необходимо, чтобы они хорошо понимали свой личный интерес, *действуя как производители*, и для этой цели он предположил, что в основном они этот интерес знают и понимают.

Касательно второго положения, и это наиболее важно, Смит установил, что, когда люди действуют в своих собственных интересах, они могут – при правильных условиях – в конечном итоге улучшить благосостояние других людей, а также свое собственное. Это был радикальный отход от прежнего: идея о возможности улучшения благосостояния других людей через преследование собственного интереса стала центральным элементом западной экономической мысли; она лежит в основе того, что сегодня экономисты называют первой теоремой благосостояния.

Третье положение тоже практически перестало существовать. По этой причине ко времени выхода «Богатства народов» действия, мотивированные личными интересами в экономической сфере, уже не считались морально предосудительными. Слова «порок» и «порочный» часто встречаются в книгах Смита, но они никогда не относятся к действиям в личных интересах как таковым.

У Смита действительно были идейные предшественники: во Франции такие фигуры, как Пьер де Буагильбер, Пьер Николь, Ричард Кантильон и Франсуа Кенэ, а в Англии — Бернард Мандевиль, Джозеф Батлер и Джозайя Такер. Франция здесь важна, поскольку Смит прожил там примерно два с половиной года и именно во время пребывания в Тулузе он начал писать «Богатство народов». Отсюда важный вопрос, на который следует ответить: возможно ли, что созданием современной экономики мы обязаны не Адаму Смиту, а кому-то из этих мыслителей? Не должны ли мы, например, считать Бернарда Мандевиля отцом современной экономики? Или, может быть, это Пьер Николь?

Мой ответ: нет, не должны. Хотя Мандевиль и Николь, и не только они, на уровне интуиции осознавали существование реальности, отраженной в первой теореме благосостояния, у них не было объяснения того, как это происходит. Мандевиль, например, в своей «Басне о пчелах» (Mandeville, 1924) ясно понимал, что именно «порочное» поведение пчел сделало их улей таким процветающим; если бы пчелы стали добродетельными, улей бы вскоре погиб. Подобным образом Николь в одном из своих «Моральных эссе» (Nicole, 1680) переведенном на английский язык в 1680 г., обращает особое внимание на сходство между последствиями действий, вызванных «самолюбием», и действий, вызванных «благотворительностью». Однако ни Мандевиль, ни Николь никак не объяснили этот поразительный результат: у них, в частности, не было четкого осознания роли рынков и конкуренции в его достижении. Но и никакой другой экономический механизм не был предметом их рассмотрения. Для поколения интеллектуалов, обученных мыслить в ньютоновских понятиях системы и механизма (подробнее об этом ниже), такое отсутствие объяснений делало высказывание неубедительным – подобно теореме без намека на доказательство.

В чем же тогда заключалось существенное содержание аргументации Смита в «*Богатстве народов*»? А он просто предположил, что человеческое стремление к материальной выгоде является врожденным и, следовательно, правомерным с точки зрения нравственности. В одном ключевом фрагменте он написал, что «желание улучшить наше положение, желание, обычно лишенное страстности и спокойное, присущее нам, однако, с рождения и не покидающее нас до могилы» (Смит, 2007, с. 348–349), а между этими двумя событиями «вряд ли бывает хотя бы один такой момент, когда человек... совсем не стремился бы так или иначе изменить или улучшить его [своё положение]» (Смит, 2007, с. 349) . Следовательно, это желание не более позорно, чем тот факт, что нам приходится есть и дышать. Конечно, желание «улучшить свое положение» можно интерпретировать по-разному; но Смит сразу же пояснил, что для подавляющего большинства людей речь идет в первую очередь об их экономическом положении: «Большинство людей предполагает и желает

улучшить свое положение посредством увеличения своего имущества» (Смит, 2007, с. 349).

И каков же механизм, обеспечивающий общие выгодные последствия частных действий, имеющих такую мотивацию? Именно в этом заключается великий вклад «Богатства народов» в понимание экономических процессов: Смит ясно дает понять, что главные элементы этого механизма — это конкурентно определяемые цены и заработная плата. Более того, он объяснил, что сами конкурентно определяемые цены и заработная плата являются результатом сделок, мотивированных только личными интересами обеих сторон. Таким образом, конкурентный рыночный механизм является примером знакомой идеи Просвещения о непреднамеренном и непредвиденном. Рабочие, например, просто стремятся получить как можно более высокую заработную плату, в то время как работодатели, включая торговцев и производителей, просто стараются приобрести их труд как можно дешевле. Никто не имеет в виду и не собирается преследовать какие-либо общественные цели.

Самое главное, что этот механизм объясняет первую теорему благосостояния. Суть дела заключается в том, что частное преследование личных интересов, осуществляемое в правильных условиях, приводит к результатам, выгодным для всего общества, а благодаря «Богатству народов» мы теперь знаем, что основным условием этого является конкуренция на рынках. В условиях рыночной конкуренции действия, преследующие частные корыстные интересы, оказываются выгодными для других людей (отсюда первая теорема благосостояния), и в «Богатстве народов» Смит предложил еще один довод в пользу того, что они приносят пользу и обществу. У Смита не было слова «экстерналии» в современном экономическом смысле, но он явно понимал саму концепцию.

Открытие механизма, который и сегодня мы называем «невидимой рукой», привело к тому, что А. Смит, в общем и целом, возражал против создания препятствий для рыночной конкуренции, как со стороны правительства, так и в результате частного сговора. Смит, однако, был под впечатлением поразительной устойчивости появления указанного результата частных действий, а не фактами его отсутствия. Для Смита конкурентный рыночный процесс отнюдь не был нежным тепличным цветком, который необходимо защищать от всяческих покушений, и поэтому он был готов принять многие формы ограничений рыночной конкуренции, если они служили какой-либо общественной цели.

В «Богатстве народов» Смит выступал за прогрессивные подоходные налоги и налоги на роскошь (специальные налоги на роскошные средства передвижения) — в обоих случаях ради обычного перераспределения. Несмотря на то что он был шотландцем, он поддерживал налоги на виски и винокуренные заводы. Он высказывался в пользу ограничительных правил безопасности при строительстве домов в городах — например, требо-

вание, чтобы стоящие в ряд дома в Эдинбурге имели противопожарные стены (еще одна экстерналия). Он выступал за государственное образование ради его влияния как на отдельного человека, так и на все общество. В ответ на шотландский банковский кризис, который произошел всего за четыре года до публикации «Богатства народов», он считал необходимым регулирование банковской деятельности, более жесткое, чем то, что мы видели последние пятьдесят лет, особенно в западном мире. Он выступал за монопольные полномочия центральных банков.

В последние десятилетия очень многие люди полагают, что, выступая против любого мыслимого вмешательства в рынок, они следуют за Смитом, но они очень ошибаются.

Факторы влияния на мышление Смита

Что позволило Смиту прийти к открытиям, которые легли в основу экономики как мощной научной дисциплины, какой она постепенно стала? Я считаю, что в формировании мышления Смита решающее значение имели четыре различных фактора.

Коммерция. Смит жил в обществе, которое становилось все более коммерческим. В разное время Смит жил в четырех коммерческих центрах: Эдинбург, где он поселился после возвращения из Оксфорда, пока не стал профессором в Глазго, и куда вернулся после пребывания во Франции; Глазго, где он был студентом, а затем профессором; Париж, где он прожил короткий, но существенный в плане познавательности период, когда только начинал писать «Богатство народов»; и Лондон, где он провел большую часть десяти лет с момента возвращения из Парижа до завершения книги, особенно в критически важный период 1773–1776 гг. Он жил в коммерческом мире и был очень наблюдательным человеком. Часто общаясь с купцами и другими людьми, занимавшимися торговлей, он хорошо понимал, что они делают и какие мотивы ими движут.

Стоицизм. Когда Смит учился в Глазго, он познакомился с идеями стоиков и глубоко их воспринял; его фаворитами среди философов-стоиков были Эпиктет и Марк Аврелий. Ключевой принцип, который он позаимствовал у стоиков и который потом приобрел центральное значение для его размышлений об экономике, — это идея естественной гармонии во Вселенной.

Философия стоиков повлияла на творчество Смита двояким образом, что проявилось в двух его главных книгах. В «Теории нравственных чувств» стоическое мышление проявляется прежде всего на индивидуальном уровне. Вслед за своим другом и наставником Дэвидом Юмом, Смит подчеркивал важность для личности самоанализа, спокойствия и общительности. В «Богатстве народов» Смит обратился к обществу в целом, и именно здесь при исследовании экономической жизни общества прин-

цип естественной гармонии сыграл важнейшую роль. Действительно, вся концепция того, что мы сегодня называем первой теоремой благосостояния, которая состоит в том, что, когда вы преследуете свой интерес, ваше эгоистичное поведение улучшает и мое благосостояние через механизм рыночной конкуренции, — эта концепция по своей сути является одной из идей стоической философии. Стоики не говорили о всеобщей гармонии конкретно в экономическом контексте Смита, но они наверняка его бы поняли.

Ньютон. Как уже упоминалось, Смит принадлежал к поколению интеллектуалов, воспитанных на ньютоновских идеях системы и механистичности. «Начала математики» Ньютона появились в 1687 г. (Newton, 2009). К тому времени, когда Смит стал студентом, в 1730-х гг., эта книга стала частью стандартной учебной программы во всех шотландских университетах, включая Глазго, где учился Смит, а также в английском Кембридже (но не в Оксфорде, который, возможно, именно поэтому столько лет отставал в научной деятельности).

Ньютон вдохновлял не только ученых-физиков, но и всех, кто стремился к более глубокому исследованию человеческого поведения и его последствий для общества. Юм уже сформулировал цель такого исследования в 1730-х гг., когда Смит был еще студентом. В своем «Трактате о человеческой природе» Юм призывал к систематическому научному изучению человеческого поведения, сравнимому с тем, чего Ньютон достиг для физического мира: «Фактически мы предлагаем целую систему наук, построенную на почти совершенно новом фундаменте» (Hume, 2007, p. 4). Смит принял вызов. Это означало, среди прочего, что начинать надо с основополагающих принципов, основанных либо на логике, либо на наблюдениях, и для получения выводов опираться на четко выстроенные причинно-следственные механизмы.

Рассмотрим еще раз центральную роль ценового механизма в конкурентном рынке. Великое достижение Смита состояло в том, что он не просто описал этот механизм, но и поместил его в систему законов, управляющих Вселенной — в данном случае вселенной человеческого общества.

Одним из показательных примеров является известное высказывание Смита в «Богатстве народов», объясняющее, как работает система цен: «Таким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой *постоянно тяготеют* цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда *держать* их на значительно более высоком уровне и иногда несколько *понижать* их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они *постоянно тяготеют к нему* (Курсив наш. — *Авт.*)» (Смит, 2007, с. 112).

Язык, который использовал Смит, объясняя, как работает ценовой механизм, содержит много замечательных ньютоновских выражений.

Цены «тяготеют» к основной цене рынка (в нашем сегодняшнем словаре — равновесной рыночной цене). Из-за «обстоятельств» (мы бы назвали их шоками) рыночная цена может оказаться выше равновесной рыночной цены — она «зависает» там, но если это так, то «сила» толкает ее обратно туда, где цена «стабилизируется». Цены постоянно «стремятся» к равновесной рыночной цене. Такими словами он мог бы писать о планетах на их пути вокруг Солнца, объясняя, что происходит, когда столкновение с каким-либо предметом сбивает планету с ее орбиты — процесс, хорошо понятный Кеплеру, а потом и Ньютону.

Религия. Как я довольно подробно писал в своей недавней книге «Религия и подъем капитализма», на Смита сильно повлияла революция в религиозном мышлении англоязычного протестантского мира, происходившая в его время. Особенностью этой революции, по моему мнению, имевшей большое значение, был отход от кальвинистской идеи предопределенности. Это фундаментальное изменение в религиозном мышлении повлияло на многие стороны жизни, но для трудов Адама Смита особенно важными оказались следующие три аспекта: человеческой природы, судьбы и цели.

Кальвин учил, что из-за греха Адама и Евы, унаследованного человечеством, как описано во второй главе еврейской Библии, человеческая природа «совершенно лишена добра,... но производит в большом количестве всякое зло» (Calvin, 1960, p. 251). Столетие спустя английские последователи Кальвина сформулировали эту идею в Вестминстерском исповедании: люди «в высшей степени не расположены и не способны к добру, сделались его противниками и всецело склонны к совершению всякого зла» (Leith, 1982, p. 201). Посткальвинисты, напротив, считали, что всем людям присуща доброта. По знаменитой метафоре Локка, мы все рождаемся со «свечой Господней», что означает способность разумно мыслить (Locke, 1824, Vol. 6, p. 133). Если только мы будем использовать дарованные нам возможности, мы сможем понять, какие действия будут правильными.

Центральным элементом взглядов Кальвина на духовную судьбу людей — а это важнейший вопрос для верующих — было предопределение. Кальвин учил, что решение о том, кого спасти, а кого обречь на вечные муки, принимается не только до рождения каждого человека, но даже до сотворения мира. Посткальвинисты, напротив, считали, что спасение потенциально возможно для каждого и, более того, в этом вопросе важен человеческий выбор и человеческие действия. По словам Джона Тиллотсона, первого архиепископа Кентерберийского, назначенного после Славной революции 1688 г. в Англии, каждый человек должен «сотрудничать» с божественным в достижении своего спасения: «без могучей Божественной энергии и помощи благодати Божией ни один человек не может покаяться и обратиться к Богу; но, как мы утверждаем, о Боге нельзя говорить, что Он помогает тем, кто ничего не делает сам» (Tillotson, 1772, p. 320).

Кальвин также учил, что единственная причина существования людей — это прославление Бога. Вся Вселенная, по его знаменитому выражению, является «театром» Божьей славы (Calvin, 1856, p. 69). Посткальвинисты, напротив, считали, что человеческое счастье, определенно является одной из целей, а, возможно и единственной целью, предусмотренной Божественным планом для нашего вида.

В результате религиозная вера в англоязычном протестантском мире перестала опираться на концепции порочности и предопределения, но приобрела более оптимистичный взгляд на человеческую природу и более широкое понимание возможностей человеческого выбора и человеческой деятельности. В книге «Религия и подъем капитализма» я утверждал, что это фундаментальное изменение помогло Смиту и его современникам осознать, что, просто следуя своей врожденной человеческой природе – в частности, действуя в своих собственных индивидуальных интересах — люди могут в конечном итоге совершать действия, которые также улучшат положение других.

Важно отметить, что дебаты вокруг этого сдвига в религиозном мышлении были в самом разгаре в Шотландии как раз в то время, когда юные Смит и Юм формировали свой взгляд на мир, в котором они жили. Отход от кальвинизма среди англоязычных протестантов происходил постепенно. В Англии он достиг своего апогея во второй половине XVII в.; в Шотландии — в середине XVIII в. (как раз вовремя, чтобы повлиять на мышление Смита и Юма); в Америке — во второй половине XVIII в. (что, кстати, оказалось важным при основании Американской Республики).

Конечно, я не предполагаю, что в случае Смита и Юма имело место сознательное намерение глубоко религиозных людей применить свои религиозные убеждения к экономическим исследованиям: Юм был известным скептиком; большинство людей его времени считали его атеистом. О религиозных убеждениях Адама Смита практически ничего не известно. Большинство людей думают (и я согласен с ними), что он был, самое большее, деистом XVIII в., т.е. принадлежал к тому типу людей, который мы в Америке ассоциировали бы, скажем, с Бенджамином Франклином или Томасом Джефферсоном.

Как же тогда действовало это влияние религиозного мышления? Смит и Юм жили в мире, в котором значение религии было гораздо более широким, глубоким и многомерным, чем значение каких-либо идей сегодня. Общение людей, занятых умственным трудом, в то время было очень интенсивным, и университет Глазго, где преподавал Смит, не был исключением. В многочисленных клубах и ресторанах, которыми славилось шотландское Просвещение, Смит и Юм постоянно общались со священнослужителями Шотландской церкви. Их большой друг Уильям Робертсон был одновременно принципалом (говоря сегодняшним языком,

президентом) Эдинбургского университета и модератором Генеральной Ассамблеи Шотландской церкви.

Крайне важно иметь в виду, что религия была вопросом, из-за которого люди сражались и умирали. Тридцатилетняя война между католиками и протестантами на континенте столетием ранее, была столь же смертоносной для населения Европы, как Первая и Вторая мировые войны триста лет спустя. Гражданская война в Англии — в основном между протестантами двух типов — произошла при жизни бабушек и дедушек Смита и Юма. Некоторые боевые действия Якобитского восстания 1745 г., которое также имело религиозный аспект, шли непосредственно под стенами Эдинбурга. Смит и Юм не могли не помнить об этом.

Таким образом, фундаментальное изменение в религиозном мышлении, вызванное отходом от веры в предопределение, помогло сформировать то, что Эйнштейн назвал бы «мировоззрением» Смита и Юма (*Weltbild* в немецком оригинале). Как известно, Эйнштейн однажды заявил, что научная мысль является развитием донаучной мысли (Einstein, 1954, p. 276). Он также утверждал, что мир слишком сложен, чтобы его можно было охватить мыслью в его нынешнем виде; ученый должен создать себе «образ мира» — «мировоззрение» — и затем анализировать не объективно существующий мир, но мир, представленный в этом образе. Более того, Эйнштейн полагал, что этим занимаются не только ученые; он особо упоминал также поэтов, художников и философов (Einstein, 1918, p. 3).

Именно так поступают и экономисты. Мы в своих допущениях упрощаем картину реальности, потому что без этого нет прогресса. Мы создаем модели. Почему? Потому что, как объяснил Эйнштейн, мир слишком сложен, чтобы его можно было анализировать непосредственно. Вместо этого мы анализируем наши модели. Я думаю, что концепция исследования Эйнштейна идентична тому, что Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» подразумевал под «преданалитическим видением» (Schumpeter, 1954, p. 41). В том же духе мой коллега Джон Кеннет Гэлбрейт писал, что экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места (Galbraith, 1987, p. 1), где некий основной религиозный фермент присутствует в обсуждениях ключевых вопросов. Одним из таких вопросов для времени А.Смита была секуляризация доминирующего тогда религиозного мышления.

Прочное наследие

Наследие этого мировоззрения, особенно работы Адама Смита, и сегодня с нами. Экономическая наука по-прежнему изучает человеческий выбор. Первый семестр любого вводного курса по этому предмету попрежнему посвящен выбору, сделанному домохозяйствами и фирмами, и его общесистемным последствиям. Механизм конкурентного рынка,

действующий через цены, который Смит открыл и объяснил, остается центральным элементом нашего аналитического аппарата. Первая теорема благосостояния по-прежнему лежит в основе нашего понимания экономических последствий. И тот широкий и оптимистичный взгляд на человеческую деятельность и человеческую природу, который дали нам Смит и Юм, по-прежнему является нашим достоянием.

Список литературы

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Calvin, J. (1856). *A Treatise on the Eternal Predestination of God*. Wetheim & Macintosh.

Calvin, J. (1960). *Institutes of the Christian Religion*. 2 vols. Westminster John Knox Press.

Einstein, A. (1954). *Ideas and Opinions*. Three Rivers Press.

Einstein, A. (1918). Motive des Forchens (Principles of Research). In: *Zu Max Plancks sechzigstem Geburtstag. Ansprachen, gehalten am 26 April 1918 in der Deutschen Physikalischen Gesellschaft*, 29–32. C. F. Mueller.

Galbraith, J. K. (1987). *Economics in Perspective: A Critical History*. Houghton Mifflin.

Hume, D. (2007). *A Treatise of Human Nature*. D. F. Norton, M. J. Norton (Eds.). 2 vols. Oxford University Press.

Leith, J. H. (Ed.) (1982). *Creeds of the Churches: A Reader in Christian Doctrine from the Bible to the Present*. John Knox Press.

Locke, J. (1824). *The Works of John Locke in Nine Volumes*. 9 vols. C. and J. Riving.

Mandeville, B. (1924). *The Fable of the Bees. Or, Private Vices, Publick Benefits*. 2 vols. Clarendon Press.

Morgan, E. S. (2013). *The Birth of the Republic: 1763–89*. 4th ed. Chicago: University of Chicago Press.

Newton, I. (2009). *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*. The Project Gutenberg EBook.

Nicole, P. (1680). Of Charity and Self-Love. In *Moral Essays*, Vol. 3, 123–176. Printed for R. Bentley and M. Magnes.

Schumpeter, J. A. (1954). *History of Economic Analysis*. Oxford University Press.

Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In: D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith (Vol. 1)*. Glasgow University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1

Tillotson, J. (1772). *The Works of the Most Reverend Dr John Tillotson, Late Lord Archbishop of Canterbury, in ten volumes*. Wal. Ruddiman & Company.

References

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. Дж. Бёттке[1]
Университет Джорджа Мейсона (Фэрфакс, США)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-7

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ НУЖНО ЧИТАТЬ АДАМА СМИТА?[2]

В статье представлены рассуждения, касающиеся актуальности работ Адама Смита в условиях современности. Автор аргументирует, что читать Смита необходимо по трем ключевым причинам. Во-первых, за его понимание природы и причин богатства народов, в котором акцентируются ключевые факторы роста и развития, находящие свое отражение в современных исследованиях. Этому вопросу посвящена первая часть статьи. Во-вторых, за мудрость и проницательность Смита в отношении моральной и политической философии. Соображения Смита видятся автором крайне своевременными, потому как затрагивают те стороны нашей жизни, которые в настоящее время будто бы проходят испытание на прочность. Речь идет и о мирном сосуществовании, и о самоорганизации сообществ, которые стремятся управлять общим, преодолевая трагедию общин. Автор указывает, что «ангелы» нашей натуры тесно переплетены с институтами собственности, договора и согласия, которые обеспечивают мирный режим, легкие налоги и сносное отправление правосудия. Однако эти «ангелы» могут вполне стать «демонами», поддавшись темной стороне человеческой природы. Именно поэтому необходимо способствовать укреплению тех институциональных основ, что позволяют нам отвергнуть «демонов» и усилить «ангелов». Этот тезис раскрывается во второй части статьи. Наконец, в-третьих, за указание верного пути для реализации либерального плана свободы, равенства и справедливости, чему отведена последняя содержательная часть работы. Автор указывает на оппортунистичность и коварство политиков, жадность и склонность к софистике бизнесменов, которые во имя собственных интересов, готовы нанести обществу вред. Именно поэтому и возникает вопрос: какие нам требуются правила, ограничения и запреты, чтобы люди могли способствовать совместному процветанию, но не могли наносить вреда и друг другу, и обществу в целом? В заключении автор делает вывод, что спустя 300 лет работы Адама Смита, вероятно, являются актуальным руководством в поисках как лучшего понимания состояния человека, так и способа исправить наш мир. Важную роль в этом процессе автор отводит

[1] Бёттке Питер Дж. — заслуженный профессор экономики и философии Университета Джорджа Мейсона; e-mail: pboettke@gmu.edu.

[2] Ранняя версия этой статьи была представлена на конференции «Экономика, общество и культура: Адам Смит» в Московском государственном университете 27 октября 2023 г. Автор высоко ценит любезное приглашение профессора Александра Мальцева выступить на этой конференции, а также благодарит участников за конструктивные и критические отзывы.

© Бёттке Питер Дж., 2024 CC BY-NC

и экономической науке, которая должна стать своего рода противоядием против уже, казалось бы, отживших свое представлений прошлого.

Ключевые слова: история экономических учений, Адам Смит, экономический либерализм, теория экономического роста, экономическое развитие, институты развития.

Цитировать статью: Бёттке, П. Дж. (2024). Почему сегодня нужно читать Адама Смита? *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 89–103. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-7.

P. J. Boettke
George Mason University (Fairfax, USA)
JEL: A11, A13, B1, B12, B25, B31, B52

WHY READ ADAM SMITH TODAY?

The article presents arguments regarding the relevance of Adam Smith's works in modern times. The author argues that Smith should be read for three key reasons. First, for his understanding of the nature and causes of the wealth of nations, which emphasizes the key factors of growth and development that are reflected in modern research. The first part of the article is devoted to this issue. Second, for Smith's wisdom and insight in relation to moral and political philosophy. The author sees Smith's thoughts as extremely timely, because they touch upon those aspects of our lives that are currently being tested for strength. This includes peaceful coexistence and the self-organization of communities that seek to manage the commons, overcoming the tragedy of the commons. The author points out that the «angels» of our nature are closely intertwined with the institutions of property, contract and consent, which ensure a peaceful regime, light taxes and a tolerable administration of justice. However, these "angels" can easily become "demons", succumbing to the dark side of human nature. This is why it is necessary to promote the strengthening of those institutional foundations that allow us to reject "demons" and strengthen "angels". This thesis is revealed in the second part of the article. Finally, thirdly, for indicating the right path for the implementation of the liberal plan of freedom, equality and justice, which is devoted to the last substantive part of the work. The author points out the opportunism and cunning of politicians, the greed and inclination to sophistry of businessmen who, in the name of their own interests, are ready to harm society. This is why the question arises: what rules, restrictions and prohibitions do we need so that people can contribute to shared prosperity, but cannot harm each other and society as a whole? In conclusion, the author concludes that after 300 years, the works of Adam Smith are probably a relevant guide in the search for both a better understanding of the human condition and a way to fix our world. The author assigns an important role in this process to economic science, which should become a kind of antidote to the seemingly outdated ideas of the past.

Keywords: history of economic thought, Adam Smith, economic liberalism, theory of economic growth, economic development, development institutions.

To cite this document: Boettke, P. J. (2024). Why read Adam Smith today? *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 89–103. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-7

Введение

В течение 2023 г. мир экономики (и интеллектуальной истории в целом) отмечал 300-летие со дня рождения Адама Смита. Сегодня его вспоминают как основателя экономической науки и одну из ключевых фигур шотландского Просвещения наряду с Дэвидом Юмом. На протяжении всей своей жизни (1723–1790) Смит жил преимущественно в Шотландии. Сначала он учился в Глазго, где глубоко уважал своих преподавателей; затем в Оксфорде — к тамошним профессорам он относился довольно пренебрежительно; потом вернулся в Глазго, стал профессором нравственной философии и добился международного признания как ученый, опубликовав «Теорию нравственных чувств» (1758). Однако именно его «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) принесло ему бессмертную славу. Именно эта работа и ее влияние на весь мир дают повод для празднования дня рождения Адама Смита три века спустя.

Мы обычно чествуем основоположников научной деятельности. Однако зачастую не рекомендуем читать их работы ни молодым энтузиастам науки, ни тем более опытным практикам, разве что для удовлетворения «антикварного» интереса. Студентам, изучающим физику, не предлагают читать «Математические принципы естественной философии» (Newton, 2016) сэра Исаака Ньютона и, возможно, даже «Относительность» Альберта Эйнштейна (Einstein, 2001). В современном образовании принято считать: все, что было хорошего и истинного в древности, присутствует в современных работах. В текстах же, являющихся плодами давних научных и исследовательских усилий, можно видеть главным образом ошибки, а не жемчужины мудрости, чудеса проницательности или указания верного пути, могущие удовлетворить современное любопытство и помочь в поисках решения проблем. Однако я утверждаю, что Адама Смита стоит читать сегодня, ибо это улучшит нашу научную деятельность в области экономики, политэкономии и социальной философии. Мы все еще можем многому научиться из его трудов.

Великий ученый-экономист, ниспровергатель авторитетов Кеннет Боулдинг в классическом эссе «После Самуэльсона кому нужен Смит?» (Boulding, 1971) как никто другой четко обосновал необходимость чтения Смита для улучшения нашей современной деятельности. Боулдинг утверждал, что мы все нуждаемся в нем, потому что научно-практический потенциал идей Смита еще не исчерпан, а его прозрения о том, как устроен мир, являются частью «расширенного настоящего». Наука и ученость развиваются не по гладкому и эффективному пути от ложного к истинному: это очень неровный и трудно идущий процесс с множеством влияний, тянущих в ту или иную сторону, где порой теряются истины и распространяется ложь. Следовательно, для достижения настоящего прогресса

иногда приходится возвращаться назад и развивать науку в другом направлении. Практически ничто из того, что действительно правильно и важно у Смита, не вошло в научный консенсус, представленный Самуэльсоном, на протяжении большей части второй половины XX в.[3]

Профессиональная экономика не отражала позицию Боулдинга. Примерно с 1950 по 1980-е гг. в экономической науке господствовала самуэльсоновская парадигма, и можно с полным основанием утверждать, что во многом она господствует и сейчас. Интеллектуальные потери вследствие этого господства заключаются в том, что как индивидуальные цели и планы акторов, населяющих изучаемые нами миры, так и институциональная среда, в которой эти люди-акторы реализуют свои планы и взаимодействуют с другими, были потеряны в чрезмерном формализме научного изложения и излишней агрегированности научного подхода. Право, политика и общественные нравы — постоянные объекты изучения в системе Смита — были вытеснены из научного исследования в поисках «институционально антисептической» теории. Эти ключевые аспекты политэкономии и социальной философии Смита пришлось заново открывать Армену Алчиану (права собственности), Джеймсу Бьюкенену (общественный выбор) и Рональду Коузу (право и экономика). И, конечно, не лишним будет утверждать, что начало этой контрреволюции в экономической науке было положено в работах Ф. А. Хайека, таких как «Конституция свободы» (Хайек, 2018), «Право, законодательство и свобода» (Хайек, 2020) и «Пагубная самонадеянность» (Хайек, 2023). Хайек уже в 1940-х гг. увидел научные «письмена на стене» и выступил с двумя аргументами, касающимися методологии социальных наук с одной стороны, и институционального уровня анализа — с другой. Однако моя цель здесь — обсудить не вклад Хайека, а непреходящий вклад Смита в нашу науку[4].

---

[3] Думаю, для современных читателей будет уместно подчеркнуть, что Боулдинг не был одиноким волком, бродящим по пустыне. Он был вторым (после Самуэльсона) лауреатом медали Джона Бейтса Кларка и с самого начала находился в оппозиции к Самуэльсону. Боулдинг (Boulding, 1948) в обзорном эссе на книгу Самуэльсона «Основы экономического анализа» (Samuelson, 1947) утверждал, что самуэльсоновский формализм может быть слишком безупречным в своей точности, чтобы помочь с научной точки зрения в нашем стремлении понять человеческую общительность и сложные явления современного коммерческого общества. Вместо этого он предположил, что работа в «туманной и литературной» пограничной области между экономикой и социологией может в конечном итоге оказаться более продуктивной с научной точки зрения. Последующее развитие экономики прав собственности, экономики общественного выбора, права и экономики, экономической социологии, новой институциональной экономики и предпринимательской теории рыночного процесса позволяет предположить, что Боулдинг был прав в своей оценке задолго до того, как научный консенсус повернул в этом направлении.

[4] В книге «Ф. А. Хайек: Экономика, политэкономия и социальная философия» (Boettke, 2018) я даю обзор вклада Хайека в современную науку и научные исследования.

Итак, кому сегодня нужен Адам Смит? Мы все нуждаемся в нем, потому что его работы до сих пор сообщают нам о том, как гуманно и продуктивно заниматься политической экономией, и о том, *что* эта дисциплина предлагает для понимания человеческого состояния во всем его многообразии и сложности. Как однажды выразился Хайек (Хайек, 2011), работы Смита по-прежнему превосходят все современные труды по социальной психологии в изучении того, что заставляет человека жить и действовать и что делает возможным человеческое общество.

Мой аргумент прост: мы можем с пользой читать Смита и быть благодарны ему за его понимание природы и причин богатства наций; за его мудрость, связанную с моральной и политической философией, и за указание верного пути для реализации либерального плана свободы, равенства и справедливости. Далее я рассмотрю эти три причины, объясняющие, почему нам следует читать Адама Смита, а завершу обсуждением непреходящих загадок, над которыми «проект Смита» заставляет нас работать даже до сего дня.

Постижение

В своих записных книжках, на основе которых была написана книга «Богатство народов», Смит утверждал, что «мир, легкие налоги и сносное отправление правосудия» являются предпосылками для экономического развития и роста. Источник богатства наций заключается не в качествах людей и не обязательно в географическом положении государства, а в институциональной и социальной экологии, в рамках которой люди взаимодействуют друг с другом и с природой. Позднее Адам Смит покажет на примере философа и уличного носильщика, что различия между людьми не так велики, как часто полагает философ. И хотя пересеченная местность и труднопроходимые водные пути, по признанию Смита, повышают стоимость сделок, они не являются определяющими факторами. Нет, первостепенно важным для Смита было создание системы собственности, договора и согласия, как утверждал и его хороший друг Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» (Hume, 2007). Такая система означала безопасность личности и владения, возможность передачи собственности по согласию и необходимость выполнения обещаний. Коротко говоря, что-то взять можно только при условии, что нечто соответствующее будет отдано. Основа экономического прогресса и улучшения условий жизни человека кроется в той самой человеческой предрасположенности к торговле, бартеру и обмену. Смит хорошо осознавал наличие темной стороны нашей природы и склонности людей к насилию, грабежу и разбою, о которых так выразительно писал Томас Гоббс. Фактически, для большей части истории человечества характерна эта ловушка насилия, в которой при всех завоеваниях и конфискациях не было созда-

ния богатства и всеобщего улучшения жизни людей. Мир, легкие налоги и сносное отправление правосудия — вот что возникает, когда мы выходим из ловушки насилия.

Механика экономического развития напрямую вытекает из анализа Смита. Говоря современным языком, единственный способ увеличить реальный доход — это повысить реальную производительность труда. По мнению Смита, которое он приводит в первом предложении своей великой книги, наибольшее улучшение производительных способностей человечества связано с усовершенствованием разделения труда. Но при обсуждении Смитом разделения труда и факторов его совершенствования мы сразу же видим указание на результаты повышения реальной производительности благодаря улучшению физического капитала, с которым люди могут работать. Становились лучше до настоящей полезности машины, экономящие время; на заре индустриальной эпохи этим занимались как молодые мальчишки, стремящиеся лишь быстрее выполнить работу, чтобы успеть поиграть с друзьями, так и великие новаторы и творцы. Человеческая изобретательность приводит к появлению инструментов и технологий, повышающих производительность. Реальная производительность также повышается благодаря развитию человеческого капитала — знаний и навыков. В современной экономике мы делаем акцент на образовании как основном средстве приобретения человеческого капитала, но во времена Смита основным средством было обучение на рабочем месте.

Смит также предположил, что разделение труда ограничено масштабами рынка. Развивая это предположение, можно увидеть, что по мере расширения торговли и увеличения масштабов и объема рынка разделение труда становится более совершенным, а координация деятельности отдельных людей и их специализированного производства может быть согласована посредством коммерческих сделок, в соответствии с собственностью, ценами и соотношением прибылей и убытков. В самом начале книги «Богатство народов» Смит иллюстрирует эту мысль, заставляя своих читателей задуматься о том, как даже самый повседневный товар — в данном случае обычная шерстяная куртка — оказывается на спине поденщика (Смит, 2007, с. 74). Смит очень абстрактно описывает все специализированное производство и обмен мелкими деталями, необходимыми для создания шерстяного пальто. Как он говорит, количество обменов превышает человеческие вычисления. И завершает он эту дискуссию простым замечанием о том, что средний человек в мире, где есть такие усовершенствования в разделении труда, имеет уровень жизни, превышающий уровень жизни короля в обществе, где подобная производственная специализация и мирное социальное сотрудничество посредством обмена не могут иметь места. Это наблюдение Адама Смита остается верным и по сей день, рассматриваем ли мы данные в динамике, или сравниваем их в любой момент времени. Важнейшим элементом механики экономического развития яв-

ляется набор институциональных механизмов, представленных формальными и неформальными правилами и обеспечиваемых формальными и неформальными санкциями, которые позволяют людям в данном обществе осуществлять производственную специализацию и мирное социальное сотрудничество. Мясо и картофель экономического анализа — это изучение обмена и производства, но эти процессы возможны благодаря социальной экологии, в рамках которой они происходят. Как уже говорилось выше, нельзя заниматься экономикой и политэкономией должным образом, не делая акцент на анализе права, политики и общества как необходимой основы для изучения экономической жизни. Проблема с использованием этих явлений в качестве предполагаемого основания, вместо анализа их происхождения, хрупкости или устойчивости, заключается в том, что про них легко забыть — так, рыба не осознает воду, в которой плавает. Смит же разработал, как утверждал Лайонел Роббинс в своей книге «Теория экономической политики в английской классической политической экономии» (Robbins, 1978), политэкономию, основанную на институциональном анализе развития. Экономическая жизнь, по мнению Смита, никогда не существовала в вакууме. Частная собственность и свобода договора, защищенная верховенством закона, — все это развивалось по мере становления экономической теории в работах британской классической политэкономии. И, как позже утверждал Джеймс Бьюкенен (Buchanan, 1999, p. 5), мы, аналитики, никогда не можем довольствоваться простым предположением об институциональных основах коммерческого общества, а должны из обычных поведенческих постулатов экономического анализа вывести сами эти институциональные рамки. Таким образом, мы сможем построить настоящую институциональную экономику, которая в сочетании с основной структурой экономической теории сможет воссоздать современную политическую экономию, достойную Адама Смита.

Мудрость

Какими бы эгоистами мы ни были, объясняет Смит в начале «Теории нравственных чувств», в нашей природе, очевидно, заложены глубинные принципы и чувства, позволяющие заботиться о судьбах других людей. Именно они лежат в основе человеческой общительности. В отличие от многих других видов, которые противостоят природе зубами и когтями, мы физически не приспособлены к тому, чтобы выживать в холоде или сражаться голыми и безоружными. От природы мы не обладаем меховой шубой, не говоря уже об острых зубах и когтях. Мы стоим голые перед природой, уязвимые перед капризами природы и нападениями хищников. Однако то, чего нам не хватает в естественных средствах защиты, мы с лихвой компенсируем способностью сотрудничать друг с другом.

Ключевая особенность нашей способности к сотрудничеству заключается в том, что если бы не более продуктивное разделение труда и социальное сотрудничество посредством обмена, мы, люди, навсегда оказались бы в ловушке мальтузианской борьбы. Выживание требовало бы от нас биологической конкуренции с «другими», а не стремления к отношениям как минимум мирного сосуществования, а как максимум — глубокой дружбы и общения, выходящего за рамки родства. Говоря кратко, нет никакой «проблемы Адама Смита», которую постулировала немецкая историческая школа. Нет никакого конфликта между центральными аргументами «Теории моральных чувств» и «Богатства народов», есть лишь смещение контекста, в котором взаимодействуют индивиды, и постулируемый диапазон моральных симпатий. Я бы сказал, что важно различать эмпатию, которая связана с близостью, и симпатию, которая связана с проекцией. Очевидно, что люди обладают способностью к сопереживанию и сочувствию — если наш партнер по жизни страдает, мы страдаем вместе с ним; если мы смотрим на участь наименее обеспеченных людей, мы можем представить себя в том же положении. Но у нашего сочувствия есть пределы, которых может не быть у наших эмпатических способностей[5].

Я еще вернусь к этой загадке, но для наших целей важно подчеркнуть связь между производственным потенциалом, который создается благодаря общительности — а ее вызывают в нас наши моральные чувства. Вместе нам живется лучше, чем порознь. Это означает, что мы должны найти способы превратить незнакомцев из потенциальных врагов в дорогих друзей. Сотрудничая друг с другом, мы сможем противостоять свирепым зубам и когтям природы. Именно наш взаимный альтруизм и способность вести учет в голове позволяют человеческим обществам направлять собственные интересы в социально продуктивные модели поведения и при этом постоянно импровизировать, внедрять инновации и улучшать условия жизни людей. Конечно, как утверждалось в предыдущем разделе, Смит не рассматривал это в первую очередь как поведенческий аргумент, но как аргумент, который, я бы сказал, учитывает постоянное взаимодействие между деятельностью индивида и структурой, предоставляемой институциональной средой. В связи с этим его мудрость для занимающихся социальными науками заключается в том, что, если мы надеемся понять человеческое поведение и человеческую общительность, надо прекратить наши попытки раздельного изучения деятельности индивида и структуры, а вместо этого проанализировать сложное взаимодействие между ними.

[5] Однако, как повествуется во многих научно-фантастических рассказах, если человека с эмпатическими способностями попросить прочувствовать и испытать боль и страдания каждого, он рухнет от такого напряжения и давления. Но в рамках нашей привычной группы или даже близкого сообщества эти способности не подвергаются таким тяжелым испытаниям.

Лучшие «ангелы» нашей натуры тесно переплетены с институтами собственности, договора и согласия, которые обеспечивают мирный режим, легкие налоги и сносное отправление правосудия. Мир, я бы сказал, является предварительным условием справедливости. Мы должны сложить оружие, прежде чем сможем вести переговоры и примиряться. Именно мир, а не завоевания и войны, позволяет нам находить дружбу с теми, кто отдален от нас физически или социально. Чтобы избежать мальтузианской ловушки, или гоббсовой войны всех против всех, люди и сообщества должны заменить торговлей набеги друг на друга. Две великие работы Смита заставляют современного читателя серьезно отнестись к этому наставлению.

Смит утверждал, что ненависть и гнев — это яд для ума. Вместо того чтобы воспринимать другого как «чужого», необходимо начать воспринимать друг друга как достойных и равных, ибо мы — человеческие существа, достойные достоинства и уважения, а не подданные, которыми можно управлять, или ресурсы, которые можно конфисковать. Просветительские идеалы Смита были вызовом господствующей истории человечества и доктринам, оправдывающим мораль завоеваний. Как красноречиво утверждает Дейдра Макклоски в книге «Буржуазные добродетели» (Макклоски, 2018), человеческая цивилизация продвинулась вперед и пережила современный экономический рост, когда мы перешли от воинственных добродетелей античности к христианским добродетелям и, наконец, к буржуазным добродетелям индустриальной эпохи. Она утверждает, что источник изобилия, открывшийся благодаря материальному прогрессу, достигнутому между XVIII в. и сегодняшним днем, возник вследствие образа общения, т.е. как мы говорим друг о друге и друг с другом. И снова речь идет о достоинстве, уважении, оказываемом обычным людям, и о свободе, лежащей в основе такого отношения. Обычные люди, если им дать свободу и пространство для осуществления свободных действий, могут создавать необыкновенные вещи. Это был радикальный отход от господствовавшей ранее мудрости, гласившей, что необыкновенные вещи могут быть достигнуты только необыкновенными людьми, получившими власть над другими.

Работа Смита заставляет нас переосмыслить мудрость наших максим о правителях и правилах. Элинор Остром (вместе со своим мужем Винсентом Остромом) в наше время во многом продолжила эту линию в своем исследовании самоуправляющихся демократических обществ — их работоспособности, точек хрупкости и всего, что может потребоваться для их укрепления и сохранения. Например, ее работа «Управляя общим» (Ostrom, 1990) посвящена не только управлению ресурсами общего пользования в сообществах, но, как она ясно дает понять в конце этого классического текста (Ostrom, 1990, p. 215), это был лишь пробный камень для более широкой проблемы самоуправления. Как можно найти ответы

в духе Смита на проблемные ситуации, обрисованные Гоббсом? Как мы можем осуществить социальное сотрудничество в мире конфликтов и раздоров? Гениальность Остром заключалась в том, что она видела это решение в творческих и интеллектуальных способностях людей и сообществ, которые она изучала. Она видела, как обычные люди добиваются необычных результатов, и понимала, что не может быть единственного решения наших социальных дилемм в мудрости и силе короля или законодателя, которому дана власть над нами. Нет, ключ к эффективному управлению — это управление обществом *вместе* с людьми, а не из позиции *над* ними без их участия.

Экономика естественного равенства, которую мы находим у Адама Смита, является частью космополитической либеральной традиции, развивавшейся в течение нескольких последующих столетий и неоднократно подвергавшейся испытаниям войнами, колониализмом, протекционизмом, расизмом, ксенофобией и нетерпимостью. Вместо того чтобы поддаваться темной стороне нашей природы, мы должны быть бдительны в своих усилиях по укреплению лучших «ангелов» нашей натуры. Как показывает история человечества, это непростая задача. Но, как опять-таки показывает история человечества, она не является невыполнимой. Нам нужны научные знания об источниках материального прогресса, институциональная эволюция, чтобы обеспечить эффективные ограничения для наших оппортунистических импульсов, и нам необходимо культивировать те моральные чувства, которые помогут поддержать идеологические системы, легитимизирующие космополитический либеральный порядок. Труды Смита наталкивают читателя на верный путь.

Указание пути

Адам Смит разрабатывал не только моральную психологию и аналитическую экономику, но и более широкую политическую экономию и социальную философию, которую он обобщил как либеральный план свободы, равенства и справедливости. Его книга по юриспруденции не была опубликована при его жизни, и все, что осталось, — это конспекты лекций, переписанные студентами. Но мы можем провести триангуляцию между «Теорией нравственных чувств», «Богатством народов» и «Лекциями по юриспруденции» (Smith, 1978). Последняя книга основана на серии лекций, прочитанных в университете Глазго в 1762–1763 гг., и ее главной целью было представить набор правил, которыми должно руководствоваться гражданское правительство в своих действиях. Главная цель правительства — защита от вреда, и поэтому оно должно защищать людей, собственность и мирные социальные отношения.

Однако Смит не особенно верил в то, что политические деятели смогут создать такую систему правосудия. Вместо этого он считал политика

«коварным и хитрым животным». Чтобы ни у кого не сложилось неверного впечатления, Смит также не доверял монополистам и прибегавшим к софистике бизнесменам, извлекавших выгоду из меркантилистской системы государственных привилегий и защиты. Часть аргументов в пользу конституционных ограничений, превращающих государство в систему «ночных сторожей», которая включает национальную оборону, суды, полицию, а также проведение некоторых общественных работ, заключалась в том, чтобы освободить государство от слишком большой ответственности, которая могла бы оказаться слишком трудным испытанием для человеческой природы и подорвать основные функции защитного и производительного государства, выпустив на волю государство хищное. Дэвид Юм, друг и единомышленник Смита, утверждал:

> «Политические писатели утвердили в качестве максимы, что при разработке любой системы правления и установлении нескольких сдержек и контроля конституции *каждый человек должен считаться плутом, не имеющим во всех своих действиях никакой другой цели, кроме личного интереса*. С помощью этого интереса мы должны управлять им и, несмотря на его ненасытную жадность и амбиции, заставлять его содействовать общественному благу. Без этого, говорят они, мы напрасно будем хвалиться преимуществами любой конституции и в конце концов обнаружим, что у нас нет никакой безопасности для наших свобод или владений, кроме доброй воли наших правителей; то есть у нас вообще не будет никакой безопасности» (Курсив мой. — *Авт.*) (Hume, 1741, p. 84).

Говоря современным языком, мы бы сказали, что предположение Юма о плутовстве означает, что действующие лица оппортунистичны и хитры. Они всегда будут стремиться найти такой краешек, где можно обойти правила и использовать ситуацию в своих личных интересах.

> На самом деле Смит видел более широкую сферу применения нашего плутовства. Мы вынуждены иметь дело не только с теми, кто действует оппортунистически, занимая свои позиции во власти и привилегиях, но и с теми, кто достаточно высокомерен, чтобы считать себя пригодным для выполнения этой задачи. Как он выразился в книге «*Богатство народов*», «очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью. Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обреме-

нил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть» (Смит, 2007, с. 443).

В этом отрывке Смит снова предъявляет обвинение «человеку систем» из «*Теории нравственных чувств*», который «склонен быть очень мудрым в своем собственном самомнении» (Smith, 1982, p. 233). Итак, руководство Смита при разработке политэкономии либерального порядка — порядка свободы, равенства и справедливости — заключается в том, что мы должны быть всегда бдительны против коварства наших потенциальных правителей, и это коварство проявляется как в форме оппортунизма, так и в форме того, что Хайек позже назовет фатальным самодовольством высокомерия.

Хайек развил этот аргумент в своем эссе «Индивидуализм: Истинный и ложный», где он писал о непреходящем интеллектуальном вкладе Адама Смита:

«Как бы там ни было, почти не вызывает сомнений, что Смита главным образом интересовало не столько то, чего человек мог бы время от времени достигать, когда он бывает на высоте, сколько то, чтобы у него было как можно меньше возможностей наносить вред, когда он оказывается несостоятелен. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что основное достоинство индивидуализма, отстаивавшегося Смитом и его современниками, заключается в том, что это порядок, при котором дурные люди способны причинять наименьшее зло. Это социальная система, функционирование которой не требует, чтобы мы нашли добродетельных людей для управления ею или чтобы все люди стали лучше, чем они есть теперь, но которая использует людей во всем их разнообразии и сложности: иногда хорошими, иногда дурными, порой умными, но чаще глупыми. Их целью была система, предоставляющая свободу всем, а не только “добродетельным и мудрым”, как того желали их французские современники» (Хайек, 2011, с. 23).

Как отмечает Хайек, Смит искал набор институтов, который мог бы побудить обычных людей, занимающихся своей повседневной деятельностью, вносить также вклад в удовлетворение потребностей других. Его великим открытием стало то, что система частной собственности и свободы договора как раз и обеспечивает такую возможность.

Смит обрисовал главные принципы развития надежной политической и экономической системы. И для создания действительно научной, т.е. адекватной реальности, политической экономии XXI в. нам нужны

его проницательность и мудрость, которые я упоминал выше, в сочетании с его же указаниями по либеральному плану свободы, равенства и справедливости. Как я уже отмечал во введении, Смит по-прежнему говорит с нами и является частью нашего «расширенного настоящего» именно благодаря его вниманию к научным проблемам, которые все еще не нашли своего решения.

Заключение

Вероятно, самым цитируемым современным исследователем в области политэкономии является Дарон Асемоглу. Рассмотрим основные аргументы в его книгах, написанных совместно с Джеймсом Робинсоном, «Почему одни страны богатые, а другие бедные» (Acemoglu, Robinson, 2012) и «Узкий коридор» (Acemoglu, Robinson, 2020). Для них решающим фактором являются принятые в стране институты: инклюзивные и экстрактивные. Те страны, где приняты экстрактивные институты, по тем или иным причинам томятся в нищете, и для них часто характерна высокая степень насилия. С другой стороны, в тех странах, которые смогли внедрить инклюзивные институты, наблюдается экономический рост и развитие, социальные конфликты улаживаются либо с помощью неформальных культурных установлений, либо с помощью формальной системы судов и демократического участия в принятии коллективных решений.

Следует признать, что в их рассуждениях мы видим те же идеи, которые вдохновили Адама Смита, и можно утверждать, что Смит по-прежнему может внести свой вклад в современную дискуссию не только подробным обсуждением ловушки насилия и анализом эволюции системы свободы, но и более глубоким пониманием трудного и часто мучительного перехода от личного к безличному обмену. Ранее я утверждал, что не существует «проблемы Адама Смита», но есть проблема напряжения, существующего между внутренним порядком нашей семьи или небольшого сообщества и расширенным порядком рынка. Смит в самом начале «Богатства народов» сформулировал проблему: для выживания нам необходимо сотрудничество множества людей. Но за всю жизнь мы едва можем завести лишь несколько близких друзей за пределами родни. При этом мы должны странным образом налаживать сотрудничество в анонимности. Как это возможно?

Вслед за этим вопросом мы видим знаменитое высказывание Смита о мяснике, пекаре и пивоваре: мы не можем рассчитывать на их благосклонность в отношении нас и нашего обеда, но вместо этого должны воспользоваться его благосклонностью к его собственной персоне. Но будет ли это самолюбие использовано для продуктивной специализации и мирного социального сотрудничества посредством обмена, зависит, как мы видели, от институциональной среды, в которой эти люди взаимодействуют.

Если их не сдерживает уважение к личности и собственности, права собственности, договора и согласия, саморегулирующаяся сила рыночной конкуренции, свободное движение цен и дисциплина прибыли и убытков, то оппортунисты и высокомерные люди, пользуясь отсутствием этих факторов, будут препятствовать нашим усилиям по созданию или поддержанию либерального режима свободы, равенства и справедливости.

Проблема получает особое выражение при внимательном прочтении «Теории нравственных чувств», поскольку должно быть очевидно, что многие из человеческих моральных интуиций возникли в результате нашего тысячелетнего существования в небольших группах и регулировались зачастую исключительно родственными отношениями. Однако моральные требования великого общества, о которых так часто напоминал Хайек, должны заменить внутригрупповые нормы. Наша наука политэкономия должна стать отличным противоядием для «яда энтузиазма и суеверий», характерных для традиционных обществ и наших древних предков. Моральные требования современной взаимосвязанной глобальной экономики должны укротить и заменить моральные интуиции внутригрупповой идентичности. Это легче сказать, чем сделать, поскольку мы видим постоянное стремление к групповой идентичности в национализме, религиозном фундаментализме и т. д. Но если мы надеемся сохранить мир, легкие налоги и сносное отправление правосудия, что в конечном итоге обеспечило нам выход из мальтузианской ловушки и гоббсовой войны всех против всех, нам нужно найти решение этой задачи. Мой аргумент в этом эссе заключается в том, что спустя 300 лет Адам Смит все еще может быть актуальным руководством в наших поисках как лучшего понимания состояния человека, так и способа исправить сломанный мир, чтобы улучшить условия человеческой жизни.

Список литературы

Макклоски, Д. (2018). *Буржуазные добродетели. Этика для века коммерции*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Хайек, Ф. А. (2011). *Индивидуализм и экономический порядок*. М.: Социум.

Хайек, Ф. А. (2018). *Конституция свободы*. М.: Новое издательство.

Хайек, Ф. А. (2023). *Пагубная самонадеянность*. М.: АСТ.

Хайек, Ф. А. (2020). *Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. М.: Социум.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2020). *The Narrow Corridor: States, Societies, and The Fate of Liberty*. Penguin.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. 1st ed. Crown Publishers.

Boettke, P. (2018). *F. A. Hayek: Economics, Political Economy and Social Philosophy*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/978-1-137-41160-0

Boulding, K. E. (1971). After Samuelson, Who Needs Adam Smith? *History of Political Economy, 3*(2), 225–237. https://doi.org/10.1215/00182702-3-2-225

Boulding, K. E. (1948). Samuelson's Foundations: The Role of Mathematics in Economics. *Journal of Political Economy, 56*(3), 187–199. https://doi.org/10.1086/256671

Buchanan, J. M. (1999). *The Demand and Supply of Public Goods*. Liberty Fund.

Einstein, A. (2001). *Relativity*. 2nd Ed. Routledge Classics.

Hume, D. (2007). *A Treatise of Human Nature*. D. F. Norton, M. J. Norton (Eds.). 2 vols. Oxford University Press.

Hume, D. (1741). *Essays, Moral and Political*. Vol. 1. R. Fleming and A. Alison.

Newton, I. (2016). *The Principia: The Authoritative Translation and Guide: Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Univ of California Press.

Ostrom, E. (1990). *Governing The Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511807763

Robbins, L. (1978). *The Theory of Economic Policy: In English Classical Political Economy*. Springer.

Samuelson, P. (1947). *Foundations of Economic Analysis*. Harvard University Press.

Smith, A. (1978). Lectures on jurisprudence. In: R. L. Meek, D. D. Raphael, P. Stein (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 5). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281887.book.1

Smith, A. (1982). *The Theory of Moral Sentiments*. Liberty Fund.

References

Hayek, F. A. (2011). *Individualism and Economic Order*. M.: Sotsium.

Hayek, F. A. (2020). *Law, Legislation, and Liberty*. M.: Sotsium.

Hayek, F. A. (2018). *The Constitution of Liberty*. M.: Novoe izdatelstvo.

Hayek, F. A. (2023). *The Fatal Conceit*. M.: AST.

McCloskey, D. N. (2018). *The Bourgeois Virtues: Ethics For An Age of Commerce*. Gaidar Institute Publishing House.

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Н. Борох [1]
Институт Китая и современной Азии (Москва, Россия)

УДК: 330.8
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-8

УЧЕНИЕ АДАМА СМИТА В КИТАЙСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ

В статье рассматривается эволюция восприятия идей Адама Смита в Китае от второй половины XIX в. до празднования трехсотлетнего юбилея ученого в 2023 г. в контексте ключевых проблем развития страны. При династии Цин китайские реформаторы почитали Смита как мудреца, советы которого обеспечили процветание и могущество Запада. «Богатство народов» впервые перевел на китайский язык влиятельный мыслитель Янь Фу, книга вышла в 1902 г. под названием «Источники богатства». В первой половине XX в. профессиональные экономисты изучали Смита как представителя либерального течения и как предшественника учения Маркса. В 1931 г. Ван Янань и Го Дали подготовили новый перевод «Богатства народов» для создания благоприятных предпосылок распространения в Китае марксизма. Разочарование в перспективе использования в Китае либеральной модели обусловило рост интереса к протекционизму и государственному контролю над экономикой. Китайские трактовки Смита в 1950-е гг. были обусловлены нормативным статусом марксистской политэкономии и советским интеллектуальным влиянием. С началом проведения политики реформ и открытости возрождение интереса к либерализму и теории рынка переросло в стремление использовать моральное учение Смита для сглаживания негативных последствий преобразований. На современном этапе в Китае стараются извлечь уроки из суждений Смита о причинах упадка династии Цин. Интерпретация его учения связана с обсуждением концепции модернизации китайского типа и задачами построения современной системы рыночной экономики. Восприятие наследия Смита становится все более целостным и сбалансированным.

Ключевые слова: Адам Смит, Китай, либерализм, марксизм, мораль, национальная традиция, реформы, модернизация.

Цитировать статью: Борох, О. Н. (2024). Учение Адама Смита в китайском интеллектуальном ландшафте. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 104–124. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-8.

[1] Борох Ольга Николаевна — к.э.н., ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН; e-mail: borokh@hotmail.com, ORCID: 0000-0002-0109-4462.

© Борох Ольга Николаевна, 2024 CC BY-NC

O. N. Borokh
Institute of China and Contemporary Asia RAS (Moscow, Russia)
JEL: B12; B2; B31

ADAM SMITH'S TEACHING IN CHINESE INTELLECTUAL LANDSCAPE

The paper examines the evolution in the perception of Adam Smith's ideas in China since the second half of the 19th century till the celebration of the scholar's tercentenary in 2023 in the context of key problems of the country's development. Under the Qing dynasty, Chinese reformers revered Smith as a sage whose advice ensured the prosperity and power of the West. "The Wealth of Nations" was first translated by the influential thinker Yan Fu. Adam Smith's book was published in 1902 under the title "The Origins of Wealth". In the first half of the twentieth century professional economists studied Smith as a representative of the liberal strand of thought and as a predecessor of Marx's teaching. In 1931, Wang Yanan and Guo Dali prepared a new translation of "The Wealth of Nations" to create favorable preconditions for the spread of Marxism in China. Disappointment with a liberal model in China has led to an increased interest in protectionism and government control of the economy. Chinese interpretations of Smith in the 1950s were determined by the normative status of Marxist political economy and Soviet intellectual influence. With the beginning of reforms and openness, a revived interest in liberalism and market theory grew into a desire to use Smith's moral teaching to smooth out the negative consequences of reforms. At present, China is trying to learn the lessons from Smith's judgments concerning the reasons for the decline of the Qing dynasty. The interpretation of his teachings is related to the discussion of the concept of Chinese-style modernization and the tasks of building a modern system of market economy. The perception of Smith's legacy is becoming more balanced and all-embracing.

Keywords: Adam Smith, China, liberalism, Marxism, morality, national tradition, reforms, modernization.

To cite this document: Borokh, O. N. (2024). Adam Smith's teaching in Chinese intellectual landscape. *Lomonosov Economics Journal,* 59*(6)*, 104–124. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-8

Введение

Учение Адама Смита присутствует в Китае на протяжении полутора веков. За это время в социально-экономической истории страны произошло много глубоких изменений. Вслед за этими трансформациями концепции Смита получали новое прочтение, тесно связанное с пониманием актуальных проблем развития Китая.

Тезис о появлении «Адама Смита в Пекине» основан на сходстве взглядов Смита и китайских реформаторов, возлагавших на правительство миссию использования рынка как инструмента управления и развития, про-

ведения постепенных реформ, распространения образования и подчинения интересов капиталистов интересам государства (Арриги, 2009, с. 394, 397). Однако Смит пришел в Китай задолго до того, как эта страна продемонстрировала внешнему миру способность проводить успешные рыночные преобразования и с пользой для себя участвовать в глобализации.

Первое знакомство с учением Смита состоялось во второй половине XIX в. Тогда Китай стремился найти на Западе рецепт создания сильного и богатого государства. Столкновение с подавляющей мощью империалистических держав создавало стимул обнаружить ее истоки, чтобы извлечь полезный для Китая урок. В те времена концепцию Смита представляли как западное подобие традиционного китайского учения о государственном управлении. Реформаторы конца династии Цин не были знакомы с содержанием «Богатства народов», но желали быть последователями Смита.

Появление в начале XX в. китайского перевода этого труда стало эпохальным событием, от которого современные исследователи начинают отсчет истории становления экономической науки в Китае (Lin, Hu, 2001, p. 3). С 1920-х гг. споры о возможности развития Китая в рамках либеральной модели неотделимы от имени Смита. Пришедшие на интеллектуальную сцену в первой половине XX в. китайские марксисты были оппонентами экономического либерализма, но они признавали Смита как предшественника Маркса. В конце минувшего столетия на фоне разочарования общества от негативных побочных эффектов рыночных реформ Смит приобрел в Китае новый, отсутствовавший прежде облик создателя теории нравственных чувств как этического противовеса неограниченной экономической конкуренции.

В пользу уникальности роли Смита в интеллектуальной истории Китая Нового времени свидетельствует то, что во все периоды присутствие его идей было заметным и значительным. В статье высказывается предположение, что трактовки идейного наследия Смита не только сменялись, но и накладывались друг на друга, при этом в ряде случаев происходило возвращение к темам и проблемам, освоенным в предыдущие десятилетия.

Знакомство с «Богатством народов» при династии Цин (середина XIX в. — начало XX в.)

Самая ранняя информация о Смите и его учении приходила в Китай в кратком и разрозненном виде. Впервые имя знаменитого экономиста появилось на китайском языке в опубликованном в 1856 г. переводе «Истории Англии» Т. Милнера (1853). Западные христианские миссионеры старались рассказать китайской аудитории о своих странах, этот труд перевел британский миссионер Уильям Мюрхед (Zhang, 2022b, p. 1–2).

В китайском тексте присутствует имя Смита, «написавшего книгу о делах государственной политики, торговцев и торговли» (Zhang, 2022b,

p. 2). В английском оригинале речь шла о «политическом экономисте» — “the political economist” (Milner, 1853, p. 753). Очевидная проблема заключалась в том, что в середине XIX в. в китайском языке отсутствовали понятия западной экономической науки. Чтобы преодолеть этот барьер, переводчик объяснил, изучением каких проблем занимался Смит.

В китайских материалах первое упоминание о Смите появилось в записях о состоявшейся в феврале 1877 г. в Великобритании беседе с японским государственным деятелем Иноуэ Каору. Китайский посланник Го Сунтао зафиксировал информацию о том, что англичане А. Смит и Дж. С. Милль рассказали об «управлении государством» и «путях обогащения страны». Дипломат сожалел, что китайцы находятся на очень большом расстоянии от Англии и не слышали про них, «от этого испытываешь стыд». Китайский посол в Великобритании Лю Сихун отметил, что для изучения системы английских налогов нужно ознакомиться с книгой «Вэйлоши эфу нэшуньши», пояснив, что эти иностранные слова означают «богатство» и «государство». Книгу написал Айдэн Сымеши, переводить ее содержание трудно, для чтения требуется знание английского языка (Zhang, 2022b, p. 2).

Фонетическое транскрибирование “Wealth of Nations” стало радикальным решением, позволившим сохранить возможность установить оригинальное название книги. В течение десятилетий китайские переводы названия главного труда Адама Смита были многообразными и несходными между собой. Прецедент получения сведений об экономической мысли Запада от японского политика стал предвестием появления модели усвоения Китаем современных экономических знаний через посредничество японских профессоров и написанных ими учебников, просуществовавшей до 1920-х гг.

В 1880-е гг. информация об учении Адама Смита появилась на китайском языке в переводах западных работ по экономической науке, подготовленных иностранными миссионерами.

В 1880 г. на китайском языке вышла книга «Политика обогащения государства», основанная на учебнике политической экономии Г. Фосетта. В ней название «Богатство народов» было переведено как «Теория использования богатства государством». Публикация сообщала, что Смит разработал учение о разделении труда, обусловленное тремя причинами — мастерством рабочего, экономией времени, применением машин. Также было сказано о теории заработной платы, состоявшей из пяти условий — тяжелый или нетяжелый труд, легкое или сложное обучение, постоянное или непостоянное занятие, большая или маленькая ответственность, возможный или невозможный успех. Помимо этого, были перечислены четыре принципа налогообложения — равномерности, определенности, удобства, экономности. Это была первая содержательная характеристика учения Смита на китайском языке (Zhang, 2022b, p. 2).

В 1885 г. под названием «Простые слова о помощи в управлении» вышел миссионерский перевод учебника «Политическая экономия для использования в школах и для частного обучения», изданного У. и Р. Чэмберсами в 1852 г. В этом тексте название книги Смита переведено как «Использование богатства десятью тысячами государств». Изложение экономических идей Смита сводилось к тому, что созданное богатство следует накапливать и не растрачивать, тогда его будет достаточно для пропитания, и семья сможет достичь «малого благосостояния» (*сяокан чжи цзя*). Это относится не только к семье, но и к государству, поэтому принцип порождения богатства для всех стран состоит в том, чтобы «в зависимости от обстановки заниматься экономией» (Zhang, 2022b, p. 2).

В 1886 г. появился миссионерский перевод учебника политической экономии У. С. Джевонса, озаглавленный «Политика обогащения государства и вскармливания народа». В этой книге название главного труда Смита было переведено как «Поиск источников обогащения государства». В работе подробно рассказано о теории разделения труда, определяющих заработную плату пяти обстоятельствах и принципах налогообложения Смита. Помимо этого, упоминание о Смите содержалось в «Очерке новой истории Запада» — изданном в 1894 г. миссионерском переводе книги Р. Маккензи «XIX век: история» (1880).

Миссионеры XIX в. рассказывали китайцам про все отрасли знаний Запада, не будучи специалистами ни в одной из них. Адаптированная трактовка политической экономии как «политики обогащения государства» была близка китайской традиции, но плохо соответствовала требованиям переноса в Китай строгой экономической науки.

К концу XIX в. у китайских реформаторов сложился свой подход к трактовке учения Адама Смита. В 1896 г. Чэнь Чжи (Чэнь Цылян) упомянул «некоего мудреца», который обосновал политику торговли с другими странами и тем самым открыл путь к индустриальному развитию и могуществу Великобритании (Chen, 1907, p. 4). В Китай пришло понимание того, что без развития внешней торговли доходы государства останутся скудными. Однако уже состоявшееся к тому времени открытие Китая для торговли с иностранными державами с помощью неравноправных договоров закрепило его подчиненный статус. После поражения в опиумных войнах ослабевшая империя Цин не имела возможности использовать либеральный подход во внешней торговле для быстрого восстановления своего могущества.

До начала XX в. о книге Смита в Китае рассуждали на основании косвенных обрывочных сведений. Впервые «Богатство народов» перевел влиятельный реформатор и мыслитель Янь Фу. Он не был экономистом, однако имел опыт работы в Великобритании, ориентировался в течениях западной общественной мысли и понимал потребности модернизации Китая.

Труд Смита вышел в 1902 г. под названием «Источники богатства». Янь Фу пояснил, что соприкосновение с огромным богатством Запада

стало потрясением для стран Востока, которые не могли понять источник его происхождения. «Только увидев собственными глазами многообразие приемов ведения хозяйства и производства на Западе, они стали понимать, что вся заслуга принадлежит книге Адама Смита, что является общепризнанной истиной среди образованных людей Запада» (Янь Фу, 1961, с. 199).

Восхваление вклада Смита в процветание Запада наследовало линию изучения иностранной экономической науки как рецепта будущего процветания Китая. Заметной особенностью книги стал перевод на классический литературный язык, благодаря которому Адам Смит заговорил словами китайского мудреца. Янь Фу придал тексту высшую степень стилистического изящества, однако в момент смены исторических эпох этот прием оказался запоздалым. Он переводил «Богатство народов» для китайцев, которые «читают много древних книг» (Yan, 1969, p. 259), однако старой элите императорского Китая в скором времени предстояло покинуть сцену. Янь Фу подчеркивал, что его книга не рассчитана на «учеников» (Yan, 1969, p. 259), хотя в то время самой восприимчивой к новым идеям аудиторией была молодежь, к которой нужно было обращаться на понятном упрощенном языке.

Исследователи отмечают, что очевидные различия между китайским изданием и оригиналом невозможно объяснить недостатками познаний Янь Фу в английском языке (Luo, 2016a, p. 512). На деле «Источники богатства» стали самостоятельным произведением, соединившим перевод фрагментов книги Смита с собственными размышлениями китайского просветителя. Критерием Янь Фу было «личное суждение об основных требованиях социальной и политической реформы в конце правления династии Цин» (Luo, 2016a, p. 512).

Янь Фу указал китайской аудитории на отсутствие противоречия между идеей собственного интереса в учении Смита и требованиями морали, занимавшими важное место в культурной традиции Китая. «Подсчет прибылей и убытков» не нацелен на подрыв «Небесных принципов» потому, что экономическая наука вообще не занимается вопросами добродетели и справедливости (Yan, 1981, p. 12). Янь Фу уподобил адресованные экономистам упреки в забвении о морали порицанию трактатов о военной стратегии за проповедь насилия или осуждению книг по приемам иглоукалывания и прижигания в китайской медицине за оправдание телесных повреждений (Yan, 1981, p. 12). Это был важный шаг в направлении определения границ экономической науки и вычленения экономической проблематики из широкого комплекса традиционных китайских знаний об «управлении обществом и вспомоществовании народу».

Утрата в переводе знаменитой метафоры «невидимой руки» (Смит, 2007, с. 443) скорее всего не случайна. В китайской традиции отсутствовало учение о Творце, поэтому было крайне трудно объяснить, чья рука

направляет деятельность индивида к общественному благу. Янь Фу удалось доходчиво рассказать о том, что заявления людей о стремлении к общей выгоде в интересах государства неестественны и не способствуют накоплению богатства. Лишь неустанное стремление людей к частной выгоде и наращиванию прибыли приносит государству реальную выгоду (Yan, 1981, p. 371–372). Подобные аргументы способствовали продвижению новых для китайской культуры идей собственного интереса и либерального невмешательства.

О глубине влияния мировоззрения Янь Фу на перевод свидетельствует его полемика с трудовой теорией ценности Смита, которую он прямо назвал ошибочной. Китайский интеллектуал заявил, что ценность вещи определяет соотношение спроса и предложения, а не количество затраченного труда. В подтверждение он привел несколько примеров: земля в глухомани стоит дешево и продать ее трудно, тогда как в городе многие готовы купить участок за большие деньги; выросшие на солнце фрукты продают за хорошую цену, тогда как плоды, ставшие в тени маленькими и кислыми, отбрасывают в сторону (Yan, 1981, p. 24–25). Хотя оба примера не связаны с мануфактурным производством, которое изучал Смит, в первой половине XX в. субъективная теория ценности обрела в Китае большую популярность и не раз становилась аргументом в споре с марксистской теорией.

После публикации перевода Янь Фу китайский просветитель Лян Цичао отметил, что учение Смита оказало глубокое влияние на общественные отношения и политику государств: «Я потрясен способной влиять на мир силой знания, она настолько огромна. Я потрясен тем, что страны Европы и Америка доминируют в мире в течение последних двухсот лет, обладают богатством и властью» (Liang, 1999b, p. 997). Потребность в обретении Китаем силы и богатства породила восторженные оценки западной экономической науки и завышенные ожидания от постижения ее основ. В начале XX в. возникло понимание, что учение Смита было «хорошим лекарством» для Европы своего времени, которое не сможет излечить современный Китай (Liang, 1999b, p. 1000). Лян Цичао отметил, что сильные державы следовали империалистической политике, их частные предприятия прикрывал «щит государства» (Liang, 1999b, p. 1000). Осознание невозможности добиться успеха с помощью экономического либерализма сформировало ключевые акценты в китайской трактовке учения Смита на несколько десятилетий вперед.

Учение Адама Смита в республиканском Китае (1911–1949)

В годы Первой мировой войны Китай обрел шанс на осуществление давней мечты об укреплении национальной экономики за счет участия в международной торговле. Вовлеченные в схватку иностранные державы

ослабили давление на Китай, зарубежные конкуренты покинули китайский рынок, китайские производители получили экспортные заказы. Казалось, что следование учению Смита способно внести позитивный вклад в развитие Китая.

Однако после завершения войны китайская экономика утратила эти временные преимущества и вошла в период кризиса. Разочарование в экономическом либерализме стало еще более глубоким. В 1918 г. лидер китайской революции Сунь Ятсен отметил, что после выхода в свет «Богатства народов» ситуация изменилась: произошел промышленный переворот, промышленники обрели огромную финансовую мощь и возможность держать в своих руках судьбу всего мира. «И теперь тот, кто по-прежнему соблюдает заповедь о свободной конкуренции, подобен хромому, решившему соревноваться в беге с автомобилем, — исход такого соревнования не сулит ему радости. Вот почему Бисмарк ввел в Германии государственный социализм, а другие страны одна за другой последовали его примеру» (Сунь Ятсен, 1985, с. 171).

В конце 1910-х — начале 1920-х гг. Сунь Ятсен неустанно критиковал экономический либерализм наряду с марксизмом. Он доказывал, что оба учения не соответствуют нуждам развития Китая. Этот подход оказал большое влияние на идеологию партии Гоминьдан, правившей страной до конца 1940-х гг., и стал одним из факторов, сформировавших отношение к идеям Смита в республиканский период.

Вплоть до образования КНР в 1949 г. экономисты продолжали искать связь учения Смита с богатством и могуществом государства. Эту тему развивал Чжао Найтуань в работе об истоках взглядов Смита (Zhao, 1936). В середине 1920-е гг. появились труды, в которых учение Смита исследовалось в контексте его эпохи. Книга Лю Бинлиня «Адам Смит» подробно рассматривала исторический фон формирования теории Смита, влияние на него различных течений философской и экономической мысли, подробно излагалось содержание «Богатства народов» и его оценки (Liu, 1926). Автор старался пояснить, что экономические учения до Смита не были только лишь подготовкой к его теории, равно как и последующие концепции не обязательно следовали в указанном Смитом направлении (Liu, 1926, p. 55).

В 1920-е гг. сердцевиной китайского экономического сообщества стали исследователи, получившие профессиональное образование в США. Они симпатизировали либеральным идеям, считали Смита основоположником экономического «индивидуализма» и хорошо знали об исторической роли Смита в становлении современной экономической науки. Одновременно с ростом влияния на китайское общество коммунистического движения начала обретать популярность трактовка Смита как предшественника К. Маркса. Обе линии рассуждения были продолжены в 1930-е гг., ставшие периодом расцвета экономического знания

в республиканском Китае. Сторонник либерализма Тан Цинцзэн утверждал, что лишь с появлением Смита возникла экономическая наука (Tang, 1930, p. 6). Марксисты обратились к углубленному постижению английской классической политэкономии ради выявления и демонстрации интеллектуальных истоков своего учения.

В 1931 г. Ван Янань и Го Дали подготовили новый перевод «Богатства народов» для создания благоприятных предпосылок распространения в Китае марксизма (Guo, Wang, 1931). Они исходили из того, что без понимания Смита невозможно понять Маркса. Устаревший, сложный и неполный текст «Источников богатства» в изложении Янь Фу не подходил для этой задачи. К тому времени уже был сформирован фундамент экономической терминологии китайского языка, что позволяло осуществить концептуальную стыковку классической политэкономии с марксистскими трудами. Ван Янань и Го Дали за несколько лет перевели также труды Д. Рикардо, Т. Р. Мальтуса и Дж. С. Милля, после чего в 1935 г. приступили к переводу «Капитала» Маркса.

Перевод книги Смита на современный научный язык выполнили в первой половине XX в. китайские марксисты, а не представители прозападного течения, господствовавшего в академических кругах Китая. Марксисты взяли в свои руки право интерпретации учения Смита и трактовки его двойной исторической роли основоположника экономической науки и предшественника Маркса. Тезис о связи идей двух мыслителей привлек внимание китайских интеллектуальных кругов за пределами коммунистического движения. Еще в 1922 г. экономист Ма Иньчу в лекции сказал о том, что учение Маркса основано на предшественнике — мудреце Смите (Ма, 1924, p. 221). Сторонники прозападного течения использовали эту связку для того, чтобы подчеркнуть вторичность учения Маркса, указать на неправильность трактовки марксизма как полностью нового учения.

В центре внимания китайских марксистов находилась трудовая теория ценности Смита, они также обращали внимание на сопоставление подходов Маркса и Смита к пониманию капитала, теории и политики, стимулирования экономики. В республиканский период интеллектуальные круги рассматривали иностранные экономические учения как потенциальный ресурс для собственных разработок. «На начальном этапе распространения и ознакомления с английской классической политэкономией марксистская экономическая наука еще не стала мейнстримом, который повсеместно исповедовали китайские интеллектуалы, в основном они анализировали отношения между двумя теориями с точки зрения построения китайской экономической науки и академических исследований» (Zhang, 2022a, p. 121).

Усилия по конструированию образа «английского книжника» с большими познаниями и личным благородством были в значительной мере

обусловлены воспринятым из китайской традиции акцентом на единстве мудрости и морального поведения человека. Китайские авторы подчеркивали, что Смиту был присущ дух упорного исследования, он потратил много времени и сил на совершенствование рукописи «Богатства народов», прочитал сотни книг. Лян Цичао хвалил Смита за целеустремленность (Liang, 1999a, p. 704). Янь Фу указывал, что Адам Смит обладал сыновней почтительностью (Yan, 1981, p. 3). Он также не стремился к богатству, был ответственным перед своими учениками (Zhao, 1936; Pu, 1923). Адама Смита сделали образцом не только для экономистов, но и для всех ученых, его описание похоже на образ «святого человека» (Zhang, 2022a, p. 123). Хотя в китайской традиции отсутствие семьи и потомства воспринималось негативно, применительно к Смиту это обстоятельство не считалось фактором, компрометирующим его моральные достоинства.

В 1923 г. китайские интеллектуальные круги активно откликнулись на двухсотлетие Смита (см.: Борох, 2017). Специальный выпуск журнала «Сюэи» («Наука и искусство») издали в Японии китайские студенты. Их левые настроения отразились во внимании к «некапиталистическому учению» Смита и его связи с теорией Маркса. Фактически это был сборник ученических работ высокого научного уровня молодого поколения исследователей. На страницах «Сюэи» появилось примечательное сравнение экономических идей Адама Смита и древних конфуцианцев. Са Мэнъу заявил, что Смит призывал дать волю человеческим желаниям и проповедовал экономическую политику невмешательства, тогда как конфуцианцы выступали за ограничение человеческих желаний и принцип вмешательства. В итоге это различие привело Запад к процветанию, а китайскую экономику – к упадку (Sa, 1923).

Влиятельный китайский общественно-политический журнал «Дунфан цзачжи» («Восточный журнал») подготовил к юбилею Смита тематическую секцию. Вошедшие в нее статьи носили обзорный характер и были нацелены на определение места Смита в контексте истории экономической мысли Запада. Популярный автор Ли Цюаньши, написавший в республиканский период большое количество работ по экономической тематике, подверг учение Адама Смита критике за недостатки в понимании теории ценности, остаточное влияние идей физиократов, сокращение сферы производительного труда до физического и упрощенное понимание теории фирмы (Li, 1923). В 1926 г. «Дунфан цзачжи» откликнулся на 150-летие «Богатства народов» и опубликовал статью находившегося в то время в Англии Ху Шаньхэна (Hu, 1926). Автор признался, что не был знаком с переводом Янь Фу и, как многие экономисты республиканского Китая, основывался на оригинальном тексте Смита. Особое внимание было уделено представлениям Смита о Китае, впоследствии это направление исследований получило дальнейшее развитие.

На фоне споров о связи учений Смита и Маркса снижение доверия к либеральной модели развития стимулировало интерес к вопросам государственного контроля над экономикой и протекционистской защиты внутреннего рынка. Рост популярности идей немецкой исторической школы породил дебаты о необходимости сделать выбор между Смитом и Ф. Листом (Zhang, Liu, 2021).

Сведения об отличии учения о свободной торговле Смита от протекционизма Листа пришли в Китай из Японии в первое десятилетие XX в. В 1920-е гг. эта дилемма обрела теоретическую и практическую актуальность. Настроения интеллектуальных кругов склонялись к поддержке мер протекционистской защиты растущей национальной экономики. В известной лекции 1922 г. Ма Иньчу рассуждал о том, какое учение — Маркса или Листа — в наибольшей степени подходит для Китая (Ма, 1924). В зрелой обобщающей работе «Преобразование экономики Китая» Ма Иньчу при сравнении Смита и Листа отдавал предпочтение Листу (Ма, 1935, p. 694–695).

Перевод книги Листа на китайский язык под названием «Государственная экономическая наука» появился только в 1927 г., пик дискуссии о Смите и Листе пришелся на 1920–1930-е гг. Представители провластного течения в китайской экономической науке указывали на недостаточное внимание учения Смита к государству и его роли в экономическом развитии. Китайским авторам импонировала высказанная Листом критика в адрес Смита за трактовку физического труда как единственной производительной силы, обернувшуюся принижением вклада чиновников, учителей, деятелей культуры (Zhang, Liu, 2021, p. 30).

Вместе с тем китайские исследователи республиканской эпохи старались найти точки соприкосновения учений Смита и Листа. Опираясь на суждения Смита о защите судоходства, Ли Цюаньши полагал, что оба экономиста считали протекционизм важным инструментом укрепления обороны, оба уделяли внимание мировому рынку (Li, 1929, p. 59). Ма Иньчу в 1934 г. отмечал, что Лист выступал за протекционизм, но не отрицал частных предприятий. Оба экономиста стремились к увеличению общего объема богатства, считали конечной целью свободу торговли, поэтому Смит и Лист «шли разными путями в одном направлении» (Ма, 1999, p. 274–275).

Большинство участников дискуссии предпочитали протекционизм Листа внешнеторговому либерализму Смита. Даже Тан Цинцзэн, один из немногих последователей свободной экономики в китайских научных кругах той эпохи, считал этатизм подходящим для Китая. К середине 1930-х гг. пространства для выбора между Смитом и Листом практически не осталось. Осознание неминуемого приближения полномасштабного военного конфликта с Японией убеждало политиков и интеллектуалов в необходимости использования командных методов управления экономикой. Тре-

бовалось сделать выбор между государственной плановой экономикой советского типа, которую считали идеалом китайские марксисты, или смягченным вариантом «контролируемой экономики», в которой остается место для частного предпринимательства.

За год до начала полномасштабной Войны сопротивления Японии вышел номер историко-экономического журнала «Шихо» («Продовольствие и товары»), приуроченный к 160-летию публикации «Богатства народов». Главный редактор издания Тао Сишэн утверждал, что «новый меркантилизм» уже одержал победу над либерализмом, в период схватки между социализмом и монополистическим капитализмом эпоха Адама Смита ушла в прошлое (Тао, 1936). Упадок либерализма представлялся несомненным, поэтому Тао Сишэн рекомендовал обратить внимание на иные заслуги Адама Смита, прежде всего на его роль основоположника экономической историографии.

Идеи Смита в КНР (середина XX в. — начало XXI в.)

Во второй половине 1940-х гг. после завершения Второй мировой войны китайские экономические круги начали строить планы модернизации и развития, рассчитывая на привлечение иностранного капитала и расширение выхода на мировые рынки. Либеральные взгляды вновь стали популярны, учение Смита обрело актуальность. Однако в условиях гражданской войны практическая ценность этих планов оказалась невысокой.

С образованием КНР в 1949 г. идеи Смита были включены в систему преподавания и исследования марксистской политической экономии. В 1950-е гг. многие трактовки классической английской политэкономии были заимствованы из советской литературы, в частности, большое влияние в Китае приобрел переведенный учебник Д. И. Розенберга «История политической экономии». Источником оценки Смита служили суждения Маркса и советские работы, сформировавшие двойственную трактовку роли ученого как создателя прогрессивной для своего времени буржуазной классической политэкономии, открывшей путь к зарождению марксизма, и одновременно как родоначальника либеральной «вульгарной» буржуазной экономической науки.

Потребность в создании собственных пособий возросла на рубеже 1950–1960-х гг. на фоне ухудшения отношений с СССР. В 1965 г. появилась выдержавшая много переизданий «История экономических учений» Лу Ючжана и Ли Цзунчжэна, содержавшая рассказ об идеях Смита (Lu, Li, 1965). Публикация китайских учебников могла означать смену акцентов, но не базовый пересмотр трактовки учения Смита. В 1965 г. в предисловии к исправленному изданию «Богатства народов» Ван Янань указывал, что на фоне упадка капитализма и продвижения социалистической революции

этот труд «давно утратил практический смысл и имеет значение только для истории политической экономии» (Wang, 1981, p. viii). Необходимость изучения идейных истоков марксизма не вызывала сомнений даже в самые сложные периоды истории КНР: одно из переизданий «Богатства народов» появилось в 1972 г. в разгар «культурной революции».

С началом реформ свое слово в интерпретации наследия классической политэкономии смогли сказать авторитетные ученые старшего поколения. Обладатель докторской степени Гарвардского университета Чэнь Дайсунь, читавший в Пекинском университете курс истории экономических учений, опубликовал в 1981 г. новаторскую работу «От классической экономической науки до Маркса», в которой обобщил особенности теории Смита и его вклад в развитие науки (Chen, 1981).

Внутри периода реформ трактовки взглядов Смита изменялись вслед за появлением новых вызовов. Ло Вэйдун отделил этап увлечения идеями либеральной экономики в 1978–1995 гг. от последующего поворота к моральному учению Смита (Luo, 2016b, p. 546–551).

Повторное «открытие» либерализма Смита было обусловлено запросом на поиск теоретических обоснований экономической реформы. «Богатство народов» было востребовано в Китае в качестве изложения фундаментальных устоев свободной рыночной экономики. Китайские исследователи стремились заново осмыслить концепцию «невидимой руки» рынка, выявить ее связь с положениями современной экономической теории. На фоне сокращения в 1990-е гг. курсов марксистской политэкономии в китайских университетах значимость Смита как предшественника Маркса начала снижаться, на первое место вышла связь его учения с неоклассической теорией. Китайские экономисты обратились к обсуждению проблемы «экономического человека» и человеческой природы у Смита. В 1998 г. экономист Фань Ган написал в популярном журнале «Ду шу» вызвавшую резонанс статью о том, что «экономическая наука не говорит о морали» и ее следует очистить от ценностных суждений (Fan, 1998).

Возрождение интереса к либеральным идеям Смита в 1980-е гг. можно сопоставить с настроем китайских просветителей на рубеже XIX и XX вв. Основная разница заключалась в том, что переходная экономика КНР требовала обоснования не столько для внешнего либерализма, связанного с привлечением инвестиций и участием в мировой торговле, сколько для оправдания поддержки частного предпринимательства внутри страны.

Накопление социальных издержек реформ и появление заметного числа проигравших от преобразований членов общества стало предпосылкой для обращения в середине 1990-х гг. к «Теории нравственных чувств». Это был новый поворот в интерпретации учения Смита. Тема связи между моралью и рыночной экономикой волновала китайское об-

щество. «Неморальное» поведение устремившихся к прибыли частных предпринимателей вызывало недовольство и даже осуждение. На этом фоне в 1997 г. появился первый перевод на китайский язык «Теории нравственных чувств». Началось активное обсуждение взаимосвязи рыночного учения «Богатства народов» и этических принципов «Теории нравственных чувств», две книги рассматривали вместе в качестве единого комплекса. Интерес к моральным воззрениям Смита вышел за рамки осмысления издержек преобразований, были предприняты попытки сопоставить соответствующие аспекты учения Смита с китайским традиционным наследием.

К взаимосвязи экономики и морали обратился Вэнь Цзябао, занимавший в 2003–2013 гг. пост премьера Госсовета КНР, что способствовало дальнейшему росту внимания к «Теории нравственных чувств» (Coase, Wang, 2012, p. 184–187). Выступая с лекцией в Кембриджском университете в феврале 2009 г., он указал на важность фактора морали в преодолении последствий мирового кризиса 2008 г. «Подлинная экономическая теория решительно не может войти в конфликт с высочайшими этическими и моральными стандартами. Экономическое учение должно выражать справедливость и доверие, равноправным образом способствовать продвижению вперед всех людей, включая заботу о счастье самых слабых групп» (Wen, 2009). Сославшись на «Теорию нравственных чувств», Вэнь Цзябао заявил, что одной из причин мирового финансового кризиса стала утрата морали, приведшая предпринимателей к забвению об ответственности перед обществом

Усилия Вэнь Цзябао по пропаганде «Теории нравственных чувств» еще больше стимулировали интерес к тому, каким образом Смит объединил моральность действий человека с политической экономией собственного интереса. Постижение этого вопроса способствовало пониманию вызовов, с которыми столкнулся Китай в ходе попытки осуществить синтез своих традиций общественной гармонии с появлением динамичной рыночной экономики (Hanley, 2014, p. 371).

В период реформ появилось большое количество новых переводов «Богатства народов». Движущей силой стало стремление создать текст, соответствующий современному экономическому языку. Перевод 1930-х гг. Ван Янаня и Го Дали уже не в полной мере отвечал этому критерию. Заметным событием стало появление в 2001 г. перевода Ян Цзинняня, подчеркивавшего значение книги в условиях построения социалистической рыночной экономики (Yang, 2001). Китайские исследователи отмечают, что за двадцать лет с 2000 г. по 2020 г. появилось 37 вариантов перевода «Богатства народов» (Liao, 2022, p. 29). Можно предположить, что это явление обусловлено скорее рыночной конкуренцией за внимание читателя, нежели чем реально существующей академической потребностью в новом исправленном тексте книги.

Современный взгляд на наследие Адама Смита

В развитии Китая с 2010-х гг. появилось немало новых аспектов, которые отсутствовали или не были столь заметны на предыдущих этапах преобразований. Период относительного упадка статуса марксизма, включая марксистскую политэкономию, остался в прошлом. На первый план вышли задачи адаптации марксизма не только к китайской реальности, но и к китайской культурной традиции. После проведенной в начале нашего столетия кампании критики неолиберализма и четкого закрепления принципа верховенства власти КПК либерализм утратил значение для разработки стратегии реформ.

Китай сохраняет заинтересованность в участии в глобализации, но при этом уделяет все большее внимание развитию внутреннего рынка, повышению уровня научно-технологического суверенитета. В современных китайских интерпретациях Смита возрастает актуальность проблем модернизации, в том числе через призму данных Смитом оценок уровня экономического развития Китая эпохи династии Цин. Провозглашенный руководством КПК курс на создание философии и общественных наук с китайской спецификой создает предпосылки для перехода от универсалистской трактовки идей ученого в контексте либерализма или марксизма к их конкретному анализу с опорой на прошлое и настоящее Китая.

В марте 2023 г. в Пекинском университете прошла конференция, посвященная 300-летию Адама Смита. Неизменной осталась трактовка Смита как основоположника мировой экономической науки, сумевшего отделить экономическую мысль от философии и политики.

К заслугам Смита относят создание теоретической системы экономического либерализма и концепции добродетели, соединивших разумный эгоизм с благородным альтруизмом. Предполагается, что возникшее в эпоху расцвета британской промышленности в XVIII в. учение может внести вклад в построение социализма с китайской спецификой и осуществление усилий КПК по созданию новой формы человеческой цивилизации. Сохраняет актуальность для Китая обоснованная Смитом способность рыночной экономики координировать общественные и частные интересы. Совершенствование социально-экономической системы Китая зависит от эффективности механизма согласования государственных и частных интересов: власти доверили рынку решающую роль в распределении ресурсов при одновременном усилении контрольных функций государства. Морально-этическая теория Смита обладает значимостью для концепции «сердцевинных социалистических ценностей», которую пропагандирует КПК. Хотя идеи Смита пришли в Китай более столетия назад, предполагается, что лишь в период реформ и открытости их поняли и реализовали в соответствии с национальной спецификой. Теперь они вдохновляют Китай на продолжение реформирования социалистической рыночной

экономической системы в духе единства целей экономического развития и воспитания моральных качеств (Yan, 2023).

Концепция «модернизации китайского типа», вошедшая в официальный политический лексикон в 2021 г. на фоне празднования столетия создания КПК, стала новой отправной точкой обсуждения наследия Смита, неразрывно связанного с историей промышленной модернизации Великобритании. Размышления ученого о политическом просвещении, строгости закона, социальной инклюзивности и экономической свободе указывают на характеристики модернизации, которые присущи всем странам. Содержащиеся в «Богатстве народов» идеи разделения труда и рыночных сделок, трудолюбия и накопления капитала, эффективного рынка и компетентного правительства соответствуют усилиям современного Китая по продвижению высококачественного развития и построению социалистической рыночной экономической системы высокого уровня. Поскольку китайская трактовка модернизации включает не только экономику, но также политику, идеи, культуру и институты, целостное восприятие морального учения и рыночной теории Смита способно предоставить Китаю поучительный материал для дальнейшего движения по пути модернизации (Hu, 2023).

Трактовки проблем экономики Китая в «Богатстве народов» привлекли внимание исследователей сто лет назад и до сих пор остаются предметом обсуждения. Сохраняет актуальность поставленный в книге вопрос об ограничивающей роли институтов и возможности увеличения национального богатства в результате их реформирования. Рассуждения Смита о презрении императорского Китая к внешней торговле заставляют современных авторов вновь и вновь размышлять о шансах на развитие, упущенных вследствие ошибочной политики государства (Li, 2023).

Адам Смит написал «Богатство народов» в период расцвета и могущества Китая в годы правления императоров Канси и Цяньлуна. Ему удалось уловить приближение экономического упадка династии Цин, что подталкивает китайских исследователей к поиску исторических аналогий. Они задаются вопросом, есть ли сходство между современным Китаем и богатой, но вместе с тем застойной империей Цин. Выявленные Смитом ограничители — закрытость, недооценка внешней торговли, жесткость институтов, централизация власти, подавление инициативы — китайские авторы воспринимают как урок и поучение для сегодняшнего дня. Смиту воздают должное за то, что он поставил вопрос о причинах отставания Китая от других стран мира раньше, чем о нем задумались сами китайцы. Конкретные суждения «Богатства народов» о «застывшей» экономике Китая в ряде случаев не соответствуют исторической реальности — население тогда увеличивалось, запрет на внешнюю торговлю не был тотальным, в регионах к югу от реки Янцзы развивалась промышленность. Хотя не все использованные материалы были достоверными, Смит ясно уви-

дел значение обширного внутреннего рынка и богатых ресурсов Китая. Внимание ученого к использованию внутренних ресурсов при освоении внешних рынков сопоставляют с провозглашенной в современном Китае стратегией «двойной циркуляции», в рамках которой внутренний и внешний экономический цикл способствуют друг другу (Zhou et al., 2023).

Китайские исследователи полагают, что осмысление Смитом экономических проблем империи Цин нашло отражение в теоретических положениях «Богатства народов». На примере Китая ученый выявил стимулирующее воздействие обширного внутреннего рынка и удобного транспорта на развитие внутренней торговли и разделение труда. Отдельные аспекты земельной политики Китая повлияли на трудовую теорию ценности Смита. Одностороннее внимание властителей Цин к сельскому хозяйству при подавлении торговли привело Китай к замкнутости и упадку, и это еще больше укрепило убежденность Смита в благотворности свободной экономики и пользе внешней торговли. Урок для современного Китая также очевиден – ради создания долгосрочных благоприятных условий экономического развития стране необходимо сохранять курс на открытость внешнему миру (Ma, Huang, 2022).

Историческая длительность и смысловая глубина воздействия идей Смита на формирование китайской экономической науки позволили современным авторам поставить вопрос о трактовке его наследия через призму «строительства трех систем». Эта формулировка отсылает к поставленной в 2016 г. задаче конструирования системы дискурса, научной системы и системы дисциплин общественных наук с китайской спецификой.

Предполагается, что освоение «Богатства народов» с конца XIX в. побуждало китайских интеллектуалов двигаться в данном направлении. Для перевода книги Смита и распространения его идей потребовалось упорядочить и стандартизировать китайскую экономическую терминологию, это был первый шаг к созданию дискурсивной системы китайской экономической науки Нового времени. В 1920-е гг. началось активное обсуждение связи учения Смита с проблемами развития экономики Китая. Опыт самостоятельного анализа поставленных Смитом вопросов способствовал формированию первоначального облика китайской системы экономической науки. Распространение в Китае «Богатства народов» внесло вклад в становление новых экономических научных дисциплин с национальной спецификой, включая историю китайской экономической мысли и политэкономию китаизированного марксизма (Miao, 2022).

Выводы

За полтора столетия присутствия в китайском интеллектуальном ландшафте Смиту выпадали разные роли. Он пришел в Китай как наставник в деле создания процветающей империи, защитник свободы торговли и ос-

новоположник экономического либерализма. Во второй половине XX в. он выступал как предшественник Маркса и моральный философ. На протяжении истории эти акценты сменяли и нередко повторяли друг друга.

В середине 2010-х гг. ученые полагали, что изучение наследия Смита в Китае ждет «увядание идеологического окраса и подъем академических исследований» (Luo, 2016a, p. 522). Этот прогноз не оправдался на фоне заметного роста идеологизации общественных наук, включая экономическую науку.

В современном Китае Смит не забыт. Он по-прежнему востребован по старым, уже известным направлениям. Марксизм сохранил руководящий статус в идеологии КПК, обеспечивая внимание к заслугам Смита в создании трудовой теории ценности. Нацеленность на разработку современной теории социалистической рыночной экономики делает уместным обращение к его учению о свободном рынке. Моральная концепция Смита становится источником вдохновения в процессе адаптации «сердцевинных социалистических ценностей» к реалиям рыночного хозяйства. Официальный лозунг осуществления «китайской мечты о великом возрождении нации» содержит очевидную отсылку к стремлению реформаторов конца XIX в. сделать Китай сильным и богатым, породившему раннюю волну энтузиазма в изучении «Богатства народов».

К этому многообразию добавляются новые интерпретации наследия Смита, связанные с проблемами китайской модернизации и построения национальной системы экономической науки. Рост скептического отношения китайских интеллектуалов к применимости современных западных экономических идей не снижает интерес к классическому учению Смита. «Богатство народов» остается эталоном и стартовой точкой мировой экономической науки. К этой книге обращаются не только для изучения истории экономических учений, но и в поиске предпосылок создания китайской экономической науки.

Восприятие наследия Смита становится все более целостным и сбалансированным. В современном Китае возобладала тенденция синтеза марксизма с рыночной теорией и традиционной культурой. Смит обрел возможность присутствовать на китайской интеллектуальной сцене одновременно во многих ипостасях, трактовка его научного облика постепенно преодолевает прежнюю фрагментацию.

Список литературы

Арриги, Дж. (2009). *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век*. М.: Институт общественного проектирования.

Борох, О. Н. (2017). Обсуждение наследия Адама Смита в Китае в 1920-е годы в контексте освоения западной экономической мысли. *Вестник СПбГУ. Экономика, 33*(4), 566–592. https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.403

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Пер. с англ.; предисл. В. С. Афанасьева. М.: Эксмо.

Сунь Ятсен (1985). Программа строительства государства (1917–1919 гг.). *Сунь Ятсен. Избранные произведения*. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 145–284.

Янь Фу (1961). Источники силы. *Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898)*. М.: Издательство Академии наук СССР, 170–206.

Chen, Ciliang (1907). *Xu Fuguoce* [The sequel of *The Policy to Enrich the Nation*]. N.p.

Chen, Daisun (1981). *Cong gudian xuepai dao Makesi: Ruogan zhuyao xueshuo fazhan lunlüe* [From the classical school of economics to Marx: A brief discussion on the development of several major theories]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.

Coase, R., & Wang, Ning (2012). *How China Became Capitalist*. London: Palgrave Macmillan.

Guo, Dali, & Wang, Yanan (Translators) (1931). *Guofulun* (Shang juan), (Xia juan). [Ying] Yadang Simi zhu, Guo Dali, Wang Yanan he yi [*The Wealth of Nations*. 2 vols. Adam Smith. Transl. by Guo Dali & Wang Yanan]. Shanghai: Shenzhou guoguang she.

Fan, Gang (1998). "Bu daode" de jingjixue ["Unmoral" economic science]. *Du shu,* 6, 50–55.

Hanley, R. P. (2014). The "Wisdom of the State": Adam Smith on China and Tartary. *The American Political Science Review, 108*(2), 371–382. http://www.jstor.org/stable/43654378

Hu, Huaiguo (2023). Xiandaihua shiye xia de Yadang Simi [Adam Smith from the perspective of modernization], *Hebei jingmao daxue xuebao, 44*(5), 21–25.

Hu, Shanheng (1926). Yuanfu yi bai wushi shouyan [The 150th anniversary of *The Origins of Wealth*], *Dongfang zazhi, 23*(6), 15–26.

Li, Bozhong (2023). Yadang Simi yu jingji shixue [Adam Smith and economic historiography]. *Hebei jingmao daxue xuebao, 44*(5), 5–9.

Li, Quanshi (1923). Simi Yadan xueshuo zhi piping [The critique of Adam Smith's teaching]. *Dongfang zazhi*, *20*(17), 64–69.

Li, Quanshi (1929). *Ziyou maoyi yu baohu guanshui* [Free trade and protective tariffs]. Shanghai: Dongnan shudian.

Liang, Qichao (1999a). Xin min shuo [Theory of renewal of the people]. In *Liang Qichao quanji*. Di 3 juan [Complete Works of Liang Qichao. Vol. 3]. Beijing: Beijing chubanshe, 655–735.

Liang, Qichao (1999b). Shengjixue xueshuo yange xiaoshi [Concise history of economic thought]. In *Liang Qichao quanji*. Di 4 juan [Complete Works of Liang Qichao. Vol. 4]. Beijing: Beijing chubanshe, 982–1005.

Lin, Justin Yifu, & Hu, Shudong (2001). Zhongguo jingjixue bai nian huigu [Economic research in China: The last 100 years]. *Jingjixue jikan*, *1*(1), 3–18.

Liu, Binglin (1926). *Yadang Simi* [Adam Smith]. Shanghai: Shangwu yinshuguan.

Lu, Youzhang, & Li, Zongzheng (1965). *Jingji xueshuo shi* [History of economic doctrines]. Beijing: Renmin daxue chubanshe.

Luo, Wei-Dong (2016a). Adam Smith in China: From Ideology to Academia. In Hanley, R. P. (Ed.). *Adam Smith: His life, Thought, and Legacy*. Princeton University Press, 512–524.

Luo, Wei-Dong (2016b). Zhengzhi yu xueshu zhijian: Yadang Simi xingxiang zai Zhongguo bianqian [From ideology to academia: The changing image of Adam Smith in China]. *Nanguo xueshu, 6*(4), 542–551.

Ma, Guangqi, & Huang, Weili (2022). *Guofulun* zhong de Zhongguo yuansu ji qi dui xifang jingji sixiang de yingxiang [Chinese elements in *The Wealth of Nations* and its influence on Western economic thought]. *Guangxi caijing xueyuan xuebao, 35*(5), 1–10.

Ma, Yinchu (1924). Makesi xueshuo yu Lishite xueshuo erzhe shu yi yu Zhongguo [Which teaching — Marx's or List's — is suitable for China]. In *Ma Yinchu yanjiangji* [Collection of lectures by Ma Yinchu]. Shanghai: Shangwu yinshuguan, 220–228.

Ma, Yinchu (1935). *Zhongguo jingji gaizao* [Transformation of the Chinese economy]. Shanghai: Shangwu yinshuguan,

Ma, Yinchu (1999). Zibenzhuyi guojia jingji sixiang zhi liang pai [Two major schools of economic thought in capitalist countries]. In *Ma Yinchu quanji. Di qi juan* [Complete works of Ma Yinchu. Vol. 7]. Hangzhou: Zhejiang renmin chubanshe, 268–280.

Miao, Degang (2022). Jingji sixiang zhuanxing yu jingjixue zaoqi bentuhua — jiyu *Guofulun* zai jindai Zhongguo chuanbo de kaocha [Transformation of economic thought and early localization of economics — Based on the investigation of the spread of *The Wealth of Nations* in Modern China]. *Caijing wenti yanjiu, 9*, 28–35.

Milner, Th. (1853). *The History of England*. London: The Religious Tract Society.

Pu, Zhi (1923). Simi Yadan er bai nian jinian [The celebration of Adam Smith's bicentenary]. *Dongfang zazhi*, *20*(17), 1.

Sa, Mengwu (1923). Yadan Simi zhi jingji sixiang yu Rujia jingji sixiang zhi chayi [The difference between the economic ideas of Adam Smith and the economic ideas of Confucians]. *Xueyi*, *5*(7), 1–20.

Tang, Qingzeng (1930). *Xiyang wu da jingjixuejia* [Five great Western economists]. Shanghai: Liming shuju.

Tao, Xisheng (1936). Bianji de hua [Letter from the editor]. *Shihuo (banyuekan)*, *3*(3), 50.

Wang, Yanan (1981). Gaiding yiben xuyan [Preface to the revised edition]. In *Guomin caifu de xingzhi he yuanyin de yanjiu*. Shang juan. [Ying] Yadang Simi zhu, Guo Dali, Wang Yanan yi [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 1. Adam Smith. Transl. by Guo Dali, Wang Yanan]. Beijing: Shangwu yinshuguan, i–viii.

Wen, Jiabao (2009). Wen Jiabao zongli zai Yingguo Jianqiao daxue fabiao yanjiang (quanwen) [Premier Wen Jiabao delivered a speech at Cambridge University in the UK (full text)]. (February 3). Retrieved November 10, 2023, from https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679906/1209_679916/200902/t20090203_9353572.shtml

Yan, Fu (1969). Yu Liang Rengong lun suo yi Yuan fu shu [Discussing the translation of *The Origins of Wealth* with Liang Qichao]. In *Yan Jidao shi wen chao* [Prose and Poetry of Yan Jidao]. Jindai Zhongguo shiliao congkan, issue 417. Taibei: Wenhai chubanshe, 256–262.

Yan, Fu (Translator) (1981). *Yuan fu.* [Ying] Yadang Simi zhu. Yan Fu yi [The Origins of Wealth (Engl.) Adam Smith. Transl. by Yan Fu]. Beijing: Shangwu yinshuguan.

Yan, Zhijie (2023). Yadang Simi de lilun yichan ji qi xianshi yiyi [Adam Smith's theoretical legacy and its practical significance]. *Hebei jingmao daxue xuebao, 44*(5), 1–4.

Yang, Jingnian (Translator) (2001). *Guofulun* (Shang xia) — Yingxiang shijie lishi jincheng de shu. [Ying] Simi zhu, Yang Jingnian yi [The Wealth of Nations. P. 1–2 — Books that have influenced the history of the world. Smith. Transl. by Yang Jingnian]. Xi'an: Shaanxi renmin chubanshe.

Zhang, Dengde, & Liu, Qian (2021). Lilun yu xianshi: jindai Zhongguo xuejie lun Yadang Simi yu Lisite [Theory and reality: Scholars' discussion on Adam Smith and List in Modern China]. *Ludong daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban), 38*(1), 29–35.

Zhang, Dengde (2022a). Yadang Simi zai jindai Zhongguo zhishijie de xingxiang fenxi [Analysis of Adam Smith's image in the intellectual circles in Modern China]. *Shandong shehui kexue*, *11*, 116–125.

Zhang, Dengde (2022b). *Fuqiang yu qimeng: Zhongguo jindaishi tansuo* [Wealth, power and enlightenment: An exploration of Modern Chinese history]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe.

Zhao, Naituan (1936). Simi Yadang Guofulun zhuanshu de jingguo ji qi xueshuo yuanyuan [The writing process and theoretical origins of Adam Smith's *The Wealth of Nations*]. *Shihuo (banyuekan)*, *3*(7), 1–9.

Zhou, Jianbo, Liu, Ting, & Zhang, Yue (2023). Yadang Simi lun chuantong Zhongguo [Adam Smith on traditional China]. *Hebei jingmao daxue xuebao, 44*(5), 10–20.

References

Arrighi, G. (2009). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. M.: Institute for Public Programming.

Borokh, O. N. (2017). Chinese debates on Adam Smith's heritage in 1920s in the context of assimilation of Western economic thought. *St Petersburg University Journal of Economic Studies, 33*(4), 566–592. https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.403

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Transl. from Engl.; preface V. S. Afanas'ev. M.: Eksmo.

Sun, Yatsen (1985). The International Development of China. In *Sun Yatsen. Selected works*. Second edition, corrected and expanded. M.: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 145–284.

Yan, Fu (1961). On Strength. In *Selected works of progressive Chinese thinkers of modern times (1840–1898)*. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 170–206.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Л. М. Григорьев[1]
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9

ИМПЕРИИ ДРЕВНИХ — ГРУБОЕ ОРУДИЕ ИСТОРИИ

«Невозможно избежать только двух вещей — смерти и налогов»
Адам Смит

В мире разрозненных племен, языков и почти первобытных ландшафтов империи жестким насилием расширяли масштабы концентрации ренты, фокусировали ее использование на инфраструктуру (дороги, плотины, каналы), оборонительные сооружения, храмы и дворцы. Концентрация вложения ведущей нации достигалась в определенной мере за счет грабежа других народов или налогообложения периферии империй. Они ускоряли обмен информацией, включая инновации, усиливали роль ведущих языков. В целом они проводили первичную организацию дорожного, производственного и информационного пространства. В промежутках между войнами и захватами территории они создавали условия развития внутри империй и торговли империй с окружающими странами.

Критическое отношение к империям как «агрессивному злу» ослабило внимание к их экономической роли, тогда как военно-политические аспекты стали объективно центральными как в истории, так и в сознании, создавая некоторый культурный код. Эффект (КПД) империй древности для последующего человеческого развития (в частности достижения науки, искусства) во многом зависел от качества управления, длительности существования и характера его завершения (катастрофа или адаптация). Гибель империй и гибель стран при создании империй отбрасывал человечество в развитии, но многие достижения науки, духовной жизни и материальные активы сохранялись и использовались впоследствии. Народная память и историко-литературные произведения, выработанные в периоды существования (процветания) империй древности и последующая их мифологизация, во многом определяют культурные коды стольких стран, особенно имперских народов или, наоборот, наций, сражавшихся с империями или освободившихся от империалистической зависимости.

Мы различаем аграрные и кочевые империи, пытаясь охватить жизненный цикл империй между XIII в. до н.э. и V в. (падение Рима) прежде, чем христианство и ис-

[1] Григорьев Леонид Маркович — к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики, руководитель сектора «Структурных проблем мировой экономики» ЦКЕМИ факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: lgrigor1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3891-7060.

© Григорьев Леонид Маркович, 2024 CC BY-NC

лам стали важным фактором жизни. Элиты в наше время стремятся подобрать исторический отрезок прошлого как элемент исторического кода для своих актуальных политических нужд.

Ключевые слова: Адам Смит, Евразия, империя, торговля, развитие.

Цитировать статью: Григорьев, Л. М. (2024). Империи древних — грубое орудие истории. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 125–160. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-9.

L. M. Grigoriev
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

JEL: F10, N73, N75, P33, P50, Z13

EMPIRES OF THE ANCIENT — A CRUDE TOOL OF HISTORY

In the world of different tribes, languages and slightly cultivated landscapes, empires through crude violence extended rent concentration scale, with the focus on infrastructure (roads, dumbs, canals), fortifications, cult centers and palaces. Investment concentration of a leading nation was achieved through robbery of other nations or through levying taxes on the periphery of the empire. Empires speeded up the information exchange, including innovations, and strengthened the role of lingua franca. In principle, they effected the initial organization of transport, manufacturing and information space. Between the wars and territorial conquest, they created the conditions for development within the empires and their trade with surrounding countries. Critical view of empires as an "aggressive evil" lessened the attention to their economic aspects, while their military-political role became central both in history and consciousness creating a certain cultural code. The impact of ancient empires (KPI) for further development of mankind (science and art, in particular) depended at large on governance quality, length of their existence and character of its termination (catastrophe or adaptation). Some technological and cultural developments were resulted from management and the degree of survival after collapses of empires.

We distinguish the agricultural and nomadic empires, trying to cover the life cycle of empires between XIII Century BC and 5 A.D. (fall of Rome), before Christianity and Islam came as a decisive factor. Modern elites strive to select a historic span of the past as an element of historic code for their current political aspirations.

Keywords: Adam Smith, Eurasia, Empire, trade, development.

To cite this document: Grigoriev, L. M. (2024). Empires of the Ancient – a crude tool of history. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 125–160. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10

Введение

Трехсотлетие Адама Смита — достойный повод почтить Великого экономиста еще более широким экскурсом во времени. Он основывал свой

труд «Исследование о природе и причинах богатства народов» на большом историческом материале. Также мы берем пример с Арнольда Тойнби, который написал свою книгу в 1947 г. и развил анализ четырех эпизодов столкновений Запада (идя от греко-римской цивилизации) с Россией, Индией, Исламом и Дальним Востоком.

Мы верим, что замечательные книги об истории цивилизаций, царств, религий, войн оставляют некоторый простор для интересных наблюдений и выводов о жизни, рождении и уходе империй до монотеистическиого периода истории, а проще — до христианства и ислама. Особенно отметим работу Эми Чуа «День Империи» по истории создания и упадка империй, которая видит успех доминирующих империй в толерантности, а причину регресса — в потере ее (Chua, 2007).

Империи древности создавались харизматическими лидерами и их военными элитами из страсти к власти, славе и наживе и из страха быть завоеванными. Жестокость человеческой истории неотделима от действий империй и императоров, но такова реальность нашей истории в Евразии — большая часть этого пространства не могла избежать — так или иначе — воздействия империй в своем прошлом. Империя Кушан и Китайская империя нами подробно не рассматриваются по недостатку места.

В связи с попыткой объять необъятное мы применим метод организации эссе, состоящий из двух типов заметок: «размышления» и «эпизоды». Охват по времени взят от XIII в. до н. э. до начала X в. Во времени мы будем двигаться от битвы при Кадеше (Хетты — Рамзес Второй) и предполагаемой Гомером осады ахейцами Трои до падения Рима. По важности темы мы рассмотрим и империю Чингисхана, который создал империю на базе кочевых (языческих) завоеваний. И мы специально остановимся на конфликтах вдоль восточного побережья Средиземного моря — Малой Азии и Леванта как продолжении древней традиции конфликта на этом «гейзере рент» при межконтинентальном обмене товаров и услуг (наем гоплитов и артизан).

Размышление 1. Империи создавались тысячелетиями — значит, они что-то делали…

Историки восхищаются империями, ненавидят империи, анализируют империи, смакуют империи. Наша задача иная — для периода до V в. (падение Рима) и пространства между Гималаями и Атлантикой взглянуть экономическим глазом на логику формирования, развития и падения империй. Если империи тысячелетиями появлялись и исчезали, то у них должна была быть некая функция. Какова роль империй, особенно конфликтов на разломе между Троей и Александрией... В марксизме это были государства рабовладельческой формации или дорабовладельческие общества. У политологов — это цари и войны, у культурологов — это языки, фрески, сказания. Хочется несколько засушить яркость древних культур и найти

логику их экономики и длительности существования, и даже поискать эффективность против издержек. Факт тот, что повторялась и повторялась грубая и обычно жестокая форма организации общества как империя с громадными потерями накопленных ранее материальных активов, но особенно человеческого капитала. Да и определение империи хочется немного пошевелить — так ли это просто, так ли это всем плохо...

С точки зрения пространства работа охватывает регион, который Арнольд Тойнби рассматривает как греко-римский мир на середину II в., поделенный на три империи: римскую, парфянскую и кушанскую (Тойнби, 2011, с. 312–313). Практически аналогичной является географическая определенность Азиатской части этого пространства в понимании Роберта Каплана (Каплан, 2015, с. 271–288). Мы выбрали несколько наиболее интересных, по нашему мнению, эпизодов — империи и «окрестности».

Разумеется, обычно наибольший интерес вызывают империи, образовавшиеся на развалинах греко-римско-персидских цивилизаций, христианские и исламские, их столкновения и последствия для наших дней. Но на сей счет первоклассных работ много. Наш интерес — поработать над империями, не скрепленными мировыми религиями. Так что мы пойдем другим путем — издалека, вглядываясь в то, что полезного для развития человечества делали империи. Помимо войн и разрушений при создании, удержании границ и попыток расширения, а также конечного распада, часто катастрофического, империи далекого прошлого существовали обычно как минимум два-три поколения лидеров, но иные и сотни лет. Что нам досталось от них...

Размышление 2. Что бы нам сказал Адам Смит по поводу коммерции в империях

Первая проблема Адама Смита: а есть ли «невидимая рука» рынка в судьбах коммерции внутри и между империями, архаическими государствами древности. Похоже, что концентрация доходов в автократических, монархических государствах в руках Владык (здесь и далее) создает простор для развития монопсонии императора и его аристократии на рынках оружия, лошадей, ювелирных изделий, художественных произведений, монументальных зданий (их проектирования), храмов, дворцов, пирамид, и даже театров. Региональные губернаторы, местные вожди, аристократы (здесь и далее) могли улавливать часть ренты на свою войска, роскошь и здания и виллы... Во всяком случае они это делали в столицах и больших городах, региональных центрах (вчера «центр» — завтра «столица»). В этом случае они могли создать конкуренцию на стороне спроса, хотя с нашего угла кажется, что это власть, а не цена. Предложение артизанов могло быть конкурентное. Монополия на ключевые архитектурные, художественные решения была в Египте (село мастеров). Банки появляются

в Греции в IV в. до н.э., помимо широкого распространения кредитной активности храмов.

Мы видим рынок с массой покупателей и конкуренцией производителей в XVII–XVIII вв. в Голландии и в Англии, но конкуренцию за заказы в далекой Азии трудно увидеть сквозь пыль веков помимо традиционных шелка, чая. Рим импортировал массу товаров потребления, конечно, там появлялась конкуренция источников. И в ранних империях могло быть коммерческое или насильственное перемещение артелей внутри больших государств или между ними в мирное время. Локальные монополии вполне возможны — свободный рынок вряд ли. Стабилизация политической среды: мир, власть, налоги, безопасность — могла создавать в больших городах элементы конкуренции цены и качества по тканям, оружию, посуде, массовым украшениям... Лесли Уайт пишет в главе "Economic Structure of High Cultures": "Wars, conquests, and imperialism marked the development of great cultures of the Agricultural revolution. International competition and conflict became intensified as cultures developed within the rather fixed and finite limits of natural resources" (White, 2007, p. 352).

Адам Смит вздохнул бы и сказал: «Правовое поле было малопригодным, риски были большие. Но любовь к искусству и техническим инновациям у ремесленников явно была. И рука выгоды была у того, у кого были руки с даром к ремеслу и торговле... Сложно представить у них конкуренцию однородных товаров по цене. Но прибыли были большими».

Эпизод 1. Место и время действия — разнообразие стран

Место действия империй Евразии — гигантские просторы от Монголии до Англии и от Персии до Франции. На старте развития цивилизаций — это сложная природа, поясами от степей и гор до тайги и средней полосы Европы. Тут минимум пригодных «дорог», сколько-то обработанных полей и освоенных месторождений. Племенные территории, оспариваемые границы, трудные отношения между соседями... Первые государства и концентрация ренты у владык — попытки захвата для грабежа, расширения своего контроля для сбора «налогов». Коммуникации — долгие, информация течет медленно, движение инноваций — спорадический перенос знаний — дуют с Востока на Запад, вслед за торговлей. Одним словом — Евразия!

Множество племен и относительно крупных племенных образований к XIII в. до н. э. уже наработали свой язык, культуру, государственность более или менее сложную. Временные промежутки между переселениями племен, походами на соседей и просто набегами значительные, но ретроспективно выглядят непрерывными — промежутки скрадываются. Китай оказал огромное культурное воздействие на весь Евразийский мир, но сам в походы на Запад не ходил, а был жертвой кочевников. Кушанская империя имела относительно короткую («всего» два века) историю. Экономика Египта отпугивает тем, что все слишком зависит от Нила, а избы-

точная рента (сверх ирригации) столетие за столетием уходила на пирамиды и ритуалы.

«Ветер дует с Востока» — перенос семян, изобретений от монгольских степей и Китая к Европе в полосе 30–53 градусов широты в Евразии, через ворота между горами и горами. Эффекты Чингизхана и его потомков (XIII–XV вв.). Огромная территория Евразии в значительной мере была заселена хаотическими движениями народов и племен, обосновавшихся и обжившихся на «своей» территории. Они сталкивались на границах, видели друг друга глазами купцов, кочевников и грабителей. Они образовывали те или иные племенные союзы, государственные образования, говорили на разных языках, владели различными технологиями, перенимали друг у друга инновации в неспешном порядке. Элиты племен жили относительно сносно, завидовали соседям, искали способы расширить доходы и территорию контроля или обезопасить себя, особенно если была история грабительских вторжений. Тут появились завоеватели и «включили» империи (рис. 1).

Рис. 1. Место действия истории

Размышление 3. Империи реорганизовывали пространство: издержки и бенефиции

Мы не погнушаемся начать с определения от Википедии, поскольку это указывает на некий общий знаменатель в отношении к империям, один

из значимых путей формирования стандарта или кода: «Импе́рия (от лат. imperium — власть) — монархическое государство во главе с императором или колониальная, либо международно значимая держава, опирающаяся в своей внутренней и внешней политике на военные сословия (организованную армию) и действующая в интересах военных сословий. ...Имперская идея может формулироваться по-разному, но суть ее всегда сводится к одному: удержание и эксплуатация провинций, а также приобретение новых территорий. Бывало, что империя объявляла себя покровителем той или иной религии (например, Российская империя — православия, Оттоманская — мусульманства, Австро-Венгрия — католичества). ... Признаки империи: наличие сильной армии и полиции; большое внешнеполитическое влияние; мощная национальная идея (религия, идеология); жесткая, как правило, единоличная, власть; высокая лояльность населения; активная внешняя политика, направленная на экспансию, стремление к региональному или мировому господству».

Длинная общедоступная цитата явно писалась политологами с некой ясной идеей империализма как агрессивного зла по опыту многих империй разных времен. Захват территорий, населенных иными народами, использование их доходов, пространства для создания большого государства с политическим доминированием и экономическим выигрышем элиты «главного — имперского племени» — вот минимум в определении. Но мы полагаем, что империи, прежде всего, разные, особенно по типам: колониальная, континентальная — морская, и оседлая — кочевая, и по и способам формирования.

Единоличная власть во всех империях — почти типично на старте, но не гарантированно потом, могли быть и слабые лидеры. «Высокую лояльность» населения надо доказывать, тем более что это могло относиться только к части субъектов при подавлении части регионов или меньшинств, так что стоило бы разрабатывать внутреннюю структуру. Экономику империй обычно не упоминают — так что наши задачи становятся важными: какие экономические функции выполняют империи и как финансируют свои цели, элиты и военные классы. Даже монархизм представляется не обязательным – мы полагаем, что Рим стал империей до Октавиана Августа.

Не пытаясь дать свое исчерпывающее определение империи, которое бы закрывало бы все многообразие объекта за тысячи лет, стоит обратиться к историку Алексею Миллеру (Nationalizing empires, 2015, p. 647–660), который показывает сложность взаимодействия понятий империй и национальных государств. Мы бы добавили еще фактор идентичности, который становится все важнее в современную нам эпоху уважения к меньшинствам, а также «матрешечные» государственные образования, доставшиеся нам в том числе от далекого прошлого, которое мы рассматриваем в этой работе.

Обычно империя базировалась на «главном» племени или нации, абсорбируя в свое государство иные народы, особенно соседей (или колонии). Империи обеспечивали в пределах своего существования концентрацию налогов, ренты, доходов для поддержания имперских интересов, контроля регионов и границ. Расширение империй могло идти и «мягким» ползучим порядком без разгрома присоединяемых племен. Вслед за Манкуром Олсоном можно попробовать различать «империи — грабители» и «империи — стационарные бандиты». Соответственно, одна и та же империя — в лице «главного» («имперского») племени может стартовать как грабитель и захватчик, но переходить к «стационарным» формам контроля в пределах ранее включенных территорий. Как правило, империи концентрировали ресурсы в «центре» и на направлениях торговли и развития. Хотя никто не может гарантировать, что ее «грабительские» инстинкты никогда не вернутся вновь.

В древности «стационарность» также была возможна при определенных «аристократических» альянсах в империи, союзнических отношениях, сплочении перед лицом третьих сил (общих угроз). Со временем империи обычно «предлагали» — тем или иным образом — инкорпорированным племенам переходить на единый язык (в правовых и бюрократических вопросах). Здесь мы можем прибегнуть к помощи выдающегося историка Амартья Сена, который подчеркнул важность идентичностей: “First, recognition that identities are robustly plural, and that the importance of one identity need not obliterate the importance of others” (Sen 2006, p. 19). Сохранение регионами и меньшинствами своей идентичности часто способствовало разрушению империй впоследствии. Отметим, что это важно не только в дихотомии: главное племя — остальные племена, но и в многоуровневых («матрешечных») системах. Попытки распространить единое право и регулирование, включая язык права, в империях, видимо, реализовывались более устойчиво, чем язык, религия, культурные коды.

Мы полагаем важным подчеркнуть, что бытие империи не исключает, а предполагает существование продуктивной экономики — только на одной эксплуатации колоний или подавленных народов просуществовать трудно. Правда, спартанцы были близки к этому в ситуации с илотами, а Рим (особенно сам город) на определенной стадии потреблял настолько больше собственного выпуска (если не переоценивать ВВП госуправления), что мог бы считаться паразитом своей империи и всей ранней Средиземноморской глобализации. Концентрация ресурсов грабительских империй уходила на следующие завоевания и «жизненный уровень» элит ~~кочевых империй~~. Империи «оседлые» континентальные вынуждены были строить города, дороги, каналы для консолидации контроля (Сасаниды). Самое интересное — это использование колониальной ренты европейцами, что ближе к нам по времени и по месту.

Виды империй по происхождению в рассматриваемый период можно определить так: сильнейшее племя доминирует (Америка, Африка); Греция без империи — города-государства; вокруг лидера и армии — Александр, Чингизхан; континентальные соседи на плато (китайские княжества — Цинь Шихуан); вторжение кочевников в Европу (гунны, монголы). И настойчиво хочется сказать, что еще есть отдельная категория: "By all means — Rome", — как сказала Одри Хэпберн в «Римских каникулах». Рим — это квази-демократия со способностью к внутренней адаптацией в течение VI–VII вв. Рим — потребитель достижений Греции, Карфагена и всего Средиземноморья; победитель и эксплуататор; старейшина империй, переживший все «нормы», но не ушедший от судьбы.

Издержки и бенефиции империи:

- издержки организации империй, захватов и прочее;
- бенефиции сохранения империй для «центра»;
- издержки\бенефиции для народов периферии внутри империй: включение племен и регионов в большие системы, открытие мира;
- империя как единое институциональное пространство;
- внешние конфликты как фактор поддержания империй;
- строительство гидротехнических сооружений для ирригации;
- строительство столиц, городов, дворцов и храмов;
- усовершенствование оружия, предметов роскоши, тканей, скульптуры;
- распространение информации, передача технологий;
- единое пространство для торговли, особенно в периоды мира;
- длительность существования как фактор роста бенефиций для всех;
- движения племен, «варваров» извне как фактор дестабилизации;
- «восстания меньшинств» внутри как фактор неустойчивости;
- вложенные (матрешечные) системы подчинения меньшинств — неравномерность внутреннего развития и неустойчивость режимов.

Эпизод 2. Хетты — Рамзес Второй — Троя...

Малая Азия — Месопотамия — Левант, Персия и Египет — букет важнейших центров развития человеческой цивилизации. Рядом Египет в некотором отдалении — за Нилом, и Персия нависает с Востока. Жизнь бьет ключом в Средиземноморье, но разве правители могут спокойно смотреть на процветающих соседей. Нам кажется, что Эпизод 2 — это начало XIII в. до н. э. — битва на колесницах при Кадеше на границе между царем Хеттов Мутавалли Вторым и фараоном Рамзесом Вторым. Последний вернулся из неудачного похода в Египет и заказал изумительное (сохранившееся) золотое кольцо с изображением двух коней, которым он был обязан своим спасением в битве. Обе стороны объявили себя победителями, так что это хороший стартовый пункт для размышлений об импе-

риях. Хетты уже вели разумную хозяйственную деятельность, налоги записывались, как и события в Империи и вокруг.

Но также это ставит вопрос о Леванте, который лежит между Египтом и проливам Босфор и Дарданеллы (по-современному) как удивительная полоса плодородия, климата, морских курортов и меридиан центров торгового обмена европейских товаров на азиатские. Вот тут самые высокие цены, прибыли, налоги, взятки таможенникам — «гейзер рент» в обе стороны. И это объект соперничества между соседями, включая греков и финикийцев, иудеев, пальмирцев, набатейцев, вавилонцев и персов, а потом македонских диадохов, римлян, крестоносцев, исламских государств, европейских колониальных держав и так до наших дней (рис. 2).

Рис. 2. Хетты и Египет

Размышление 4. Троя — Аполлон — Гомер…

Хетты в XIII в. контролировали Малую Азию, и в своих хрониках кратко упоминают Агамемнона («нашего брата») и Александра (видимо, Париса). Ахейскую Армаду Гомера они бы заметили, особенно битвы с вовлечением соседей, массы кораблей, битвами и разрушением города Трои, предположительно на их территории — недалеко, в общем, от Кадеша. Так что мы не будем настаивать на той или иной версии Троянской войны

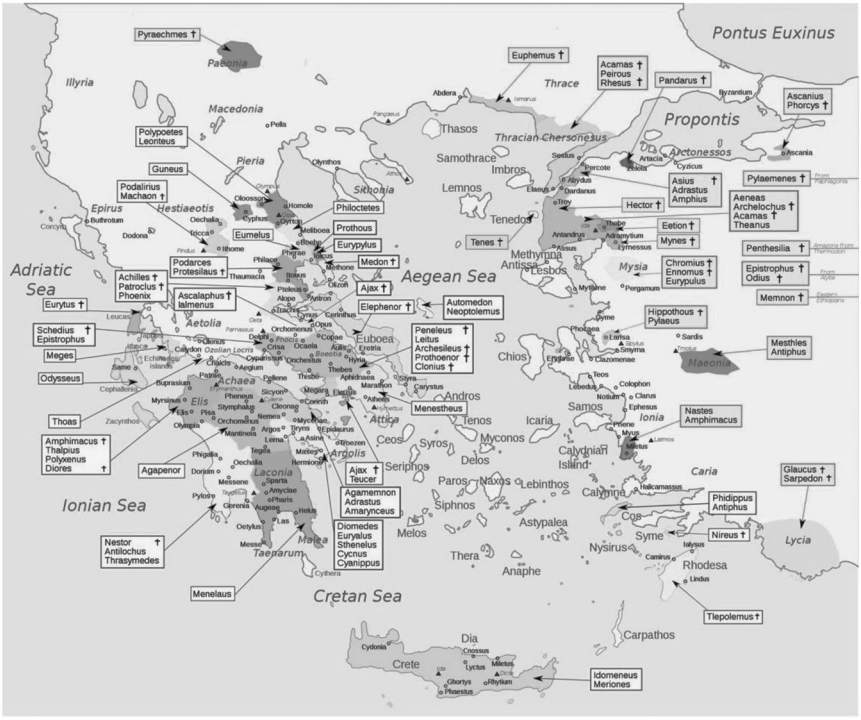
в реальной истории. Зато жанр позволяет нам взглянуть на реалии такой войны — как первой известной нам в борьбе за Левант. Доходы городов-посредников, купцов и их царей были огромными. Власть Трои простиралась — нам дает понять Аэд — вглубь Малой Азии и позволяла содержать конную армию Гектора. Потом аналогично процветали Карфаген и, наверное, иные города в пределах греческой Ойкумены. Мы полагаем, что Агамемнон и тридцать царей хотели ограбить знакомый город, перехватить торговую ренту. Правда, конец Илиады не содержит никаких типичных триумфов победивших царей, Агамемнона просто убивают дома по возвращении , и только Одиссею кое-что троянское удалось вывезти, но вся команда и все добро гибнут по дороге. Невеселый конец для победителей.

Примем историю Трои, но мы не поверим в кражу Елены троянским принцем Парисом. Думаем, что она после десяти лет брака с Менелаем (ей 27 лет, дочь Гермиона — 8 лет) почувствовала себя «Анной Карениной Древней Греции» и сбежала с молодым принцем[2]. Троя под руководством Приама была, видимо, в состоянии извлекать огромную ренту от посреднической торговли между Азией и собственно Грецией. Город был — верим — прекрасен, как Карфаген, Константинополь, как большой морской военно-торговый центр, контролируя значительную аграрную территорию, как потом Карфаген. Жили в нем греки, поклонялись греческим богам. Аполлон был покровителем города и лично Гектора, он и направил стрелу Париса в пяту Ахиллеса. Сам Арес — бог войны вместе с Артемидой и Афродитой воевали за Трою. Тем более «политическим» выглядит такой жестокий триумф Афины.-

Аэд Гомер сочинил «Илиаду» и «Одиссею» в VIII в. до н. э. после четырех «темных» веков и разгрома Микенского мира неведомыми до сих пор «народами моря». Последовавшее в VIII–VI вв. до н.э. расселение греков-дорийцев по Средиземному морю и Малой Азии потребовало нового набора героических поэм: мыльной оперы об Ахиллесе (Илиада) и путешествия Одиссея по морям со страшными историями. Это был спрос на литературу и на чувство защищенности своими богами в Средиземном море, т.е. у них был спрос — Гомер со товарищи (рапсодами) обеспечил предложение. Удивительные греки смогли с антрактом в полтысячелетия сочинить целых два набора эпоса (задолго до Библии): сначала подробно все о богах Олимпа плюс «Подвиги Геракла» и «Аргонавты». И четыре «темных веков» не помешали уцелевшим ахейцам и вновь пришедшим дорийцам сохранить все детали огромного мира богов и героев (наверное, на Эвбее и на Крите). Римляне изобрели троянца Энея, чтобы создать себе некоторую древность и преемственность на старте мифологизации.

[2] Афродита за выигрыш конкурса красоты обещала Парису «самую красивую женщину Греции», но конкурс не проводился. Любая дама, выбранная Парисом, становилась «Мадам Вселенной» — стимул к бегству, хотя верим в любовь с первого взгляда.

В заключение отметим, что чрезвычайно жестокий финал «Илиады» в отношении Трои, ее жителей и героев поэмы выходил, полагаем, за рамки тональности повествования — «всех порешить». В античные времена литература, надо полагать, уже была способом формирования культурных кодов, причем «Илиада» и «Одиссея» особенно важны. А значит, разгромы Карфагена и Коринфа были до некоторой степени «допустимы» для латинян, которые инкорпорировали греческую культуру. Так что даже отдаленные от нас на тысячелетия реальные события могут обладать своей исторической или литературной предысторией (так сказать — колея между древними) (рис. 3).


Pyraechmes †
Paeonia
Illyria
Macedonia
Pella
Polypoetes
Leonteus
Guneus
Podalirius
Machaon †
Pieria
Olympus
Sithonia
Epirus
Hestiaeotis
Philoctetes
Eumelus
Prothous
Eurypylus
Medon †
Podarces
Protesilaus †
Achilles †
Patroclus †
Phoenix
Ascalaphus †
Ialmenus
Eurytus †
Schedius †
Epistrophus
Meges
Odysseus
Thoas
Amphimachus †
Thalpius
Polyxenus
Diores †
Agapenor
Nestor †
Antilochus
Thrasymedes
Menelaus
Adriatic Sea
Aetolia
Achaea
Elis
Laconia
Taenarum
Ionian Sea
Cretan Sea
Aegean Sea
Euboea
Attica
Argolis
Andros
Tenos
Ceos
Syros
Seriphos
Paros
Naxos
Lebinthos
Siphnos
Melos
Astypalea
Thera
Anaphe
Delos
Myconos
Icaria
Samos
Ionia
Chios
Lesbos
Methymna
Antissa
Mysia
Lemnos
Imbros
Samothrace
Thasos
Thrace
Thracian Chersonesus
Propontis
Pontus Euxinus
Euphemus †
Acamas †
Peirous
Rhesus †
Pandarus †
Ascanius
Phorcys †
Asius †
Adrastus
Amphius
Hector †
Aeneas
Archelochus †
Acamas †
Theanus
Pylaemenes †
Eetion †
Mynes †
Penthesilia †
Chromius †
Ennomus †
Eurypulus
Epistrophus †
Odius †
Memnon †
Hippothous †
Pylaeus
Meslthles
Antiphus
Maeonia
Nastes
Amphimacus
Glaucus †
Sarpedon †
Phidippus
Antiphus
Nireus †
Tlepolemus †
Peneleus †
Leitus
Arcesilaeus †
Prothoenor †
Clonius †
Elephenor †
Automedon
Neoptolemus
Ajax †
Ajax †
Teucer
Agamemnon
Adrastus
Amaryncus
Diomedes
Euryalus
Sthenelus
Cycnus
Cyanippus
Menestheus
Meriones
Idomeneus
Crete
Dia
Carpathos
Rhodesa
Nysirus
Syme
Cos
Calymna
Calydnian Island
Caria
Lycia
Halicarnassus
Cnidus
Rhodes
Lindus
Ialysus
Camirus
Troy
Dardanus
Abydus
Sestus
Abdera
Byzantium
Ismarus
Pangaeus
Pella
Olynthos
Scione
Torone
Cyclicus
Artacia
Priapus
Lampsacus
Percote
Ascania
Arctonessos
Dia
Thebe
Adramyttium
Lymessus
Antandrus
Assus
Pergamum
Myrlaene
Phocaea
Larisa
Smyrna
Sardis
Clazomenae
Teos
Lebedus
Notium
Colophon
Clarus
Ephesus
Priene
Myus
Miletus
Latmos
Halicarnassus
Cnidus
Rhodes
Lindus
Ialysus
Camirus
Cydonia
Crossus
Lyctus
Miletus
Gortys
Phaestus
Rhytium
Cythera
Messene
Pylos
Gerenia
Pherae
Lerna
Argos
Mycenae
Tiryns
Epidaurus
Nemea
Cleonae
Sicyon
Corinth
Megara
Eleusis
Athens
Aphidnae
Marathon
Rhamnus
Oropus
Tanagra
Thebes
Plataea
Orchomenus
Haliartus
Coronea
Lebadeia
Chaeronea
Orchomenus
Mantinea
Tegea
Dorion
Messene
Sparta
Amyclae
Pharis
Hyas
Las
Oetylus
Aegium
Patrae
Dyme
Pellene
Thebe
Aegeira
Cerynea
Helice
Aegae
Olenus
Dyme
Elis
Pisa
Olympia
Stymphalus
Phenaeus
Cleonae
Nemea
Mycenae
Argos
Lerna
Asine
Hermione
Troezen
Methana
Halieis
Epidaurus
Aegina
Salamis
Eleusis
Athens
Aphidnae
Marathon
Rhamnus
Oropus
Tanagra
Thebes
Plataea
Orchomenus
Haliartus
Coronea
Lebadeia
Chaeronea
Delphi
Phocis
Daulis
Panopeus
Cirrha
Crisa
Cephallenia
Ithaca
Zacynthos
Same
Dulichium
Echinades Islands
Leucas
Dodona
Cassopaea
Thesprotia
Ambracia
Amphilochia
Argos
Orestis
Elimeia
Lyncestis
Eordaea
Pella
Macedonia
Bottiaea
Chalcidice
Olynthos
Scione
Torone
Sithonia
Pangaeus
Abdera
Ismarus
Thrace
Byzantium
Propontis
Thracian Chersonesus
Thasos
Samothrace
Imbros
Lemnos
Tenedos
Troy
Dardanus
Abydus
Sestus
Percote
Cyclicus
Artacia
Priapus
Lampsacus
Ascania
Arctonessos
Dia
Thebe
Adramyttium
Lymessus
Antandrus
Assus
Pergamum
Myrlaene
Phocaea
Larisa
Smyrna
Sardis
Clazomenae
Teos
Lebedus
Notium
Colophon
Clarus
Ephesus
Priene
Myus
Miletus
Latmos
Halicarnassus
Cnidus
Rhodes
Lindus
Ialysus
Camirus
Cydonia
Crossus
Lyctus
Miletus
Gortys
Phaestus
Rhytium
Cythera
Messene
Pylos
Gerenia
Pherae
Lerna
Argos
Mycenae
Tiryns
Epidaurus
Nemea
Cleonae
Sicyon
Corinth
Megara

стокий — военной истории осады Трои. После девяти лет тупика ахейцы как-то подозрительно просто и легко за один день обманывают троянцев с помощью деревянного коня размером с автобус.

В это сложно поверить даже в рамках легенды при большом пантеоне дружественных Трое богов. Вряд ли аэды могли много заработать около ключевых храмов Аполлона в Дельфах, в Коринфе, Сиракузах и по всему малоазиатскому побережью, особенно в Дидиме, рассказывая прихожанам о тотальном провале бога Аполлона защитить свой город и Гектора (стрелу Париса в пятку Ахилла отправил он сам). В голову приходит мысль, что при правлении диктатора Писистрата в Афинах жрецы богини Афины записали канонический ныне вариант Илиады. А жрецы Аполлона не сообразили, что происходит создание антиаполлоновской культурной традиции. Никто также не обращает внимания на то, что Афины и Аттика — далеко не главные игроки в Троянской войне (да и в VIII в. до н.э.). Но Афины и их воинственная богиня Афина с копьем и оливками играет ведущую роль во всей истории персидских войн. Также заметим, что цари-победители в Грецию возвращаются из троянского похода без триумфов, без золота и рабов — весьма не типично для победителей того времени. Агамемнона прирезала жена «из личной неприязни», а боги отнеслись к этому вполне безразлично.

Для нас здесь важно то, что греческие «цари-грабители» располагали избыточными резервами вооруженных гоплитов на найме и нападали на царя — стационарного торговца. И второе — Троя вместе с Левантом — это важнейшая полоса межконтинентальной торговли — тут всегда было, что грабить.

Эпизод 3. Персы и экспансия Персии — противостояние грекам и римлянам

Империи с центром в Персии сменяли друг друга с войнами, появлением династий, возникновением конфликтов в семьях. В пределах избранного нами периода можно видеть, что богатство событий персидской истории, эпоса, архитектуры, сложность государственных институтов близка, на наш взгляд к сведенной вместе греко-римской истории. Напомним выборочно (и бегло) самых известных царей в связи с их конфликтами с греками и римлянами:

- 700 г. до н.э. — держава Ахеменидов;
- 558–530 гг. до н.э. — Кир 2 Великий — Персидская империя;
- 522–486 гг. до н.э. — Дарий 1 Великий — неудачные походы к скифам и на греков;
- 486–465 гг. до н.э. — Ксеркс 1 — мировая империя, проиграл грекам Саламин и Платеи;
- 401 г. до н.э. — «Анабазис» Ксенофонта — поход 10 тыс. греков через Малую Азию;

- 336–300 гг. до н.э. — Дарий 3 — разгром от Александра Македонского;
- 223–187 гг. до н.э. — Антиох 3 Селевкид — поражение от Сципиона Азиатского при Магнезии (190–189 гг. до н.э.);
- 123–87 гг. до н.э. — Парфия, Митридат 2 Великий, поражение от Суллы (86 г. до н.э.);
- 65 г. до н.э. — победа Гнея Помпея над Митридатом;
- 53 г. до н.э. – гибель Марка Красса (победитель Спартака в 74 г. до н.э.) — катастрофа при Каррах от парфян;
- 241–272 гг. — Шапур 1 победил и захватил императора Рима Валериана;
- 309–379 гг. – Шапур 2 победил императора Рима Юлиана.

Бесконечные войны в Азии, в которой Персия оказалась посередине, династические конфликты в Персии существенно отличаются от европейской картины не только языками, богами и культурой, но основой существования — экономикой. В Персии и в Азии в целом — сельское хозяйство, ирригация, лошади, скот. Масштабы каменных сооружений и металлургических работ (кони Персеполиса и т.п.) намного превосходят современные им работы в Греции. Концентрация рент с больших населенных пространств Месопотамии и Персии была гигантской. Даже разгром империй не всегда подрывал знания в экономической деятельности, хотя масштабы и сложность применяемых технологий, конечно, страдали (рис. 4).

Рис. 4. Персеполис перед глазами македонской деревенской фаланги

Деятельность классического образцового правителя Хосров I (531–579 гг.) Сасанидской эпохи, увековеченного Фирдоуси в «Шахнаме» так описана в истории Абу Джафаром Мухаммад ибн Джарир ат-Табари: «Хосрой велел рыть каналы и водопроводы, велел выдавать ссуды владельцам культурных земель и оказывать им поддержку; равным образом он велел восстановить все разрушенные плотины и сломанные каменные мосты и все разрушенные селения, приведя их в наилучшее состояние, в каком они находились ранее...» (Громов, Табаи, 2017, с. 121). Собираемая рента позволяла содержать армию в «обычных условиях», ремесленники и торговцы обеспечивали внутренний рынок. Устойчивость экономики тем не менее в Азии трудно было гарантировать, поскольку в соседних и отдаленных странах могли появляться новые харизматические лидеры (успешные) или авантюристы (провалившиеся), которые создавали военную опасность для Персии или иной страны с аграрной базой. Противостоять сконцентрированной заранее армии вторжения (племени на конях), если сам не готовишься к встречной войне, а к обороне длинных границ пехотой и крепостями, трудно, но приходится.

Функции континентальных «неподвижных империй» включают завоевания и освоение соседних пространств, создание условий для торговли, ирригации, концентрации ресурсов в столицах для строительства дворцов и храмов. Попытки дальних завоевательных походов с помощью ополчений проваливаются. Для таких задач нужно безвыходность (иначе «погибнешь как обры») мигрирующих племен или профессиональная армия, которые пробивают рубежные крепости и громят местные ополчения.

Разумеется, империи Азии стремились к расширению границ, особенно выходу в Левант к Средиземному морю — за большими торговыми доходами, устойчивому обмену и по возможности еще и контролю над греческими городами, которые так удачно и выгодно расположились на островах и в бухтах. Рим не мог удержаться от продолжения экспансии по своим причинам: «имперская привычка»; интерес очередного избранного консула (потом императоров) к славе и наживе; сопредельные страны лучше знаешь и видишь возможные приобретаемые активы и доходы, обычно есть и повод для конфликта. В Леванте Рим с его мобильными легионами был сильней персидских войск. Но движение внутрь континента — это иное дело. И попытки повторить поход Александра Македонского у римлян трижды окончились фиаско. Левант остался яблоком раздора от Трои и до XXI в. Персия — хорошо помнит свою культурную и имперскую историю, а победы над Римом входят в ее культурные коды.

Эпизод 4. Афины — Персы — Спарта — Македония

Удивительный период истории Греции VI–IV в. до н.э. дал уникальный опыт реформ, борьбы с превосходящим врагом и неспособности победителей уложиться в разумные рамки.

Первый фактор — реформы Солона (594/593 гг. до н.э.): прощение долгов (изредка повторялись в истории), иногда еще их обесценение или банкротство, главное — расчистка экономического пространства для нового роста. Но Солон был первым, и он спас от рабства многих свободных граждан Афин, чьи потомки воевали с персами и спартанцами. Вместе с демократическими элементами пакета Солона социально-политические последствия отмены долгов (в ущерб кредиторам) были не менее важными, чем непосредственно хозяйственные.

Второй фактор — это собственно греко-персидские войны. Военно-политическая часть всем известна. Нам важно то, что громадные войска Персидской империи все же состояли из «ополчений», а профессиональные компоненты были либо собственные, но невелики, а во многом состояли из тех же греков, которым надо было куда-то продаваться на службу, тем более что не все города Греции были патриотами «насмерть». Заметим, что «перенаселение гоплитов» — характерная часть истории Греции тех веков говорит о нехватке земли и земельной ренты. Малоазиатские греки процветали во все времена (между разгромами) как от морской торговли, так и земель более плодородных, чем в самой Греции. Но главное, они вели дела на свое усмотрение, независимо в том числе от местных племен (Смит, 2007, с. 541). В Средние века по тем же причинам немцы и швейцарцы воевали за деньги.

Персидские войны показали в явном виде ограниченность военной мощи сухопутной (аграрной) империи за пределами исторически освоенной и понятной территории Азии. Координированные перемещения (логистика) против мобильных, профессиональных и отчаянных «туземцев» оказались неудачными и в Скифии, и в Греции как в ходе битв, так и между ними. Греки располагали вполне мобильным социальным слоем профессиональных военных, а вместе со спартанцами, боеспособная часть населения воющих городов-государств была очень значительной по сравнению с мобилизованными подданными империй данного типа. Македония не была активным участником защиты Греции в V в. до н.э., так что намерения Александра Македонского отомстить за греков выглядят скорее предлогом для попытки завоевания Персии (рис. 5).

Доказательством военного превосходства греков-профессионалов стал знаменитый поход «Десяти тысяч» (370 г. до н.э.), описанный его участником Ксенофонтом. Потеряв своих генералов в результате предательства на приеме у побежденных, средний командный состав провел армию с боями от Месопотамии до Трапезунда. Сама же книга «Анабазис» стала чем-то вроде путеводителя для Александра Македонского через сорок лет. Участники всех конфликтов того времени прекрасно понимали важность разведывательной информации по географии, топографии, людским ресурсам, качеству бойцов. В принципе при даже слабой координации городов греки могли бы удержать контроль над Средиземноморьем, если

бы не несколько важных обстоятельств и событий, которые произошли после победы над персами.

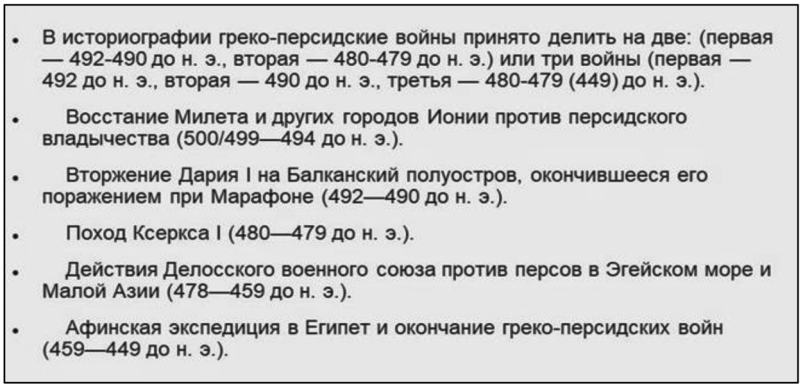


Рис. 5. Основные этапы греко-персидских войн

Объединенные города греков победили персидскую империю в оборонительной войне, но индивидуализм городов не ослаб. Экономическое превосходство Афин стало еще более заметным, а возможность собирать военные налоги в рамках Морского союза была не только соблазнительна, но и подталкивала к гегемонии. Мы не увидели Афинской морской демократической империи отчасти потому, что греческие элиты городов-государств дорожили своей независимостью, а внутренние традиции оберегали их от чрезмерной зависимости. А в Афинах тенденция к доминированию поддерживалась социальными низами. Не вдаваясь в дискуссию, которая идет две с половиной тысячи лет, процитируем В. Р. Гущина: «Тезис о тесной связи между афинским империализмом и демократией стал общим местом современной историографии» (Гущин, 2021, с. 291).

Третий комплекс факторов — почему империя Афин не сложилась, связан с войной отвращения (“attrition”), ловушкой Фукидида и чумой в Афинах. Фактор Спарты, которая дала нам столько историй славы и мужества при весьма некрасивой системе рабовладения над племенем илотов, также имел историческое значение. Конфликт «отвращения» двух ведущих государств дал нам «ловушку Фукидида»: пытались было избежать войны, но не смогли. Чума (430 г. до н.э.) или неизвестная болезнь в Афинах привела к потере 25% (до 100 тыс.) населения и отдала победу спартанцам. Шанс на большое греческое государство с базой в Афинах был невелик, но тут он исчез. Дальнейшее ослабление Греции шло на пользу соседу — вполне традиционной Македонской монархии, которую при желании можно считать общегреческой империей.

Четвертый фактор — победы Александра Македонского, с нашей точки зрения, дали короткий блестящий момент истории Евразии — масштаба

не менее, чем у Чингизхана. Создание мировой империи мечами одного войска и одного военного гения показывает относительную «беззащитность» континентальных аграрных государств (рис. 6).

Рис. 6. Тетрадрахма Александра Великого

Ударное профессиональное македонское войско (50 тыс., включая 7 тыс. греков) Александра Македонского приходит под предлогом «отмщения» за вторжения персов несколько веков ранее. Оно побеждает гигантскую сборную армию Дария и проходит от Нила до Афганистана и Индии. Кстати, греческий наемный контингент в 30 тыс. гоплитов была наиболее боеспособным ядром армии персов, так что подавление вооруженного сопротивления Греции македонцами завершилась далеко от дома. Великий воин — Ахилл наяву — разрушает активы и собирает богатства полудюжины богатых стран, созданные веками трудом миллионов строителей. Он уничтожает Персеполис (как Трою или Карфаген — кому что ближе), нарушает системы ирригации и отбрасывает хозяйство побежденных на поколения вполне как Чингизиды.

Мы полагаем реальным стимулом нашествия жадность и зависть к богатым соседям (свершилась мечта Агамемнона). Военную добычу Александра в Персии историки оценили в полтысячи тонн золота и четыре с половиной тысяч тонн серебра — рекорд, перекрытый только тремя веками грабежа Америки (de Callataÿ, 1989, з. 259–278). Желание последующих поколений видеть в нем героя, а не македонского грабителя, дает основание поверить в важную имперскую причину свершить великое общегреческое деяние для объединения под эгидой Македонии. Но зачем он ходил в Азию с таким замахом завоеваний помимо славы и золота, споры идут до сих пор, уходя в фантастические религиозные области.

Гигантское драконье яйцо «кратковременной» империи Александра Македонского треснуло сразу после его смерти и дало жизнь нескольким государствам диадохов. Произошло распространение греческой культуры в Азию и Египет, что так умиляет историков и археологов. Разрушения в Персии будут преодолены со временем, и она будет возрождаться и возрождаться. Но вот экономические последствия для Греции были не столь очевидны. Мы не уверены, насколько историки затрагивают аспект технологических аспектов эмиграции. Александр сдвинул греческих ремесленников в свои двенадцать Александрий. Наверное, они получили стабильные рынки сбыта и повысили свое благосостояние в эмиграции. Безусловно, это можно рассматривать как содействие развитию Азии и Египта. Однако это изменило характер функционирования Леванта как меридиана роста рент. Вряд ли можно подтвердить или опровергнуть догадку о сокращении экспорта обработанных товаров из Греции. Во всяком случае, после исхода солдат и ремесленников на новые земли мы не слышим внятных указаний на процветание. Главными игроками становятся вполне монархические македонцы, пока им на смену не придут римские легионы с их демократически избранными консулами.

Эпизод 5. Рим — перерождение города в империю

«Великие нации никогда не беднеют из-за расточительства и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительства и неблагоразумия государственной власти».

Адам Смит

Римская империя может рассматриваться как образец и исключение в силу длительности ее существования, масштабов удачи и эффективности формирования и функционирования. На протяжении значительной части своей истории это было пространство ранней глобализации внутри империи и стран вокруг Средиземного моря, обеспечивая единство институционального пространства вплоть до кодификации торговли (Норт, 1981, гл. 8). Но и она не избегла участи других империй при ослаблении ядра, проблем в провинциях и ударах извне. Поскольку римская история хорошо изучена, то мы будем стараться подчеркнуть несколько важных социально-экономические моменты на многовековом пути.

На своем раннем этапе город Рим формировал политические, социальные, военный институты и средства выживания, расширения территории. Римляне оказались чрезвычайно талантливыми в прикладных вопросах и в частности в адаптации чужих знаний и технологий для нужд армии и градостроительства. Процесс расширения владений города по Италии был в сущности «естественным» захватом до границ полуострова. Нова-

цией Рима стало быстрая инкорпорация завоеванных италиков в римскую общественную структуру, что говорит о большом здравом смысле, нежели о гениальности. Заселить все эти земли было бы нереально, а постоянно держать всех вокруг в подчинении и под военным контролем — сложно и хлопотно. Расширение территории в Италии дало ресурсы для экспансии вовне полуострова. Заметим, что идея заселения свободных пространств ветеранами помогла обеспечить будущую империю солдатами, так и обеспечить стимулы для рекрутинга. Пока Рим имел ядро армии, обеспеченное своими гражданами из ядра страны, он мог вести экспансию при практически полной надежности легионов.

После ранних успехов и при сложной внутренней социальной борьбе Рим сталкивается с Карфагеном. Мы думаем, что уже захват Сицилии, Сардинии и Корсики ставит Рим на «порог империи». Столкновение идет с Карфагеном (до миллиона населения по оптимистическим оценкам) — торговым городом с ограниченными сельскими ресурсами для пехоты, хотя климат был тогда более благоприятным для земледелия в Африке. Пунические войны выработали у Рима цель, ресурсы и решимость ликвидировать все угрозы — вполне имперская логика. Видимо, страх перед Ганнибалом, поражение при Каннах (216 г. до н.э.) с их огромными потерями изменило что-то в психике жителей и логике элиты Рима. После победы во 2-й Пунической войне начинается практически непрерывная экспансия Рима. Римляне разбивают сирийского царя Антиоха Великого (190 г. до н.э.), потом македонского Персея (168 г. до н.э.). Историки сообщают, что триумф Эмилия Павла шел три дня, причем в первый день на 250 телегах везли статуи картины греческих мастеров. В это специфика образованных грабителей — свезти все к себе (как Британский музей), а колониям оставить обслуживание Империи и граждан Рима, кто чем умеет. И в этом специфика КПД Рима[3].

И претенденты на должность консулов начинают обещать избирателям все больше и больше. И тут происходит важнейшее (недооцененное, по нашему мнению) социальное событие — правящая элита Рима позволила себе на «македонской добыче» отменить (в 167 г. до н.э.) взимание налогов с граждан Рима. Город после тяжелых испытаний вдруг оказался заполнен награбленным на Востоке, пленные со всех углов Средиземного моря стали рабами. Империя, вероятно, создавала определенные финансовые резервы, но вопрос о бюджетном дефиците с тех пор был увязан с новыми завоеваниями и грабежами.

[3] Одними из рассматриваемых позитивно особенностей римских завоевание были использование ими чужих технологий и коллекционирование предметов искусства. И незаметно забывается, что римляне разгромили школы и мастерские. То есть многие мастера продолжали работать на римлян — заказчиков (вместо своих царей и аристократов), много всего копировалось в Риме перевезенными мастерами. Однако не видно дальнейшего «взлета искусства покоренных народов» — само это выражение звучит как misnomer.

Консулы обычно обещали развлечения и раздачи из своих средств (что толкало на коррупцию для их возврата — теперь это именуется «отбиванием»), и стремились получить право на поход и радикальное обогащение себя и сограждан, отвыкших работать. Размер извлекаемых из провинций доходов — величина неустойчивая, а потребности Рима как империи, армии росли плюс миллион и более иждивенцев — избирателей. На эти средства строили храмы, склады, портовые сооружения. Мы не хотим перечислять параметры и перебирать числа убитых, пленных, тонн серебра – происходит общий перелом в ситуации в регионе, куда только могли дойти римские легионы.

В 146 г. до н.э. Рим разрушает Карфаген, который начал было экономически возрождаться, то ли из опасения соперничества, то ли из ненависти. После чудовищного избиения жителей последние карфагеняне были проданы в рабство. Римляне уничтожили все, что могли, чтобы стереть память о Карфагене. Но практичность римлян и тут не исчезла — они сохранили и перевели на латынь 28-томный труд по сельскому хозяйству карфагенянина Магона.

Но это еще не все — сразу после Карфагена был разгромлен богатейший Коринф — из некоторых общеполитических соображений и для поддержания дисциплины среди духовных братьев и культурных доноров — греков. Видимо, судно, на котором нашли знаменитый прибор «Антикитеру», утонуло с грузом награбленного в Греции. Это оставляет открытым самый загадочный в истории технологий вопрос к римлянам: кто же и где сделал это бронзовое астрономическое чудо, где вы его украли, где «второй прибор» или это был продукт одинокого гения для себя, что крайне маловероятно?

Нам осталось задать простой политический вопрос: Рим в 146 г. до н.э. — это уже империя? Мэри Бирд пишет: «Конечно, это была насильственная империя в том смысле, что римляне получали доход от новых территорий и под угрозой насилия добивались, чтобы все шло так, как угодно им. Эта империя не была основана на аннексии... еще называли “власть отдавать обязательные к исполнению приказы” ... Это была империя послушания» (Бирд, 2018, с. 237–238). Мы фиксируем это период как переход к другой политической ситуации в Средиземном море и окрестностях — практической гегемонией Рима, который становится империей по существу, еще не оформив юридически приобретения и не обзаведясь императором (рис. 7).

Политическая история Римской империи прекрасно описана — и она за пределами наших интересов. Пожалуй, стоит пройтись по римской политической демократии — учебнику подкупа избирателей, обещаний раздач, развлечений и новых завоеваний. При отмене налогов завоевания становятся финансовой необходимостью, поскольку налогов с провинций обычно не хватает, да еще провинциальные элиты быстро перехо-

дили в статус граждан Рима, так что внутри империи прогрессивного налогообложения явно не было. Отметим Сенат Рима — эту первую в мире номенклатуру: выбранный раз в консулы, преторы Рима, потом и в народные трибуны — переходил в Сенат. Так что доминировали все равно патрицианские семьи (рис. 8).

Рис. 7. Рим и Карфаген до Пунических войн

Рис. 8. Динарий кесаря Тиберия...

В дальнейшем судьба Римской империи (как и любой) будет зависеть от политических интриг, конфликтов, потом от императоров, его аппарата, армии и наследника, а еще будут внешние враги и мятежи в провинциях. Но Рим как город сохранял высокую концентрацию голосующего плебса, который влиял на исход выборов консулов. То есть демократия формально соблюдалась, но была не свободна от недостатков. Как пишет Мартин ван Кревельд, «когда граждане стали исчисляться несколькими миллионами и оказались рассеяны по всему полуострову, реальная власть перешла в руки римской толпы. Толпа продолжала организовываться в разные собрания, на которых председательствовали демагоги. Последние, используя раздачу хлеба и организацию зрелищ, могли управлять толпой так, как им было угодно» (ван Кревельд, 2006, с. 54).

В течение длительного периода эта уникальная система функционировала, поддерживая необходимость новых завоеваний (грабежей), чтобы обеспечивать личное потребление огромной массы людей, которые дали себе труд родиться или обрели удачу, став гражданами Рима. Сохранение власти императоров, естественно, уже зависели не от выборов, а от своей семьи, а также от армии и преторианцев. Однако экономика оказалась построена так, что можно было нанять солдат, оставляя граждан все больше в роли бюрократии, рантье и проч. Империя постепенно лишалась ядра солдат граждан Рима, которые все более становились невоенной стратой на содержании государства. А легионы формировались в провинциях из местных жителей, потом из варваров — финансы стали проблемой.

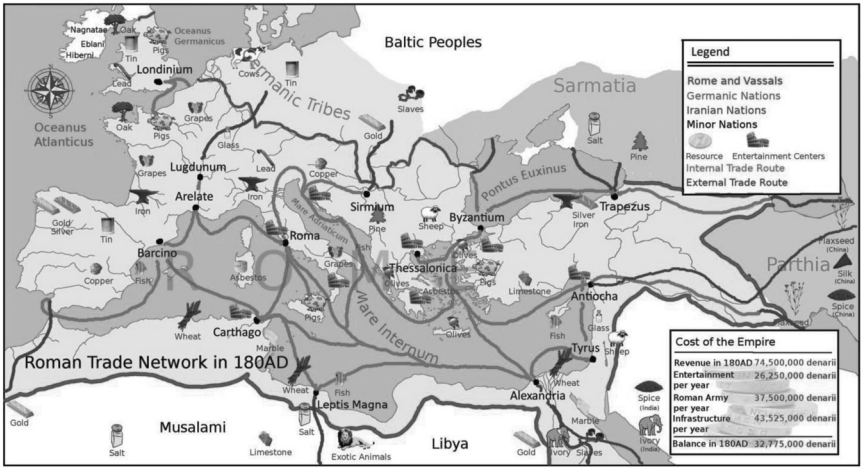


Рис. 9. Торговые пути Римской империи, ее бюджет в 180 г.
Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Europe_180ad_roman_trade_map.png

Наконец, через три с половиной века после отмены налогообложения граждан Рима бюджет империи 180 г. оказывается со значительным дефицитом (более 30% — см. рис. 9). Любопытна расчетная структура расходов: армия больше трети, около четверти — на развлечения (видимо, включая религиозные и пропаганду императора), около двух пятых уходит на инфраструктуру. По правде сказать, такое разложение расходов выглядит весьма логично: идеологический контроль, хорошие дороги и порты, урбанизм. А по дорогам ходят легионы, хотя инфраструктура могла пониматься и шире.

Год 180 — это пик империи по территориальным завоеваниям, император — еще Марк Аврелий. Последний «большой грабеж» — это завоевание Траяном даков. Но вскоре императором станет Коммод и настанут тяжелые времена. Финансовый кризис уже подтачивает стабильность — скоро начнутся и поражения. Мы попытались на закате империи свести вместе наиболее крупные и явные плюсы и минусы Римской империи — несколько странный подход, но зато позволяет сразу охватить многие аспекты многовековой многотрудной деятельности империи, ее элиты и рядовых граждан с их рабами (табл. 1).

Таблица 1

«Плюсы и минусы» Римской империи

	+	–
Создание	Освоение Италии	Поглощение этрусков
Формирование	Право и законы	Фокус на выгоде римлян
Расширение	Единое пространство	Гибель элит и своеобразия
Культура	Сохранили для нас древнюю греческую культуру	Подорвали развитие греческой культуры
Глобализация	Обеспечение свободы торговли, движения людей и финансов; единое правовое пространство	Разгром развитых цивилизаций: Карфагена, Македонии, Коринфа, Сирии, стран Леванта
Информация и технологии	Массовое применение (НДТ) технологических достижений	Подрыв воспроизводства инноваций в их источниках, утилитарность
Политическое развитие	Лаборатория демократии, управления большими пространствами, вовлечение граждан в обсуждение	Демократия коррумпированная, доминирование частных интересов, и императоры
Социальная структура	Абсорбция иных народов, вольноотпущенников в гражданство Рима	Номенклатура Сената, финансовые олигархи, неустойчивость престолонаследования

Окончание табл. 1

	+	–
Религия	Веротерпимость и многобожие в принципе	Нетерпимость к христианскому принципиальному монотеизму
Образование	Освоение греческого наследия, уровень грамотности	Много заимствовали, но не развивали культуры других народов империи
Нравы	Создание и развитие римского образа жизни	Жестокость, холодность и беспощадность; гладиаторы
Управление	Сложные системы контроля провинций, поддержание транспортных связей	Злоупотребления наместников, грабеж данников
Земельное хозяйство	Расчистка земель для культурного земледелия	Разгром земледелия в зонах войн и у побежденных
Урбанизация	Создание сети европейских (и шире) городов	Снос многих захваченных городов
Дороги, мосты, амфитеатры	Системное создание дорожной сети для легионов, средств развлечения и контроля	Стандартизация сооружений с потерей, видимо, местной специфики (расчистка пространства и снос)

Римская империя не выдержала атак по чрезмерно растянутым границам от народов, которые посматривали на ее внутреннее благополучие как на объект переселения и/или грабежа. Адам Смит ссылается на Плиния и не только в части упадка земледелия свободных: «...в какой упадок пришло в древней Италии возделывание хлеба, как невыгодно оно стало для землевладельца, с тех пор как перешло в руки рабов» (Смит, 2007, с. 389). Отсутствие своего массового крестьянина для армии (и паразитизм избирателей) для независимости от поступлений из провинций (спустя три столетия) сыграли, как говорят в романах, свою роковую роль.

Гунны и германские племена постепенно теряли страх перед военной мощью империи, поскольку легионы сохраняли определенные боевые качества, но их состав был уже далеко не латинским. Германские и кочевые племена так долго функционировали как боевые ресурсы Империи, переселялись и передвигались по империи, что изучили ее и ее военные возможности, особенно их лидеры (Атилла).

Рим долго тасовал легионы по границам, но прорывы шли тут и там. Добавим внутренние конфликты, чехарда императоров в Риме и ослабление единства управления после Марка Аврелия. Расстояния и время нападения со стороны соседей или конных кочевников были намного короче, чем способность реагировать пешими легионами. Параметр длины

периметра империи, деленного на ее резервные военные ресурсы и финансовые возможности (налоги с самих обороняемых провинций) фактически увеличивался за счет сокращения знаменателя. Империя держалась дольше, чем можно было предположить, но тем сокрушительнее был разгром Западной Римской империи и самого Рима с фантастической цивилизационной платой в размере четырех «темных веков», почти как после краха микенской цивилизации.

Византии было суждено поддерживать «огонь» в очаге цивилизации еще тысячу лет. Потом крестоносцы (1204 г.), а далее турецкая империя (1453 г.) пришли за богатствами Константинополя, у которого не было своей достаточно большой территории, на которой оборонялись бы крестьяне, защищая свои дома, хозяйства и церкви. Как римляне в Леванте, Карфагене и Коринфе, а гипотетически и «Агамемнон в Трое», если мы хотим поддержать преемственность у «царей-грабителей», завоевание означает финал цивилизации и грабеж накопленных активов, значительное разрушение инфраструктуры, частично адаптация.

Финал Римской империи был печальным, как и у большинства предыдущих или современных ей империй. Рим был разграблен вестготами в 410 г. и «окончательно» вандалами в 455 г. К падению Равенны и низложению Ромула Августа в 476 г. германцем Одоакром Западная Римская империя уже исчезла как средиземноморское («глобальное) образование с центром в Рим, системой налогов с провинций, обеспечивающая свободу торговли, передвижения людей, финансов и информации при едином правовом пространстве.

Император Восточной Римской империи Зенон из соображений удобства и превосходства официально отменил ее в 480 г. Хотя некоторые государства на территории Европы позже заявляли, что унаследовали верховную власть римских императоров, особенно Священная Римская империя, но это больше похоже на пропагандистский прием христиан по использованию героического языческого прошлого. С точки зрения развития европейской цивилизации это был колоссальный провал.

Эпизод 6. Поток из Азии в Европу — Чингиз-хан и чингизиды

Империи кочевников, среди которых наиболее известные в Европе — это гунны во главе с Атиллой, захват Испании маврами (но уже с исламским основанием). Турецкое вторжение на Балканы было уже не кочевническим, хотя с участием крымских татар. Венгры грабили Европу в IX–X вв., но не установили империи, «только» свое государство поверх славянского. До некоторой степени это схоже с попыткой македонцев расположиться «поверх» богатых азиатских народов и монголов Хубилая — «поверх» более развитого китайского общества. Авары, Печенеги

и Половцы останавливались в Причерноморских степях, оттесняя Восточных славян к северу. Эти степи оказались идеальным пространством для кочевников, при условии наличия оседлых земледельцев и ремесленников, как для торговли, так и для периодического грабежа. Викинги много всего захватили, освоили, возглавили, но больше на драккарах — этой темы мы пока не трогаем.

Движение упомянутых кочевых племен с Востока на Запад по просторам Азии шло вслед за Великим переселением народов в Европу, которая оказалась удобным географическим тупиком с хорошим климатом, землями, водой и накопленными активами, которые можно раз-другой отобрать и некоторое время облагать налогами. Движение условно «кочевников-переселенцев» — это объективно масштабный захват земель и активов — более значимый, нежели действия «баронов-грабителей». Для кочевых продвижений, конечно, характерна жесткость в подавлении сопротивления оседлых народов, разрушение городов и производительных активов. Практически мы видим сочетание трех факторов: безжалостность по отношению к людям другого языка и культуры (религии); безвыходность в захвате материальных ресурсов для армии и/или племени, движущегося по пространству вдаль от исходных мест обитания; представление захватчиков о том, что «завтра будет другая жертва». Сочетание этих ограничений на рациональное использований уже созданных «активов» и отбрасывает назад развитие народов на пути армий и племен.

Вопрос в том, меняли ли кочевые захватчики свою роль на «стационарных бандитов» Манкура Олсона. Ведь мигранты могли освоить территорию рядом с существующим населением, отодвинуть его, наконец, навязать себя в качестве элиты и собирать налоги. В общем, на окончании пути от восточно-азиатских степей к Причерноморским степям — Австрии — Италии и Балканам мы видим несколько вариантов. Болгарские племена захватили территорию, но в конечном итоге смешались со славянским населением; мадьяры стали феодальной элитой; гунны просуществовали «внутри и рядом» со старыми римскими провинциями; Золотая Орда освоила, поглотив половцев, волжские и донские степи; а в дальнейшем татары расположились в Крыму и Причерноморье, вытеснив генуэзцев и греков. Это позволило Руси (помимо соглашений) отойти на север в лесные пространства и сохранить идентичность, хотя с понятными задержками в развитии.

До принятия иммигрантами христианства или ислама мы практически не видим массового собственного градостроительства или значительного развития культуры за пределами традиционного этноса или колоний со «своими» колонистами. Соседствующие или подконтрольные оседлые племена обеспечивали кочевые племена соответствующими товарами посредством торговли или более или менее регулярных набегов. Кочевые империи использовали ранее созданные активы и потребляли доходы до тех

пор, пока их элиты сохраняли военно-политический контроль над захваченными территориями и населением[4].

История завоеваний Чингисхана и его потомков: Чагатая (Средняя Азия), Бату (Золотая Орда), Хубилая (Китай), Хулегу (Персия и Ирак) и других, показывает масштабы воздействия самой крупной империи кочевого происхождения Азии и мира. Монголы практически ликвидировали сопротивление прежних элит, военные слои общества, разорили столько стран, что одним безопасным торговым путем, даже «шелковым», трудно определить чисто экономический эффект завоеваний для мира (не для завоевателей, конечно). Но они перераспределяли ученых и ремесленников между собой — в частности, насильно перемещенные персидские ученые привезли математический «0» в Китай (некий плюс в КПД).

Чингизиды перекроили карту Азии и Восточной Европы, превратили торговые тракты во внутренние дороги империи. Тем, кто пережил разгром от кочевой империи, стало легче торговать. Мы никогда не узнаем, как шло бы развитие Евразии, если бы в начале XIII в. очередные проблемы кочевников в Великой Степи (перенаселение ли, похолодание ли, усиление конфликтов ли) не взялся решать харизматический военный гений Чингисхан. Снисходительное к прошлому — особенно к своему — образованное человечество скорее восхищается Чингисханом и Наполеонам, не ленится пересчитывать позитивные элементы в последующем развитии мира, независимо от человеческой цены этих перемен. Потери от «фактического» хода истории против условно «инерционного» также трудно подсчитать, как потери от колониального владычества европейцев — не вполне понятно, от чего отсчитывать. Адам Смит цитирует монаха Плано Карпино, посетившего Каракорум. Его кочевники постоянно спрашивали об овцах и коровах во Франции на предмет того, стоит ли эту страну завоевывать, а не о золоте, как через два с половиной века испанцы спрашивали индейцев в Америке (Смит, 2007, с. 420).

В империи монголов сложилось несколько гибридных форм интеграции и извлечения ренты «стационарного бандита» — в Китае Хубилая шла «интеграция сверху» захват роли (слоя) элит или даже «элит плюс», как у викингов, турок, болгар, мадьяр или диодохов Александра Македонского. В качестве императора Китая недавний вождь кочевников затевает реформы, проводbт значительные институциональные преобразования, которые историки регистрируют современными терминами. Монголы гарантируют права земельных собственников, снижают налоги, улучшают дороги и коммуникации, снижают число видов преступлений, караемых

[4] Можно предположить, что норманнские вожди и элиты «из драккаров» в странах Европы охватывали меньшие территории, более рационально относились к активам и быстрее переходили к «стационарным» режимам эксплуатации контролируемого населения, чем их кочевые аналоги.

смертной казнью и т.п. (Weatherford, 2004, p. 200). К этим временам относится развитие торговли вдоль шелкового пути, причем именно как встречные потоки: шелк везли на Запад, коней перегоняли на Восток (Beckwith, 2009, p. 22). Разумеется, торговля не сводилась к этим ключевым товарам, а охватывала в течение веков массу товаров, но также и знаний. Напомним, что дорожная сеть, поддерживаемая империей персов, длиной в 1600 миль, шла от побережья Малой Азии до Вавилона, Суз и Персеполиса и преодолевалась за неделю (Франкопан, 2018, с. 19).

Эти весьма удачные приобретения кочевниками территории, активов, культуры относительно развитых стран, видимо, превосходили по доходам эксплуатацию более простую. Последняя осталась в примитивной форме «даней — выходов», которые Золотая Орда собирала с Руси, менее богатой, чем Персия и Китай. Заметим, что спустя века восточно-европейские кочевые образования, оставались в кочевой модальности. Созданные ими центры так и не стали в доисламский период значительными культурными центрами, оставаясь трудными соседями для оседлых государств.

Выигравшей или «материально заинтересованной» стороной в империи, помимо самих чингизидов и военной элиты, стали, конечно, массы мелких военных офицеров и чиновников, которые на завоеванных территориях формировали бюрократию. Наверное, выжившие в походах (например, при неудачах атак на Японию) «солдатские массы» тоже что-то награбили. Однако все это «продовольствие и добро» не превращалось в долгосрочную материальную и человеческую инфраструктуру. Сложное сосуществование Руси со степными образованиями в конечном итоге веками тормозило развитие обеих сторон: оседлые были лишены ресурсов развития из-за дани и военных расходов (особенно от ежегодного отвлечения дворян и армии на южные рубежи); кочевники получали ренту сверх степного хозяйства.

Судьба же самой общемонгольской империи оказалась на редкость короткой и простой — великим монгольским государям не нужен был удаленный центр, а своей военно-материальной базы у нее не было. Больше того, центр монгольской империи мешал соседу Хубилаю сконцентрироваться на интеграции себя, своих потомков (и даже предков) в китайскую традицию. Он перенес столицу в Пекин (1263 г.) и «ликвидировал» Каракорум (Man, 2007, p. 146). Так что «большая» империя распалась на улусы и последовала в небытие вслед за другими империями со слишком растянутыми внутренними коммуникациями, слишком сильными составляющими и слишком длинными границами. В отличие от империй Персии кочевой этап монгольского контроля не оставил масштабных реинвестиций собранной с данников ренты во что-то материально осязаемое и выделяемое духовное.

Монголам не удалось покорить Европу сходу, и они отказались от продолжения попыток. Они смогли победить и разграбить мусульманские

страны, постепенно переходя к «стационарной» эксплуатации. Но Султан Бейбарс остановил их в Леванте и Египте. Славянам пришлось отказаться от развития на плодородных землях Юга Восточной Европы до XVIII в. Исключительно высокие «военные издержки» и рента Орде привели естественно, к экономическому отставанию Руси от Западной Европы.

Мы не можем просчитать альтернативный вариант развития Евразии без «Чингизхана и чингизидов», а Руси без «Батыева нашествия». Это так же трудно, как рассчитать историю Америк и Африки без колонизаторов. Разрушения при завоевании, потери человеческого капитала при ежегодном захвате в полон, и полноценные армии, выставляемые на южных границах Руси для защиты от кочевников. Все это веками сжимало возможности реинвестиций как в инфраструктуру и урбанизацию, так и в образование и технологии. По правде сказать, удивительно не отставание Руси от Европы, а сохранение все же прослойки образованных людей, понимание элитой Руси геополитической ситуации и потом ее быстрое догоняющее развитие.

Размышление 5. Свойства императоров и цикл жизни империй

Роль императора в империях не переоценишь при всем желании, но она всегда тяжелая и редко благодарная. Работа Плутарха относится к объектам анализа — цезарям — как личностям и государственным деятелям. Нам важнее экстрагировать тот минимум понимания роли Государя Императора, который важен для создания, жизни и борьбы за спасение империи. При создании империи он, обычно лидер ведущего в регионе большого и воинственного племени, принимает основные решения. Он опирается на традиции своего племени и мобилизуют его на борьбу за контроль своего пространства и расширение власти внутри традиционного ареала (возможно, ядра империи в прошлом). Это условно можно назвать «персидским вариантом», кочевые империи схожи харизматическими лидерами и необходимостью миграции или обороны своих угодий. Обожествление — как в Риме — не сразу. Новая книга выдающегося историка Доминика Ливена «В Тени Богов. Императоры в мировой истории» (Ливен, 2024) дает глубокий и обширный анализ проблемы императоров и их истории, далеко за пределы нашего небольшого размышления.

Для нас важны социально-экономические аспекты жизни империй и императоров. Опора императора — армия и бюрократия, их и тасуют... Армии — несколько процентов населения — легче рекрутировать, содержать и мотивировать с использованием военной добычи. И обязательно нужна гвардия, «преторианцы» («бессмертные» — потом янычары, швейцарцы...), постоянный контингент, столичный гарнизон, полицейские силы для контроля над внутренними делами. Добыча нужна

(желательно ежегодно) поскольку трудно жить на налоги на подданных за землю (от урожая), подушный и прочие, особенно с завоеванных провинций (и кормить своих граждан помимо государства). Империи обычно стремятся контролировать жизнь общества (Египет, Инки, Византия). От императора зависят дела не только экономические и политические, но религиозные. Его вкус обычно определяет характер архитектуры, приоритеты в строительных проектах.

Императоры строят дворцы, храмы, дороги и каналы. Но помимо врагов внешних и внутренних у императоров много проблем с финансами и надежностью информации. Им нужны переписи и упорядоченный сбор налогов. Императорам помимо харизмы нужна эффективность управления, поскольку у них типично: разнородность обществ, покоренных наций, большие расстояния до провинций, и ненадежные местные власти...

КПД империй для последующего человеческого развития (в частности достижения науки, искусства) во многом зависели от качества управления, длительности существования и характера «окончания» функционирования (катастрофа или адаптация). Внутренние причины и внешние враги подрывали империи, но этот «Сизифов труд» возобновлялся. Гибель империй и гибель стран при создании империй отбрасывал человечество в развитии, но многие достижения науки, духовной жизни и материальные активы сохранялись и использовались впоследствии.

Императоры обычно имеют проблему подбора наследника — хорошего, живучего, устойчивого к болезням, причем появляющегося не слишком поздно и не раньше времени. Так что длительность существования империй очень зависит от дел семейных. А вот утрата устойчивости империй идет от внутренних финансовых проблем, затяжных засух, мятежей, заговоров и ударов кочевников или конкурирующих империй. Римская империя, казалось, управлялась с выборными консулами, но все же перешла к Цезарям, а потом при всей своей былой военной мощи утратила «ядро» и была смята. Ее имперский цикл оказался дольше большинства, но конец был грандиозной катастрофой европейской цивилизации. Спасибо, Византия спасла многое!

Размышление 6. Память потомков решает судьбу империй

«Заблуждения, заключающие в себе некоторую долю правды, — самые опасные».

Адам Смит

Имперская история, разумеется, радикально делится в наше время между странами, которые были центрами империй и остальными (но выжили). Нам несколько легче говорить об очень давних империях, чем империях, начиная с Византии, Карла Великого и исламских завоеваний.

Египет, Греция, Иран, Греция, Италия, Монголия, Китай, Индия помнят свои древние империи. Мавры, германцы и викинги помнят свои завоевания первого тысячелетия нашей эры. Хазар, гуннов больше нет и их помнить некому, кроме историков. Всем остальным приходится довольствоваться имперскими воспоминаниями второго тысячелетия. Европейских колонизаторов — христиан — на удивление было больше всего, но об этом в другой раз.

Элиты постимперских стран (за малым исключением) помнят свои территории, славу и заслуги, но не издержки контроля и потери. Большинство прошлых империй имеет или ставит памятники основателям и героям, особенно завоевателям... Постимперские страны не особенно любят в своей истории (и культурных кодах) воспоминания о странах и племенах, которых они убрали с арены, но хорошо помнят соперничающих с ними соседей и империи — конкуренты. Империи часто ликвидировали память и элиты завоеванных стран. Рим не оставил ничего от этрусков и Карфагена, европейцы сознательно ликвидировали элиты ацтеков, инков и африканских государств. Судьба Александрийской библиотеки остается очень темной. Зеркально, элиты ранее зависимых стран минимизируют позитивные аспекты пребывания внутри империй, выбирают наиболее героические и драматические периоды и эпизоды сопротивления для формирования национальных культурных кодов.

Кто хранит, создает и переносит коды — это функция политических и интеллектуальных элит, воплощенная в истории, литературе, религиозных материалах, искусстве и литературе, проводимая через школьное образование, университеты, народные сказания или через специальные институты (армия). Создают культурные коды народы, но формулируют и закрепляют цари и жрецы, потом все это воплощается в мифы, песни, ритуалы... переносят коды семьи, общины, школы — и теперь в сети. Это проблема мультидисциплинарная, но «решаемая»: хранит народ (интеллигенция — гражданское общество), а устанавливает, пытается формировать и модифицировать — элита! В конечном итоге для длительного существования памяти (и респекта) к событиям и типу поведения и мышления нужно как минимум соответствующее образование детей.

Возможно, стоит ввести в оборот минимальный уровень памяти, который есть у основной массы населения, в памяти у учителей особенно. Ее используют элиты, особенно в драматические периоды жизни наций, когда необходимо вызвать культурные коды прошлого, иногда это делают иные слои (а потом переходят в элиты). Большая проблема, разумеется, возникает сегодня у стран или точнее элит, у которых в истории страны не было имперского периода. Возникает соблазн создать такой или иной героический период в своей истории, или же драматизировать условиях и беды от пребывания своих предков (иногда выдуманных) в составе тех или иных империй прошлого.

Смена культурных кодов сверху наблюдается в мире через захват школьного образования под определенный дискурс, плюс ликвидация диалога, плюс административные ограничения оппонентов. Устойчивость отдаленных кодов остается в детской, исторической и героической литературе, которая отражает историю наций. Нации с большими «пустотами» (длительными периодами без драмы или зависимостью от других) сосредотачиваются, т.е. элиты «выбирают», «интересные» моменты.

Элиты постимперских стран очень верят в полезность совместного существования, создания инфраструктуры, образования и проч. Проблема в том, что хотя это объективно верно, но недоказуемо на субъективном уровне другим элитам у потомков. Народная память и историко-литературные произведения, выработанные в периоды существования (процветания) империй древности и последующая их мифологизация, во многом определяют культурные коды многих стран, особенно «имперских» народов или наоборот наций, сражавшихся с империями или освободившихся от империалистической зависимости. Так что элиты в наше время стремятся подобрать исторический отрезок прошлого для своих актуальных нужд.

Соответственно, определения и роли империй прошлого, как и их характеристики, пытаются навязать миру заинтересованные современные элиты, активно конфликтующие между собой сейчас сквозь время и пространство прошлого. В любом случае Цинь Шихуан, Канишка, Хосров Великий, Рамзес Великий, Перикл, Александр Македонский, Октавиан Август, Чингизхан и Хубилай были выдающимися государственными деятелями. И да простят нас те великие, кого мы не упомянули подобающим образом!

Заключение. Империи древности имеют значение

Империи древнего мира появлялись с помощью харизматических лидеров, или постепенно наращивая силы племен ли городов. Кочевники изредка переходили от грабежа к «стационарной» эксплуатации. Оседлые (аграрные) империи пытались освоить пространство народов дорогами, ирригацией, установлением бюрократии с письменностью и единым языком коммуникаций. Огромными были усилия при создании империй. Концентрация ресурсов на градостроительстве и инфраструктуре, дворцах и роскоши подвигали человечество к более высокой культуре, технологиям, образованию. **Империи древности — это периоды накопления и (неравномерного) использования ресурсов развития между двумя катастрофами — созданием и гибелью империй**.

КПД империй ретроспективно определяется с огромной долей субъективизма наблюдателя: считает ли историк народы бенифициарами на стороне достижений, которые имели место быть в более устойчивые пери-

оды жизни империй. Или же он сосредотачивается на тяжелых издержках создания и гибели империй. Несколько раз на рассматриваемом нами периоде происходили разгромы цивилизаций: «темные века» после разгрома Микен; гибель цивилизаций при расширении Рима; гибель цивилизаций при пробивании «шелкового пути» и гибель римского мира (хотя КПД Рима все же высок). Но человечество вряд ли хочет признать всю свою «имперскую историю» неудачей — многое удалось сохранить для тех, кто пережил тяжелые времена! Империи — грубое орудие истории — имели смысл в экономическом развитии мира, они были удивительно разные и мы живем – среди всего прочего — и их наследием.

Список литературы

Бирд, М. (2018). *SPQR История Древнего Рима*. М. : АНФ. https://doi.org/10.1111/hith.12050

Брауэр, Ю., & Вантуйль, Х. (2016). *Замки, Битвы, Бомбы*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Бродель, Ф. (2006). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв*. М.: Весь мир

Брэдфордб Э. (2023). *Борьба Великих Государств Средиземноморья за мировой господство*. М.: Центрполиграф.

Гаспаров, М. (2023). *Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре*. СПб.: Азбука-Аттикус.

Григорьев, Л. (2023). Петр Первый — царь догоняющего развития. *Вестник МГУ. Серия 6. Экономика*, *2*. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2

Громов, А. Б., & Табан, С. Н. (2017). *Персия. История неоткрытой страны*. М.: Садра.

Каплан, Р. (2017). *Месть географии*. М.: КоЛибри. *https://doi.org/*10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-48-58

Ливен, Д. (2024). *В Тени Богов. Императоры в мировой истории*. М.: АСТ. https://doi.org/10.31857/S2949124X23020177

Мэддисон, А. (2012). *Контуры мировой экономики 1–2030.* М.: Изд-во Института Гайдара. https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2008.00436_33.x

Норт, Д. Структура и изменения в экономической истории. https://doi.org/10.1177/003232928201100416

Норт, Д. Институты и экономический рост. Историческое введение. https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2

Сайкс, П. (2021). *История Афганистана*. М.: Центрполиграф. https://doi.org/10.4324/9781315828107

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226763750.001.0001

Тойнби, А. Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: Астрель.

Франкопан, П. (2018). *Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*. М.: Эксмо.

Baldwin, R. (2016). *The Great Convergence*. Harvard Un. Press. https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1644736

Beckwith, C. I. (2009). *Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from Bronze Age to the Present*. Princeton Un. Press, UK. https://doi.org/10.2307/23044587

Broadberry, S. (2016). *When and how did the Great Divergence Begin?* Nuffield College, Oxford.

Chua, A. (2007). *Day of Empire*. NY: Anchor Books. https://doi.org/10.1080/13537110802701013

De Callatay, F. (1989).L,es résors achéménides et les momayages d'Aiexandre : espèces imobilisées et espèces circulmtes?, *L'or perse et l'histoire grecque. Revue des etudes Anciennes*, *XCI*(1-2), 256–278.

Huntington, S. P. (2002). *The Clash of Civilizations and the remaking of world order*. London: The three press. https://doi.org/10.2307/2648036

Koot, G. (2013). *The Great Divergence: Explaining why Asian economic growth lagged behind European growth, 1500–1870.*

Man, J. (2006). *Kublai Khan. The Mongol King who remade China*. London: Bantam

Not: Global Economic Divergence, 1600–1850.(2012). https://doi.org/10.1017/CBO9780511993398

Pagden, A. (2008). *Worlds at War. 2500-Year Struggle East & West*. NY: Oxford Un. Press. https://doi.org/10.1215/0961754x-2009-039

Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. https://doi.org/10.2307/j.ctt7sv80.1

Nationalizing Empires. (2015). Edited Stefan Berger and Alexei Miller, CEU press, Budapest – New York. https://doi.org/10.1515/9789633860175

Scheidel, W. *The Great Leveler. Violence and Inequality from the stone age till the twenty-first century*. https://doi.org/10.1093/icon/moy105

Sen, A. (2006). *Identity and Violence. The illusion of Destiny*. NY: W. W. Norton & Company. https://doi.org/10.1080/19472490903387282

Vries, P. – *Challenges, (Non-)Responses, and Politics: A Review of Prasannan Parthasarathi, "Why Europe Grew Rich and Rich and Asia Did*". https://doi.org/10.2307/23320190

Weatherford, J. (2004). *Genghis Khan and Making of the Modern World*. NY: Three Rivers Press. https://doi.org/10.26153/tsw/9393

White, L. A. (2007_. *The Evolution of Culture. The Development of Civilization to the Fall of Rome*. Walnut Creek, Left Coast Press. https://doi.org/10.4324/9781315418575

References

Beard, M. (2018). SPQR History of Ancient Rome. Moscow: ANF. https://doi.org/10.1111/hith.12050

Brauer, J., & Vantuil, H. (2016). Castles, Battles, Bombs. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Braudel, F. (2006). Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th–18th Centuries. Moscow: Ves' Mir

Bradford, E. (2023). The Struggle of the Great Mediterranean States for World Domination. Moscow: Tsentrpoligraf.

Gasparov, M. (2023). Entertaining Greece: Stories about Ancient Greek Culture. St. Petersburg: Azbuka-Atticus.

Grigoriev, L. (2023). Peter the Great — the Tsar of Catch-Up Development. Moscow State University Bulletin. Series 6. Economics, 2. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-2-2

Gromov, A. B., & Taban, S. N. (2017). Persia. History of the Undiscovered Country. Moscow: Sadra.

Kaplan, R. (2017). The Revenge of Geography. Moscow: KoLibri. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-48-58

Lieven, D. (2024). In the Shadow of the Gods. Emperors in World History. Moscow: AST. https://doi.org/10.31857/S2949124X23020177

Maddison, A. (2012). Contours of the World Economy 1–2030. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. https://doi.org/10.1111/j.1468-0289.2008.00436_33.x

North, D. Structure and Change in Economic History. https://doi.org/10.1177/003232928201100416

North, D. Institutions and Economic Growth. Historical Introduction. https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2

Sykes, P. (2021). History of Afghanistan. Moscow: Centerpoligraf. https://doi.org/10.4324/9781315828107

Smith, A. (2007). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. M.: Eksmo. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226763750.001.0001

Toynbee, A. J. (2011). Civilization before the court of history. The world and the West. M.: Astrel.

Frankopan, P. (2018). The Silk Road. The road of fabrics, slaves, ideas and religions. M.: Eksmo.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Вольчик[1]
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)
Е. В. Фурса[2]
Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

УДК: 330.83, 330.88, 338.22
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10

ТЕОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОТ АДАМА СМИТА ДО ЭСТЕР ДЮФЛО[3]

Цель данной статьи заключается в анализе роли идеологических концептов и установок в экономической науке, которые присутствуют в явной или неявной форме. Предметом статьи выступает идеология и ее влияние на экономическую науку, которая традиционно рассматривается как объективная и независимая от субъективных идеологических установок. Вместе с тем экономисты формулируют идеологические концепты, находящие отражение в общественно-политической и социально-экономической жизни и, в свою очередь, сами находятся под влиянием аналогичных идей. Теоретический анализ роли идеологических концептов и установок в экономических исследованиях показал, что в экономической науке идеология может присутствовать в явной или неявной форме и оказывать влияние на образ мышления экономистов и на разработку мер экономической политики. Авторы исследуют идеологическую составляющую процесса выбора теоретических предпосылок в экономических науках в рамках теории Д. Норта, который определяет идеологию через наличие трех компонент: 1) группы индивидов; 2) ментальные модели, которые используют индивиды; 3) то, как через эти ментальные модели формируется позитивное и нормативное знание об окружающем мире, в частности об экономике. На основании нортовского подхода к идеологии в статье были выделены в качестве доминирующих экономических идеологий распространенные теоретические нарративы, которые отражают большую часть актуальных социально-экономических взаимодействий: неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь и экологизм. Принятие в явном виде предпосылки о важности идеологии в позитивной и нормативной экономике позволяет направить усилия на проведение исследований и дискуссий о содержании и влиянии тех или иных

[1] Вольчик Вячеслав Витальевич — д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Южный федеральный университет; e-mail: volchik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0027-3442.

[2] Фурса Елена Владимировна — к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Южный федеральный университет; e-mail: efursa@sfedu.ru, ORCID: 0000-0001-7295-9876.

[3] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, https://rscf.ru/project/24-18-00665/ «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

© Вольчик Вячеслав Витальевич, 2024 CC BY-NC
© Фурса Елена Владимировна, 2024 CC BY-NC

идеологических установок на развитие самой науки и того, как идеологизированные теории экономистов оказывают влияние на эволюцию хозяйственных порядков.

Ключевые слова: идеология, экономическая наука, теория, позитивная экономика, нормативная экономика, ментальные модели, научные школы, нарративы.

Цитировать статью: Вольчик, В. В., & Фурса, Е. В. (2024). Теория и идеология в экономической науке: от Адама Смита до Эстер Дюфло. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 161–186. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10.

V. V. Volchik
Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
E. V. Fursa
Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)
JEL: B20, B31, B40,

THEORY AND IDEOLOGY IN ECONOMICS: FROM ADAM SMITH TO ESTHER DUFLO[4]

The article examines the role of ideological concepts and attitudes in economic science present in explicit or implicit forms. The article scope is ideology and its impact on economic science, which is traditionally considered as objective and independent from subjective ideological attitudes. Economists formulate ideological concepts that are reflected in social, political and socio-economic life and, in turn, are influenced by similar ideas. Theoretical analysis of the role of ideological concepts and attitudes in economic research has shown that in economic science ideology can be present in explicit or implicit forms and can influence economists' mindset and development of economic policies. The authors explore the ideological component of the process of choosing theoretical prerequisites in economic sciences within the framework of D. North's theory, which defines ideology through the presence of three components: (1) groups of individuals; (2) mental models that individuals use; (3) the way positive and normative knowledge on the world around, economy in particular, is formed through these mental models. Based on D. North's approach to ideology, the article identifies widespread theoretical narratives as the dominant economic ideologies, which reflect the entire spectrum of relevant socio-economic interactions: neoliberalism, socialism, dirigism, a special path and environmentalism. The explicit acceptance of the premise of the importance of ideology in a positive and normative economy allows us to direct efforts to research and discuss the content and influence of certain ideological attitudes on the development of science itself and how the ideologized theories of economists influence the evolution of economic orders.

Keywords: ideology, economics, theory, positive economics, normative economics, mental models, scientific schools, narratives.

[4] This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/ "Ideological landscape of Russian economic science" at Southern Federal University.

To cite this document: Volchik, V. V., & Fursa, E. V. (2024). Theory and ideology in economics: from Adam Smith to Esther Duflo. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 161–186. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-10

Становление экономической науки как отдельной области знания связано с именем Адама Смита. Парадоксально, что именно А. Смит является одним из экономистов, которые ассоциируются с идеологическими течениями в экономике. Он одним из первых, наряду с У. Робертсоном, стал использовать в качестве политического термина слово «либеральный», вирусность которого стала быстро распространяться в научном сообществе (Капелюшников, 2016, с. 331). А. Смит был первым кто заложил либеральную идеологическую традицию. Либеральный аналитический (теоретический) нарратив в экономической науке тесно связан с работами и теоретическими концептами А. Смита в работах «Исследование о природе и причинах богатства народов» и «Теория нравственных чувств» (Смит, 1962; Смит, 1997).

Его теоретические концепты базировались на идеологических нарративах о разделении труда и свободе торговли, кроме того, работы А. Смита связывают с моделью «экономического человека», которая легла в основу различных либеральных и неолиберальных концепций. Однако, по мнению ряда исследователей, в работах А. Смита не содержится в явном виде четкого описания понятия и модели «экономический человек» (Автономов, 1993; Чаплыгина, 2015, с. 16). Как отмечает И. Г. Чаплыгина, Адам Смит только выдвигает тезисы, которые можно представить, как «теорию координации наиболее эффективной стратегии поведения людей с целью получения индивидуальной выгоды от сотрудничества в условиях широких хозяйственных связей» (Чаплыгина, 2015, с. 21).

С именем А. Смита связана также метафора «невидимой руки», которая ясно и логично объясняет действие рыночных сил в плане экономической эффективности и удовлетворения интересов производителей и покупателей. Интересно, что в фундаментальном труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» концепт «невидимая рука» упоминается всего один раз (Смит, 1962, с. 332), но это не помешало впоследствии его широкому распространению в либеральной и неолиберальной идеологии. В экономическом сообществе до сих пор ведутся научные дискуссии о том значении, которое вкладывал А. Смит в это понятие, варьируя от телеологического или провиденциального смысла до риторического приема (Harrison, 2011, p. 29). В частности, В. С. Автономов и А. В. Белянин отмечают, что действие принципа «невидимой руки» «обеспечивается бесчисленными индивидами, которые стремятся удовлетворить свой собственный интерес, знают в чем именно он заключается и обладают некоторой информа-

цией о том, как обстоят дела в разных отраслях экономики» (Автономов, Белянин, 2011, с. 114).

Как отмечают некоторые исследователи, теории и концепции А. Смита как родоначальника экономического либерализма регулярно используются для обоснования не только либеральной идеологии, но и защиты таких идеологических течений, как радикально-либеральные, нео- или ультралиберальные или даже «либертарианство» (Pfefferkorn). Представители вышеперечисленных направлений интерпретируют тезисы и идеи, содержащиеся в «Теории нравственных чувств» и «Исследовании о природе и причинах богатства народов», придавая им противоположный смысл (Pfefferkorn, 2005, p. 145). Так, например, Амартия Сен в своей статье об А. Смите, отмечает упрощенные позиции некоторых исследователей, которые вырывают фразы из контекста научных работ А. Смита, используют их как лозунги для защиты собственных позиций и политических решений (Sen, p. 110–111).

Также в последние десятилетия А. Смиту приписывают теории, которые были развиты гораздо позже. Так, например, знаменитой метафоре о «невидимой руке рынка» определенные исследователи приписывают концепцию саморегулирующегося рынка (система, стремящаяся к общему равновесию), которая была сформулирована Л. Вальрасом только в конце XIX в. и нашла дальнейшее развитие в трудах маржиналистов и неоклассиков (Pfefferkorn, 2005, p. 147). По мнению А. Сена, концепции либеральной идеологии А. Смит больше всего страдают от чрезмерного упрощения и искажения в пользу научных и политических позиций других исследователей, которые сильно отличаются от авторских (Sen, 2002, p. 117).

Современная экономическая теория, по мнению самих экономистов, больше всего приближается к идеалам «настоящей науки». Одним из первых обратил внимание на различные составляющие политической экономии или экономической теории Джон Невилл Кейнс. Именно с его подачи в дальнейшем получила распространение классификация, согласно которой экономическая наука может рассматриваться как позитивная, нормативная (регулятивная) и как искусство (Кейнс, 1899, с. 26). Именно с цитаты из работы Дж. Н. Кейнса начинается знаменитая статья Милтона Фридмена «Методология позитивной экономической науки (Фридмен, 1993, с 20). Впервые статья М. Фридмена вышла на языке оригинала в 1953 г. В это время происходили процессы, связанные с распространением математического моделирования, повсеместного использования эконометрики в экономической теории. И действительно использование математики позволяет значительно продвинуться в работе с различными экономическими данными, развивать планирование и прогнозирование, а также способствует коммуникации между различными научными школами и течениями в экономической мысли.

Движение в сторону научности и открытия «объективных экономических законов» привело к тому, что фактически в рамках мейнстрима господствовало убеждение, что «настоящая экономическая наука» свободна от идеологии. Однако такая точка зрения периодически оспаривалась гетеродоксальными экономистами и в частности, представителями оригинального институционализма. Так, известный оригинальный институционалист Уоррен Сэмюэлс отмечал: «Существует широко распространенное мнение, что некоторая часть экономической теории свободна от идеологии и полезна для объяснения любой экономической системы, не подвергая ее скрытой критике или рационализации. Однако экономисты не пришли к согласию относительно того, какая часть настолько свободна от идеологии или какие условия регулируют ее свободу» (Samuels, 1992, p. 239). Например, подчеркнутая технократичность рыночного фундаментализма не делает его свободным от идеологического влияния безотносительно положительных или отрицательных коннотаций в контексте теоретических нарративов о «невидимой руке» или «доктрине Фридмана» (Аджемоглу, Джонсон, 2024, с. 241–245).

Сам концепт идеологии в данной работе рассматривается в духе известного определения Д. Норта: «Идеологии — это имеющиеся у групп индивидов общие рамки ментальных моделей, которые обеспечивают как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» (North, 1994, p. 363). В определении Д. Норта ключевое значение имеет наличие трех компонент: 1) группы индивидов; 2) ментальные модели, которые используют индивиды; 3) как через эти ментальные модели формируется позитивное и нормативное знание об окружающем мире, в частности об экономике.

Важность исследования идеологий в экономической науке обусловлена, прежде всего, в выявлении идеологических концепций, методологии и в целом теоретических оснований того или иного научного направления или школы. Уход от анализа идеологий в сторону «настоящей» науки в случае социальных наук вряд ли возможен, если учитывать саму природу социально-гуманитарного знания и его укорененность в истории и институтах. Поэтому цель данной статьи заключается в анализе роли идеологических концептов и установок в экономической науке и влияние идеологии на формирование исследовательской повестки. В данной статье мы рассматриваем вопросы о том, как экономическая теория связана с проблематикой идеологизированности научного знания и, какую роль идеология играет в современных экономических исследованиях и почему признание в явной форме значимости идеологии в экономической науке актуально.

В первом разделе статьи проводится обзор литературы и анализ генезиса исследования идеологии в экономической науке. Во втором разделе рассматривается влияние идеологии на экономическую науку сквозь призму научных исследований российских и зарубежных ученых. В третьем

разделе статьи представлена гипотеза о наличии пяти доминирующих идеологий в современной российской экономической науке. Выводы по статье сформулированы в заключении.

Генезис исследования идеологии в экономической науке

В экономической науке на протяжении уже более полутора столетий укоренилась точка зрения о примате позитивной экономики над нормативной. И если по отношению к нормативной экономике влияние идеологии считается возможным, то позитивная экономика часто декларируется свободной от идеологии. Более того, исследования теоретического наследия очень разных экономистов, основателей научных школ, таких как Карл Маркс, Людвиг Мизес и Милтон Фридмен, показывают схожесть их попыток «свести научную экономическую теорию к позитивной и их отрицание возможности достижения объективности в нормативной экономике... Это наблюдение заставляет нас подчеркнуть необходимость защиты от того, что мы можем назвать критической ловушкой, которую мы можем обнаружить в работах Бурдье, Фуко и близких к ним ученых. Эта ловушка заключается в попытках выявить явные политические пристрастия экономистов, придавая слишком большое значение этому типу предвзятости и недооценивая роль, которую играют теоретические и эпистемологические допущения в позициях, отстаиваемых экономистами» (Badiei, 2024, p. 310). Поэтому надо иметь в виду, что акцент на идеологической окрашенности нормативных суждений важен, но также важно рассмотрение идеологического влияния на основания различных экономических теорий.

Вопросы идеологизации в экономической науке периодически возникают в истории экономической мысли, но наибольший интерес к данной проблеме наметился после Второй мировой войны в период формирования неоклассической парадигмы, надолго ставшей мейнстримом. В 1949 г. к проблеме идеологии в экономической науке обратился Йозеф Шумпетер. Его основной посыл был сосредоточен на проблеме насколько идеология искажает аналитические процедуры, и он последовательно рассмотрел три кейса на предмет наличия идеологии в учениях Адама Смита, Карла Маркса и Джона Мейнарда Кейнса (Шумпетер, 2012). И хотя само понятие идеологии в экономической науке используется Й. Шумпетером скорее с негативными коннотациями он отмечает их неустранимое присутствие в научных исследованиях экономистов: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется

и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» (Шумпетер, 2012, с. 264).

Для понимания аналитической специфики Й. Шумпетера по отношению к идеологии можно обратить внимание как он рассматривал влияние идеологии на естественные науки. В естественных науках (к идеалу которых должна стремиться экономика) идеология играет очень ограниченную роль: «Даже в математике и логике и в еще большей степени в физике выбор исследователем проблем и подходов к ним, а значит, и образ научной мысли соответствующей эпохи становятся социально обусловленными — именно это мы имеем в виду, когда говорим о научной идеологии, а не о все более совершенном восприятии объективных научных истин. Однако немногие будут отрицать, что в случае логики, математики и физики влияние идеологических предубеждений не идет дальше выбора проблем и подходов, то есть социологическая интерпретация не ставит под сомнение "объективную истинность" научных результатов» (Шумпетер, 2012, с. 251). Социальная обусловленность выбора проблем и образа мысли также характерна и для социальных наук и даже наверно в большей степени, чем для естественных. Однако отнесение Й. Шумпетором идеологии к донаучному когнитивному акту не позволяет в должной мере оценить ее роль в создании эпистемологических оснований социальных наук и экономической, в частности.

Использование самих научных процедур и методов не избавляет нас от влияния идеологии. Сам Й. Шумпетер использует в своем анализе подчеркнуто неэмпирическую и неполитическую ориентацию тем самым применяет свою специфическую идеологию (Shionoya, 2005, p. 154), составлявшую для него эпистемологические основания науки.

Экономическая наука традиционно рассматривается как объективная и независимая от субъективных идеологических установок. Вместе с тем экономисты использовали и используют идеологические концепты, которые находят отражение в общественно-политической и социально-экономической жизни. Наглядным примером может служить влияние идеологических догм марксистской политической экономии на разработку политики, направленной на повышение эффективности советской экономики. Как указывает в своей работе Уоррен Сэмюэлс, направления экономической мысли, а также центральные проблемы экономической науки могут иметь идеологический характер: «Неоклассическая школа, кейнсианство, монетаризм, марксизм и институционализм... все они функционируют как идеология, выступая одновременно в качестве познавательных систем и в качестве выражения систем ценностей... Теория цен, включая теорию предельной полезности, концепция богатства, макроэкономическая теория и теория денег идеологичны насквозь» (Сэмюэлс, 1981, с. 678). Таким образом, идеология может проникать в экономическую науку в разных

формах и различной степени. Согласно подходу Й. Шумпетера обнаружение идеологических составляющих связано с анализом научной процедуры: «Как только мы признаем возможность наличия идеологических предубеждений, становится легко их обнаружить. Все, что надо сделать, – это внимательно рассмотреть научную процедуру. Она начинается с восприятия взаимосвязанных явлений, которые мы намерены анализировать, и заканчивается (на сегодняшний день) созданием научной модели, в которой эти явления концептуализированы, а соотношения между ними точно сформулированы либо как допущения, либо как утверждения (теоремы)» (Шумпетер, 2012, с. 253). Анализ «идеологических элементов» в истории экономической науки, проведенный Шумпетером, позволил ему показать, как «идеологические предубеждения» повлияли на «построение теорий» А. Смитом, К. Марксом и Дж. М. Кейнсом (Шумпетер, 2012, с. 256–261).

Кроме того, важность идеологии в современных экономических исследованиях показана в работе Д. Кляйна, который проанализировал идеологические миграции нобелевских лауреатов по экономике (Klein, 2013a). Автор исследовал идеологический профиль 71 нобелевского лауреата с 1969 по 2012 г. (Klein, 2013b). Были проанализированы изменения идеологических взглядов, мировоззрений и политических суждений каждого лауреата. Д. Кляйн указывает, что лауреаты премии по экономике демонстрируют различные степени идеологической миграции: так, некоторые лауреаты за свою карьеру становятся более классическими либералами, взгляды других, наоборот, сдвигаются в противоположную сторону. Исследование Д. Кляйна не дает ответа в каких конкретно исследованиях или теориях отразилось изменение «восприятия взаимосвязанных явлений», связанное с идеологической миграцией. Однако значительный научный авторитет нобелевских лауреатов может оказывать влияние на формирование «народной экономической теории» и на «дотеоретические представления ученых экономистов», которые связаны с экономической идеологией (Тамбовцев, 2024, с. 20).

В исследованиях экономической идеологии распространен подход, где противопоставляются две идеологии: либеральная рыночная и интервенционистская. Например, А. Дас, И. Хадсон и М. Хадсон, определив наиболее влиятельных экономистов с помощью анализа цитируемости и, изучив их статьи, исследовали, насколько менялась идеология экономической науки между 1960 и 2000 гг. Авторы доказывают, что ученые-экономисты стали за этот период времени склоняться в сторону свободного рынка, удаляясь от интервенционизма (Das et al., 2019).

Известный экономист А. Кламер, исследуя значение риторики в экономической науке, отдельный раздел посвящает роли «идеологии». По его мнению, некоторые разделы экономической теории целиком связаны с пропагандой определенных идей, а не являются частью научного знания (Кламер, 2015). Одновременно обвинения в «идеологизированности»

могут использоваться как риторический прием для борьбы с научными оппонентами и защиты собственных теорий.

В статье М. Зафировского изучается идеология laissez-faire (невмешательства государства в экономику), при этом автор приходит к выводу, что половина экономической науки представляет собой апологетику свободного капитализма (Zafirovski, 2019). Ф. Азеведо и соавторы изучали неолиберальную идеологию, с целью выявить, каким образом во взглядах граждан коррелирует приверженность неолиберализму и социальному консерватизму (Azavedo et al., 2019). Идеологические предпосылки чаще всего не представлены в явном виде, а выступают составной частью конкурирующих экономических теорий. Поэтому понимание и оценка реальности могут зависеть от когнитивных паттернов, воспринятых с используемой теорией. Таким образом, можно сделать вывод, что позитивная теория на этапе принятия фундаментальных предпосылок или «восприятия взаимосвязанных явлений» подвержена идеологическому влиянию.

Очень интересным представляется рассмотрение соотношения науки и идеологии в сравнительной перспективе между гетеродоксальными теориями и мейнстримом. Так, представитель оригинального институционализма Тэ-Хи Джо предлагает следующую классификацию идеологий в экономической науке: «...идеология воспринимается тремя разными способами: а именно, идеология — это ложная и иллюзорная идея, продвигающая определенную политическую или этическую ценность (Идеология I); идеология — система мыслей и представлений относительно общества (Идеология II); и идеология — это абстрактное и идеализированное мировоззрение, продвигаемое с помощью, казалось бы, научного метода (Идеология III, смесь I и II)» (Jo, 2022, p. 237). Согласно классификации Тэ-Хи Джо гетеродоксальные направления рассматривают идеологию в экономической науке как «Идеологию II», а мейнстрим подвержен «Идеологии III».

Идеологическая окрашенность работ гетеродоксальных и ортодоксальных экономистов может носить различный характер. Поэтому связывать гетеродоксальных экономистов исключительно с левыми идеологическими течениями неправильно (Тамбовцев, 2024, с. 14). Обширные эмпирические исследования взглядов неортодоксальных экономистов, принадлежащих к различным школам, показали, что они могут быть приверженцами различных идеологий, но независимо от идеологической позиции их объединяет подчеркнутое внимание к проблеме власти и властных отношений (Mearman et al., 2023).

В экономической науке идеология присутствует в явной и неявной формах и оказывает влияние на образ мышления экономистов и на разработку мер экономической политики. Так, Д. Макклоски в своих исследованиях показывает, как идеи и идеология капитализма сформировала современный мир (McCloskey, 2006; 2010; 2016). Критикуя крайне левые

и крайне правые идеологии, Макклоски доказывает необходимость следования не неолиберальной, а капиталистической идеологии, где человек не сводится к «вычислительной машине» индивидуальной полезности, автор также рассматривает этические вопросы и задумывается о надындивидуальных ценностях. Именно изменение господствующих этических представлений, по Макклосски, становится источником экономического развития Европы и Северной Америки.

Заслуживает внимания подход к определению роли и места идеологии у нобелевских лауреатов Э. Дюфло и А. Банерджи, которые рассматривают идеологию как явление, выходящее за рамки науки: «Мы, экономисты, слишком часто бываем поглощены своими моделями и методами и иногда забываем, где заканчивается наука и начинается идеология» (Банерджи, Дюфло, 2022, с. 20). В их дискурсе основной идеологический нарратив связан с политикой снижения налогов на богатых, которая не приводит к экономическому росту и не создает стимулов для повышения производительности. Поэтому они разделяют экономическую науку на хорошую (не подверженную идеологии) и плохую (подверженную идеологии): «Хорошая экономическая наука возобладала над невежеством и идеологией, обеспечив раздачу обработанных инсектицидами противомоскитных сеток в Африке, а не их продажу, тем самым сократив детскую смертность от малярии более чем наполовину. Плохая экономическая наука поддерживала грандиозное одаривание богатых и сжатие программ социального обеспечения, продавала идею о том, что государство бессильно и коррумпировано, а бедные ленивы, и проложила путь к нынешнему тупику взрывающегося неравенства и разгневанной инертности» (Банерджи, Дюфло, 2022, с. 607).

Влияние идеологии на экономическую науку

Некоторые научные особенности российского экономического сообщества традиционно связаны с идеологическими факторами, существовавшими при советской власти, которая декларировала в качестве теоретической и практической базы исследования для российских ученых марксистскую политическую экономию, насквозь пронизанную идеологическими элементами. В последующие 30 лет после начала рыночных реформ российская экономическая наука развивалась под знаком деидеологизации, которая не только критиковала и освобождала от марксистской доктрины, но и отрицала существование любых других идеологических концептов. В результате, в российском экономическом пространстве стала преобладать позитивная экономическая теория и реализовываться либерально-рыночная модель экономического развития. Однако, несмотря на отрицание и критику идеологии со стороны ряда российских экономистов, идеология продолжает в неявном виде влиять на развитие

социально-экономической системы, исследователи продолжают рассматривать экономику сквозь призму идеологических концептов.

В связи с этим влияние идеологии в российской экономической науке оценивается с диаметрально противоположных позиций: с одной, отрицается ее позитивное влияние как ненаучного элемента, а с другой — отмечается важность идеологии, особенно в плане формирования экономического мышления и основы для проведения реформ. Так, академик В. М. Полтерович отмечал связь экономической теории и идеологии именно в плане проведения реформ: «Экономическая теория выполняет весьма важную функцию в жизни общества: она создает идеологию, на базе которой принимаются решения, в частности идеологию реформ. Эта идеология очень существенно, я бы сказал, непосредственно влияет на те шаги, которые проводят правительства в разных странах» (Полтерович, 1998, с. 22). Важность идеологии в экономической науке также рассматривалась сквозь призму формирования экономического мышления и коммуникации между теорией и хозяйственной практикой: «...задача экономической науки по отношению к хозяйственной практике состоит в том, чтобы объяснять неэкономистам происходящие на предприятии, в стране, в мире процессы и изменения (Львов, Клейнер, 1998, с. 10). Здесь используется и внедряется язык экономического мышления, распространяется экономическая идеология, выявляются люди, способные реализовать и донести эту идеологию, рассматриваются варианты решений и их экономические последствия» (Львов, Клейнер, 1998, с. 10).

С. Кирдина-Чэндлер в своей работе исследовала взаимосвязь экономической науки, идеологии и экономического интереса на трех уровнях: индивидуальном, институционально-групповом и социетальном (Кирдина-Чэндлер, 2022). Автор доказывает, что в западных странах, СССР и Китае существовала взаимосвязь между развитием экономической теории, идеологией и экономическими интересами советующих государств. Исследователь полагает, что государственные экономические интересы — один из основных факторов, формирующих направление развития экономической науки в различных государствах.

Важность идеологической составляющей в экономической науке в своих исследованиях отмечают А. М. Орехов и Ф. Н. Ахмедов, которые рассматривают экономическую идеологию как научную парадигму не только для экономической науки, но и для других общественных наук (Орехов, Ахмедов, 2013, с. 93). Экономическая идеология состоит из шести теоретических элементов, таких как экономические теории и гипотезы; псевдонаучное экономическое знание; ценности; эмоции (убеждения); практические ориентиры (алгоритмы действий); образ экономического будущего (Орехов, Ахмедов, 2013, с. 93). При этом экономические теории, гипотезы и предпосылки составляют основу любой экономической идеологии.

Прямое влияние идеологической ориентации современных экономистов на выбор исследовательских проблем, а также теоретические выводы и практические рекомендации для проведения экономической политики отмечает в своей работе Р. И. Капелюшников. Автор, анализируя политические предпочтения экономистов в США, делает вывод о том, что экономическая наука становится все более гомогенной, с преобладание одной доминирующей идеологии, которая может ограничивать научную конкуренцию в экономическом сообществе (Капелюшников, Либман, 2018, с. 26).

Роль идеологии в экономической науке в рамках ортодоксальной и альтернативных экономических теориях исследовали Н. И. Гульбина и Т. Ю. Артибякина. Авторы отмечают значимость идеологической среды в экономических исследованиях, важность ориентации на более широкий подход в области нормативного анализа, но в тоже время отмечают, что интересы определенных социальных групп, их политические пристрастия могут оказывать отрицательное влияние на развитие экономической науки (Гульбина, Артибякина, 2015, с. 38).

Отрицание значения идеологической составляющей в экономической науке проистекало в основном как реакция на долгое доминирование идеологических догм в советской марксисткой политической экономии. В этом контексте деидеологизированной воспринималась экономическая наука, которая опирается на мировые стандарты исследований и фактически является мейнстримом. И если оценивать по критерию признания важности или неважности идеологии, то гетеродоксальные экономические школы в экономической науке обращались к проблеме идеологии чаще, чем представители мейнстрима (Jo, 2022).

В рамках новой институциональной экономической теории подчеркивается связь между институтами и идеологиями. Действительно, институты, как и идеологии способствуют структурированию повторяющихся социальных взаимодействий. Нормативный аспект институтов и идеологий также похож, они формируют правила социальных взаимодействий «правила игры». Но в случае идеологии очень важен позитивный аспект: «По сравнению с неформальными и формальными институтами идеологии являются не правилами игры, а — в позитивной теории — «идеями игры» (Sauerland, 2015, p. 565). И в экономической науке идеология той или иной школы в явной или неявной форме является такой специфической «идеей игры», которая прежде всего связана с формированием восприятия взаимосвязанных явлений.

Уоррен Сэмюэлс, как представитель оригинального институционализма, в своем исследовании «Идеология в экономическом анализе» выделяет основные функции идеологии, которые определяют ее главное предназначение в экономической мысли. Так, идеология помогает объяснить существующие реалии и ценности экономической системы, определяет

рамки для мышления и правила поведения экономических агентов, способствует поддержанию целостности общества, реализует социальный контроль и управление через стандартные нормы и существующий порядок. способствует разрешению конфликтных ситуаций, определяет статус социальных групп и социальные привилегии (Сэмюэлс, 1981, с. 666). Кроме того, Уоррен Сэмюэлс рассматривает идеологию «как систему фильтров, регулирующую нормирование и эволюцию идей и направлений мысли, и ориентирует сам процесс исследования. С учетом всего этого можно утверждать, что идеология направляет и формирует мышление и научный анализ» (Сэмюэлс, 1981, с. 667).

Главный путь проникновения идеологии в экономический анализ, по мнению У. Сэмюэлса, «через основополагающую парадигму (познавательную систему), которая обеспечивает общие рамки для мышления и проникновения в смысл явлений» (Сэмюэлс, 1981, с. 671). Парадигма предопределяет характер исследовательских проблем в отношении характера и источников социальных изменений, прогресса и основ общественного устройства, а также призвана соответствовать системе, так как является ее порождением и обоснованием (Сэмюэлс, 1981, с. 671).

Исследования идеологии в явном виде и ее влияния как на развитие экономической науки, так и на экономические процессы становятся все более актуальными. Важным примером подобных комплексных исследований идеологии является осмысление роли идеологии в политико-экономических преобразованиях в КНР: «Политологи и экономисты должны выйти из своих дисциплинарных окопов и начать работать над единой оценкой роли идеологии. Анализ больше не должен ограничиваться простым сопоставлением политической легитимности и экономической эффективности, поскольку такое стереотипное отношение к идеологии просто неадекватно для отражения динамики китайских реформ – прошлого, настоящего и будущего. Фактически идеология может использоваться для объединения или разделения общества, а также для повышения или снижения экономической эффективности» (Lieber, 2013, p. 346). Именно объединяющая роль идеологии может быть ключевым фактором, определяющим ее важность в теоретическом и практическом аспектах.

В экономическом сообществе существуют значительные разногласия в оценке роли и значимости идеологии в экономической науке. Основываясь на собственном экспертном мнении в выборе зарубежных и российских ученых как значимых представителей экономических школ, авторы проанализировали исследовательскую позицию ученых в отношении роли и значимости идеологии в экономической науке. Проведенный анализ позволил условно разделить российских и зарубежных исследователей на три группы в зависимости от отношения к идеологии в экономических исследованиях (отрицание, критика и признание значимости идеологии) (табл. 1).

Так, была определена первая группа ученых, которые отрицают наличие идеологии в экономической науке или утверждают, что экономические исследования должны быть очищены, нивелированы от идеологических элементов. Они придерживаются, прежде всего, количественных методов анализа и стремятся формализовать экономическую теорию, очистив ее от ценностного подхода.

Вторая группа ученых-экономистов признает наличие идеологических элементов в экономической науке, но критикует их, считая, что экономические исследования становятся перегруженными идеологическими и оценочными суждениями, на экономическую науку влияют политические пристрастия экономистов и интересы определенных социальных групп.

Таблица 1

Роль идеологии в экономической науке сквозь призму научных исследований российских и зарубежных ученых

Отрицание идеологических элементов	Критика идеологии	Признание роли и значимости идеологии
Й. Шумпетер, Л. Роббинсон, М. Блауг, А. Банерджи, Э. Дюфло, М. Блауг, О. Ланге, Ф. Найт и др.	К. Маркс, М. Вебер, Л. Мизес, М. Фридман А. Л. Кудрин, В. А. Мау, Р. И. Капелюшников, А. Кламер, Тэ-Хи Джо, Д. Макклоски, Д. Белл и др.	Д. Норт, У. Сэмюэлс, Дж. Робинсон, Г. Мюрдаль, М. Добб, У. Грамм, Р. Хейлбронер, А. Дас, И. Хадсон, М. Хадсон, В. М. Полтерович, Д. С. Львов, Г. Б. Клейнер, С. Г. Кирдина-Чэндлер, С. Ю. Глазьев, М. С. Мокий, А. В. Бузгалин, А. М. Орехов, Ф. Н. Ахмедов и др.

Источник: составлено авторами.

Третья группа исследователей, наоборот, признает, что идеология оказывает значительное влияние на теоретические предпосылки и гипотезы в экономических исследованиях. Ученые придерживаются мысли, что необходимо разработать «правильные» идеологические предпосылки для экономического анализа.

Анализ показал также, что экономисты не выработали общего подхода в том, что, должны ли экономические исследования быть свободны от идеологии или в какой мере идеология может присутствовать в экономической науке. В контексте социальных факторов экономическое суждение может содержать в себе определенную ценностную ориентацию. Кроме того, даже если «очистить» экономическое исследование от идеологических элементов, есть большой риск их повторного проникновения в экономический анализ в явном или неявном виде. Выбор экономистами

для себя той или иной позиции в оценке роли и значимости идеологии в экономической науке уже носит идеологический характер, если основываться на трактовке идеологии Й. Шумпетера.

Идеологические течения в современной экономической науке

В период после Второй мировой войны начала набирать популярность точка зрения о «конце идеологии». В 1960 г. вышел сборник статей известного социолога и футуролога Даниела Белла «Конец идеологии: об исчерпании политических идей в пятидесятые годы», в которой он констатировал упадок идеологий, возникших в XIX и начале XX в., предсказав, что идеологии в будущем будут технократическими идеями социальной регуляции (Bell, 1960). Однако тенденции, которые исследовал Д. Белл, были скорее связаны с постепенным дрейфом идеологий и идеологической борьбы из явной в неявную форму. В экономической науке также происходили процессы деидеологизации (по крайней мере в рамках мейнстрима) в ходе движения в сторону большего использования математического моделирования и стремления к идеалу научности по примеру естественных наук. В мире академических экономических теорий идеология также стала проникать, но уже преимущественно в неявной и не декларируемой форме. Это привело, с одной стороны, к уходу от реальности в мир конкуренции абстрактных теорий, а с другой — дало очень хороший инструмент для политиков, чтобы обосновывать с помощью «неидеологизированного и объективного научного знания» любые ad hoc меры социально-экономической политики. Поэтому можно говорить о значимом хоть и неявном влиянии идеологии на современные эпистемологические основания социальных наук вообще и экономической в частности: «...в социальных науках все больше доминируют разновидности как политических идеологий, так и форм сциентизма; контакт с реальностью все больше теряется; самые основные проблемы общества не идентифицируются, не говоря уже о том, чтобы адекватно анализировать и предлагать действенные решения. Я не имею в виду, что огромное количество ценных материалов не содержится в огромном потоке публикаций по общественным наукам. Проблема скорее в том, что социальные науки не разработали механизм достижения согласия в отношении того, что является истинным или релевантным» (Hillinger, 2008, p. 56).

В современной экономической науке не следует уходить от вопроса идеологической окрашенности ее теоретических оснований. Идеология присутствует в явном или неявном виде и в «хорошей» и «плохой» экономической науке в терминологии А. Банерджи и Э. Дюфло (Банерджи, Дюфло, 2022). Принятие в явном виде предпосылки о важности идеологии в позитивной и нормативной экономике позволяет направить усилия на проведения исследований и дискуссий о содержании и влиянии тех или

иных идеологических установок на развитие самой науки и того, как идеологизированные теории экономистов оказывают влияние на эволюцию хозяйственных порядков.

В исторической перспективе существуют множество идеологий, которые включены в конкуренцию за влияние благодаря действиям групп интересов. Именно коллективные действия организованных групп людей могут противостоять той или иной идеологии или создавать альтернативные. В экономической науке также наблюдается конкуренция идей.

Существует важный вопрос о том связаны ли теоретические предпосылки с идеологией. Данный вопрос затрагивает крайне важную проблематику о взаимосвязи теоретических предпосылок, с одной стороны, с разработкой экономической политики и стратегии реформ, а с другой, с формированием общественного мнения о том, как должна быть организована экономика. Если исходить из определения идеологии Д. Норта, то важнейшими для идентификации идеологем являются три компонента: 1) группы индивидов; 2) ментальные модели, которые используют индивиды, входящие в эти группы; 3) как через эти ментальные модели формируется позитивное и нормативное знание об окружающем мире, в частности об экономике. Д. Норт охарактеризовал ментальные модели как «внутренние представления, которые индивидуальные когнитивные системы создают для интерпретации окружающей среды» (North, 1994, p. 363). Также важно учитывать, что «ментальные модели передаются посредством коммуникации, а коммуникация позволяет создавать идеологии и институты в процессе совместной эволюции» (Denzau, North, 1994, p. 20). В экономической науке идеологию можно представить, как «меню ментальных моделей», из которого исследователь выбирает ту, которая будет ему комплементарна и, следовательно, такой выбор влияет на «восприятие взаимосвязанных явлений». Кроме того, каждый ученый, начиная свое исследование, присоединяется к какой-либо экономической школе, состоящей из группы ученых, имеющих свои ментальные модели, которыми они объединены. В данном случае ученый, заимствуя эти ментальные модели, будет в дальнейшем их продуцировать. Кроме того, исследователь, имея собственный опыт, интересы, знания, связанные с экономической политикой и транслируя их на теоретические предпосылки в области экономики, тем самым придает им идеологическую окраску. Как отмечает А. А Мальцев в своих работах, подход к исследованиям в истории экономических учений во многом зависит от идеологических склонностей исследователя (Мальцев, 2016). Дискуссии внутри экономической науки находят свое отражение как в экономической политике, так и в общественном дискурсе изменяя способы ведения хозяйственной деятельности (Мальцев, 2019). Поэтому через изучение нарративов экономистов прошлого можно реконструировать истоки современной политики и причины экономических проблем.

Группы индивидов, объединенные теми или иными ментальными моделями, неизбежно вступают в конкуренцию с альтернативными группами, связанными иными ментальными моделями. Например, группы индивидов могут вступать в конкуренцию за различные виды экономических ресурсов. В этом случае одной из стратегий конкуренции различных групп в науке может рассматриваться обвинение противника в идеологизированности и, следовательно, в «ложном сознании», основанном на идеологии (Mannheim, 2013). Поэтому представители общественных наук, которые отстаивают идеалы позитивной науки, так негативно относятся к идеологии, как ненаучному знанию. Наш подход основывается на тезисе, что сам процесс выбора фундаментальных предпосылок в общественных науках идеологически нагружен в нортовском понимании идеологии.

Согласно нашей концепции, специфика общественных наук приводит к тому, что идеологическому влиянию подвержены до-теоретические представления ученых экономистов и связанные с ними теоретические предпосылки. Здесь можно привести аналогию с геномом у живых организмов. Мы можем признавать или не признавать наличие генома, но он существует независимо от нашего мнения. Информация о геноме живого организма может послужить для генной инженерии с помощью, которой, например, можно бороться с болезнями. В случае с идеологией в экономической науке (и в целом в социальных науках), выявляя идеологические составляющие, мы получаем важную информацию, которая может быть использована в позитивном и нормативном плане при исследованиях закономерностей и последствий идеологической экспансии. Идеологию можно представить, так же как гены мышления, из которых складываются ментальные модели. Изучая геном, можно понять к какому виду относится живой организм, структуру его ДНК, а исследуя модель, которая основывается на экономической идеологии, мы понимаем к какой социально-экономической политике и результатам она приводит. Ведь идеологизированные моменты должны частично соотноситься с прагматическими целями развития.

Исследуя роль идеологии в экономической науке, современные экономисты при изучении различных видов идеологий, в большинстве случаев основываются на двух подходах, которые рассматривают экономические идеологии через призму: политических идеологий и господствующих экономический учений (Орехов, Ахмедов, 2013; Белоусов, 2012).

Так, например, А. М. Орехов и Ф. Н. Ахмедов в своем исследовании выделили «экономизированные» версии политических идеологий и идеологии, вытекающие из экономических учений (Орехов, Ахмедов, 2013, с. 92). Среди «экономизированных» версий политических идеологий авторы предложили следующие подгруппы экономический идеологий: праворадикальная (фашистская, расистская и т.п.), консервативная, либеральная, социал-демократическая (социалистическая), леворадикальная

(коммунистическая, анархистская и т.п.) (Орехов, Ахмедов, 2013, с. 92). Среди экономических идеологий в зависимости от доминирующего экономического учения были выделены такие типы, как монетаристская экономическая идеология, неоклассическая, кейнсианская, институционалистская, леворадикальная (марксистская, анархистская и т.п.) (Орехов, Ахмедов, 2013, с. 92).

В данной статье мы отходим от такого традиционного подхода и выделяем в качестве экономических идеологий распространенные теоретические нарративы, которые отражают основной спектр актуальных социально-экономических взаимодействий. Например, у А. Смита тезис о том, что рынок управляется «невидимой рукой» является теоретическим нарративом, который лег в основу классической либеральной концепции.

Таблица 2

Доминирующие идеологии в современной российской экономической науке

	Идеология (идеологический нарратив)	Основная ценность
1	Неолиберализм	Рыночная эффективность
2	Социализм	Равенство и справедливость
3	Дирижизм	Планирование, ведущее к благосостоянию
4	Особый путь	Национальная идентичность
5	Экологизм	Сохранение окружающей среды для потомков

Источник: составлено авторами.

Мы выделяем в качестве гипотезы несколько доминирующих идеологий в современной российской экономической науке, чтобы в дальнейшем на базе анализа корпуса научных текстов за период 1992–2023 гг. проследить эволюцию идеологических нарративов. В основе классификации доминирующих идеологий лежат релевантные ценности, характерные для различных экономических порядков (табл. 2). Данный подход к классификации идеологий через ценности был предложен в работах французского антрополога и социолога Л. Дюмона, впоследствии разработан в трудах антрополога Дж. Роббинса (Robbins, 1994; Robbins, 2007). Именно на основе данного подхода к ценностям в общественных науках была предложена классификация доминирующих идеологий в российской экономической науке. Л. Дюмон подразумевал под идеологией «совокупность идей и ценностей, призванных в данном обществе» (Дюмон, 2000, с. 16). Кроме того, он представлял идеологию как иерархическую систему

ценностей, в основе которой лежит верховная ценность, объединяющая и определяющая другие ценности, и идеи (Dumont, 1980; Казаков, 2023, с. 328). Данная классификация доминирующих идеологий в современной российской экономической науке (неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь, экологизм) не отрицают традиционные классификации идеологий, они могут пересекаться и дополнять друг друга.

Как отмечают большинство российских и зарубежных экономистов, неолиберализм является одной из господствующих идеологий, которая оказывает влияние на все сферы экономической деятельности (Капелюшников, 2022; Turner, 2008). Эта идеология представляет собой новую стадию развития капитализма в современной экономике и опирается на четыре принципа: конкурентный рынок как механизм, обеспечивающий функционирование экономики; сохранение индивидуальных свобод при соблюдении правовых норм государства; нерушимость частной собственности, минимизация роли государства (принцип lassez-faire) (Turner, 2008).

Идеология социализма, несмотря на неоднозначное отношение к нему со стороны научного экономического сообщества на протяжении нескольких веков продолжает оказывать огромное влияние на развитие экономической науки и различных экономических теорий. Невзирая на крах «реального» социализма в СССР и странах Восточной Европы, идеи социализма остаются востребованными и продолжают реализовываться в других странах, образовывая множество других вариантов социализма (исламский, африканский, латиноамериканский и др.), которые неизменно ведут к огосударствлению экономики и социализации экономической жизни (Клисторин, 2015, с. 95). Идеология социализма представляет собой систему ментальных моделей, транслирующие идеи социальной справедливости и социального равенства, достижение которых реализуется через доминирование роли государства и общественной собственности на средства производства. Экономическая идеология социализма связана с построением плановой экономики, в которой экономические ресурсы находятся в государственной или общественной собственности и распределяются в соответствии с централизованным планом. А. В. Бузгалин выделил основные тенденции при изучении социализма в экономических исследованиях: социализм может быть представлен как различные варианты отождествления теоретической модели социализма с «реальным» социализмом, ранее существовавшим в разных странах; социализм как трактовка процессов движения к социальной справедливости; социализм как теоретические модели посткапиталистического общества, предполагающие снятие социально-экономических основ отчуждения (Бузгалин, 2009).

Идеология дирижизма стала формировать в период после Второй мировой войны во Франции и Великобритании, в дальнейшем получила свое распространение в таких странах как Индия, Китай (китайский дирижизм), Япония, Южная Корея и др., где наблюдаются в настоящее

время высокие темпы экономического развития. Французские экономиста Ф. Перру, Э. Малинво, Ж. Монне заложили теоретические и методологические основы дирижистской идеологии в экономических исследованиях. В основе дирижизма лежит принцип индикативного государственного планирования, задача которого состоит в социализации экономики, а именно повышении уровня жизни населения и достижения экономического роста (Чернышева, 2008). Дирижистская идеология, по мнению А. Г. Худокормова сочетает «сильные стороны плановой хозяйственной системы с требованиями рыночной предпринимательской гибкости. Мировой опыт свидетельствует, что вопреки нашим прежним представлениям, такое совмещение возможно» (Худокормов, 2019, с. 68). Высокие темпы экономического роста в странах, которые продвигают идеологию дирижизма в экономической политике достигаются за счет программ индикативного планирования на определенный период времени, национализации стратегически важных отраслей экономики и сохранения при этом регулирующей роли рынка (Худокормов, 2019).

Последние десятилетия теоретический нарратив об особом пути развития экономики, в том числе российской, стал все более распространённым в экономической науке и был связан с неудачной модернизацией экономики и низким уровнем благосостояния населения. Сторонники «особого пути» в экономическом развитии страны опираются, прежде всего, на национальную идентичность при разработке экономической идеологии и стратегии экономического роста. Идея «особого пути» заключается в том, что каждая страна уникальна и обладает географическими, историческими, политическими и социокультурными особенностями, которые могут воздействовать на экономическое развитие страны. Идеология «особого пути развития» стала формироваться как вызов неолиберальной экономической политике с использованием различных институтов, которые были заимствованы в развитых странах, формирующих свой собственный путь развития экономики на протяжении нескольких веков. Искусственно имплантированные институты вступали в противоречие с существующими ранее правилами и традициями или принимали причудливые формы взаимодействия с ними, тормозившими модернизационные процессы (Плискевич, 2019).

В настоящее время ухудшение окружающей среды, угроза глобального потепления, расточительное использование природных ресурсов являются одним из глобальных вызовов в современном обществе, который оказывает значительное влияние на экономическое развитие многих стран. В 1992 г. Вторая Международная конференция ООН по окружающей среде приняла «Концепцию устойчивого экономического развития», которая анонсировала новый этап в развитии мировой экономики с учетом экологических требований, т.е. не стремление достигать экономический рост любой ценой, а приоритет устойчивого развития (Живо-

товская, Черноморова, 2016, с. 12). Мировая повестка о защите окружающей среды, развитии «зеленой экономики» в силу своей актуальности и распространенности стала принимать форму экономического и политического мейнстрима. Экологизм представляет собой идеологию, которая стала формироваться с 70-х гг. XX в. и подразумевает ментальные модели, транслирующие нарративы об устойчивом управлении природными ресурсами и защиту окружающей среды, экосистем посредством изменений в государственной политике и индивидуальном поведении потребителей с помощью организованных групп индивидов.

Экономическая идеология экологизма ориентирована на ограничения роста производства и потребления в развитых странах как основных потребителях природных ресурсов, принцип сбалансированного природопользования, снижение природоемкости производства, ограничение добычи невозобновляемых ресурсов, повсеместное строительство очистных сооружений, эксплуатацию возобновляемых ресурсов в рамках простого воспроизводства, минимизацию количества отходов и др. (Фролов, 2021, с. 126). Идеология экологизма критически относится к индустриальной модели экономического развития, подчеркивает недостатки неолиберализма и социализма, которые сосредотачивают свое внимание на идеи постоянного экономического роста, приводящий к загрязнению и деградации природной среды.

Заключение

Научные школы базируются на системе базовых постулатов и теоретическом и методологическом основании, которые тесно связаны с определенного рода ментальными моделями, разделяемыми участниками. Ментальные модели, являясь внутренними представлениями индивида также связаны с до-теоретическими представлениями об устройстве экономики и влияют на восприятие взаимосвязанных явлений. При исследовании идеологических составляющих в экономической науке важно идентифицировать базовые принципы и ментальные модели, которые используют ученые. Это необходимо для того, чтобы в явной форме акцентировать внимание на связи идеологических установок с теоретическими построениями, с одной стороны, и мерами регулирования и преобразования экономических процессов — с другой.

В истории экономической мысли мы наблюдаем, отсутствие единого подхода в отношении роли идеологии, в частности должны ли экономические исследования быть свободны от идеологии или в какой мере идеология может присутствовать в экономической науке. Кроме того, даже если «очистить» экономическое исследование от идеологических элементов, есть большой риск их повторного проникновения в экономический анализ в явном или неявном виде в процессе эволюции предмета иссле-

дований. Выбор экономистами для себя той или иной позиции в оценке роли, источниках и значимости идеологии в экономической науке может реализовываться в различных формах экономических идеологий (Тамбовцев, 2024).

В данной статье авторы отходят от традиционного подхода при классификации идеологий в экономической науке (через призму политических идеологий и господствующих экономических учений) и выделяют в качестве экономических идеологий распространенные теоретические нарративы, которые отражают весь спектр актуальных социально-экономических взаимодействий (неолиберализм, социализм, дирижизм, особый путь, экологизм).

Список литературы

Автономов, В. С. (1993). *Человек в зеркале экономической теории: (очерк истории западной экономической жизни)*. М.: Наука.

Автономов, В. С., & Белянин, А. В. (2011). Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы. *Общественные науки и современность. 2,* 112–130

Аджемоглу, Д., Джонсон, С. (2024). *Власть и прогресс*. М.: АСТ.

Банерджи, А., Дюфло, Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности*. Изд-во Института Гайдара. Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Белоусов, В. М. (2012). Экономическая идеология: эволюция, структура, функции, межпредметные аспекты. *Гуманитарий Юга России. 2,* 81–96.

Бузгалин, А. В. (2009). Социализм: методолого-теоретические проблемы исследования. *Альтернативы, 11.* Дата обращения 05.07.2024, https://alternativy.ru/ru/content/socializm-metodologo-teoreticheskie-problemy-issledovaniya

Гульбина, Н. И., & Артибякина, Т. Ю. (2015). Идеология и экономическая наука. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, *1*(29), 38.

Дюмон, Л. (2000). *Homo Aequalis I. Генезис и расцвет экономической идеологии*. М.: NOTA BENE.

Животовская, И. Г., & Черноморова, Т. В. (2016). «Зеленая экономика» как глобальная модель устойчивого развития в XXI в. В *«Зеленая экономика» как глобальная стратегия развития в посткризисном мире*. РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, 12.

Казаков, И. В. (2023) Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход. *Политическая наука, 1*, 322–337. DOI: https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.14

Капелюшников, Р. И. (2016). О либерализме и либеральной экономической политике. *Социальный либерализм. Под ред. А. Я. Рубинштейн, Н. М. Плискевич*. М.: Алетейя, 331–338.

Капелюшников, Р. И. (2022). *Приключения «неолиберализма». Серия WP3 «Проблемы рынка труда»*. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Капелюшников, Р. И., & Либман, А. М. (2018). *Куда движется современная экономическая наука?: Научные доклады*. М.: Институт экономики РАН, 26.

Кейнс, Д. Н. (1899). *Предмет и метод политической экономии*. ИА Баландин.

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2022) Экономическая теория, идеология и экономический интерес. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5

Кламер, А. (2015). *Странная наука экономика: приглашение к разговору*. Изд-во Института Гайдара. Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Клисторин, В. И. (2015). Социализм с экономической точки зрения. *Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия: Социально-экономические науки, 15*(13), 95–101.

Львов, Д. С., & Клейнер, Г. Б. (1998). Экономическая теория и хозяйственная практика: смертельные объятия или взаимная поддержка? *Экономическая наука современной России, (Приложение),* 6–22.

Мальцев, А. А. (2016). Методологический ландшафт истории экономических учений: новые историографические альтернативы и возможности. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика (1),* 44–63.

Мальцев, А. А. (2019). Коокуренция — новая реальность современной мировой экономики. *Журнал экономической теории, 16*(3), 346–351.

Норт, Д., Уоллис, Дж., Уэбб, С., & Вайнгаст, Б. (2012). *В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Орехов, А. М, & Ахмедов, Ф. Н. (2013) Экономическая идеология: опыт интерпретации. *Социум и власть, 6*(44).

Плискевич, Н. М. (2019) «Особый путь»: мифы, реальность, поиски выхода. *Мир России, 28*(2), 42–62. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-42-62

Полтерович, В. М. (1998). Институциональные ловушки-результат неверной стратегии реформ. *Экономическая наука современной России, (Приложение),* 22–28.

Смит, А. (1962). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Изд-во социально-экономической литературы.

Смит, А. (1997). *Теория нравственных чувств*. М.: Республика.

Сэмюэлс, У. (1981). Идеология в экономическом анализе. Под ред. В. С. Афанасьева, Р. М. Энтова. *Современная экономическая мысль. Серия: Экономическая мысль Запада*. М.: Прогресс.

Тамбовцев, В. Л. (2024). Экономическая идеология: варианты пониманий и применения понятия. *Вопросы экономики, 10,* 5–27. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-10-5-27

Фридмен, М. (1994). Методология позитивной экономической науки. *Thesis, (4)*.

Фролов, А. С. (2021). Сущность и особенности экологизации экономики. *Вестник университета*, *2,* 124–129. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-124-129

Худокормов, А. Г. (2019). «Экономическое чудо» во Франции: формирование и результаты дирижистской модели в 1944–1973 годах. *Мир новой экономики, 13*(2), 14. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69

Чаплыгина, И. Г. (2015). «Экономический человек» Дж. С. Милля и А. Смита: методологический аспект. *Научные исследования экономического факультета. 7*(2), 15–27.

Чернышева, Н. И. (2008). Дирижистская теория селективного экономического регулирования. *Финансы и кредит, 14,* 77.

Шумпетер, Й. (2012). Наука и идеология. *Философия экономики. Антология*. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара.

Azevedo, F., Jost, J. T., Rothmund T., & Sterling J. (2019). Neoliberal Ideology and the Justification of Inequality in Capitalist Societies: Why Social and Economic Dimensions of Ideology Are Intertwined. *Journal of Social Issues 75*(1), 1–40.

Badiei, S. (2024). *Normative Economics in the History of Economic Thought: Marx, Mises, Friedman and Popper*. Routledge, Taylor & Francis.

Bell, D. (1960). *The end of ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Illinois: Free Press

Das, A., Hudson, I., & Hudson, M. (2019). Was there a transformation in economic ideology between 1960 and 2000? *Studies in Political Economy, 100*(2), 150–179.

Denzau, A. T., & North, D. C. (1994). Shared mental models: Ideologies and institutions. *Kyklos, 47*, 3–31.

Dumont, L. (1980). *Homo hierarchicus: the caste system and its implications*. Chicago: University press.

Harrison, P. (2011). Journal of the History of Ideas. *University of Pennsylvania Press, 72*(1), 29–49

Hillinger, C. (2008). Science and Ideology in Economic. *Political and Social Thought. Economics, 2*(1). https://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2008-2

Jo, T. H. (2022). Heterodox economics and ideology. Heterodox Economics: Legacy and Prospects. *World Economics Association Books*. Bristol, 204–251.

Klein, D. B. (2013a). The ideological migration of the economics laureates: Introduction and overview. *Econ Journal Watch*, *10*(3), 218–239

Klein, D. B. (2013b). Ideological profiles of the economics laureates. *Econ journal watch, 10*(3), 255–682

Lieber, A. (2013). The Chinese Ideology: Reconciling the Politics with the Economics of Contemporary Reform. *Journal of Chinese Political Science, 18*(4), 335–353. https://doi.org/10.1007/s11366-013-9259-x

Mannheim, K. (2013). *Ideology and utopia*. Routledge.

McCloskey, D. N. (2006). *The bourgeois virtues: Ethics for an age of commerce*. University of Chicago Press.

McCloskey, D. N. (2010). *Bourgeois dignity: Why economics can't explain the modern world*. University of Chicago Press.

McCloskey, D. N. (2016). *Bourgeois equality: How ideas, not capital or institutions, enriched the world*. University of Chicago Press.

Mearman, A., Berger, S., & Guizzo, D. (2023). What is heterodox economics? Insights from interviews with leading thinkers. *Journal of Economic Issues 57*(4), 1119–1141. DOI: 10.1080/00213624.2023.2273130

North, D. C. (1994). Economic performance through time. *The American economic review*, *84*(3), 359–368.

Pfefferkorn, R. (2005). Un libéralisme bien tempéré: Relire Adam Smith. *Revue des Sciences sociales, «Privé-public: quelles frontières?», 33,* 144–149.

Robbins, J. (2007). Between reproduction and freedom: morality, value, and radical cultural change. *Ethnos, 72*(3), 293–314.

Robbins, J. (1994). Equality as a Value: Ideology in Dumont, Melanesia and the West. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice, 1*(36), 21–70.

Samuels, W. J. (1992). Ideology in Economics. *Essays on the Methodology and Discourse of Economics*. Palgrave Macmillan, 233–248. https://doi.org/10.1007/978-1-349-12371-1_12

Sauerland, D. (2015). Ideologies, institutions, and the new institutionalism. In: Wright JD (ed) *International encyclopedia of the social & behavioral sciences,* 2nd edn. Elsevier, Oxford, 561–570.

Shionoya, Y. (2005). *The science and ideology of Schumpeter. The Soul of the German Historical School: Methodological Essays on Schmoller, Weber, and Schumpeter,* 133–162.

Turner, R. (2008). *Neo-liberal Ideology. History, concepts and policies.* Edinburgh: Edinburgh University Press.

Zafirovski, M. (2019). Economics and Apologetics — The Ideology/Utopia of Laissez-Faire and its Discontents. *Journal of Economic Issues, 53*(3).

References

Acemoğlu, D., & Johnson, S. (2023). *Power and Progress*. M.: AST.

Avtonomov, V. S. (1993). *Man in the Mirror of Economic Theory: (an essay on the history of Western economic life)*. M.: Science Publishing House.

Avtonomov. V. S., & Belyanin, A. V. (2011). Behavioral institutions of the market economy: towards the formulation of the problem. *Social Sciences and Modernity*, *2*, 112–130.

Banerjee, A., & Duflo, E. (2021). *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems.* Gaidar Institute Press. Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University.

Belousov, V. M. (2012). Economic ideology: evolution, structure, functions, intersubjects aspects. *Humanities of the south of Russia*, *2,* 81–96.

Buzgalin, A. V. (2009). Socialism: methodological and theoretical problems of research. *Alternatives, 11.* https://alternativy.ru/ru/content/socializm-metodologo-teoreticheskie-problemy-issledovaniya

Chaplygina, I. G. (2015). "Economic man" of J. S. Mill and A. Smith: methodological aspects of the conceptions. *Scientific research of the Faculty of Economics, 7*(2), 15–27.

Chernysheva, N. I. (2008). The Dirigiste theory of selective economic regulation. *Finance and credit, 14,* 77.

Dumont, L. (2000). *Homo Aequalis I. Genèse et épanouissement de l'idéologie économique*. M. : NOTA BENE.

Friedman, M. (1994). Methodology of positive economics. *Thesis, (4).*

Frolov, A. S. (2021). Essence and features of ecologization of economy. *Vestnik universiteta*, *2,* 124–129. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-124-129

Goolbina, N. I., & Artibyakina, T. U. (2015). Ideology and economics. *Tomsk State University Journal of Economics, 1*(29), 38.

Kapelyushnikov, R. I. (2016). On Liberalism and Liberal Economic Policy. *Social Liberalism. Edited by A. Ya. Rubinstein, N. M. Pliskevich.* Aletuya Publishing House, 331–338.

Kapeliushnikov, R. I. (2022). *The Adventures of «Neoliberalism». Series WP3 «Labour Markets in Transition»*. M.: HSE Publ. House.

Kapeliushnikov, R. I., & Libman, A. M. (2018). *Where is current economics moving?: Working papers.* M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Science.

Kazakov, I. V. (2023). The Origins and classification of ideologies: a multidisciplinary approach. *Political science, 1*, 322–337. DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.14

Keynes, D. N. (1899). The subject and method of political economy. IA Balandin.

Khudokormov, A. G. (2019). «Economic miracle» in France: Formation and results of the dirigisme model in 1944-1973. *World of the New Economy, 13*(2), 55–69. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-55-69

Kirdina-Chandler, S. G. (2022). Economic Theory, Ideology, and Economic Interests. *AlterEconomics, 19*(1), 71–92. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.5

Klamer, A. (2015). *Speaking of economics.* M.: Gaidar Institute Press. Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg University.

Klistorin, V. I. (2015). Socialism from an economic point of view. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences, 15*(13), 95–101.

Lvov, D. S., & Kleiner, G. B. (1998). Economic theory and business practice: death hugs or mutual support? *Economics of Modern Russia, (Appendix),* 6–22.

Maltsev, A. A. (2019). Coopetition — the New Reality of Global Modern Economy. *Russian Journal of Economic Theory, 16*(3), 346–351.

Maltsev, A. A. (2016). Methodological landscape of the history of economic thought: new historiographical alternatives and opportunities. *Moscow University Economics Bulletin, 6*(1), 44–63.

Orekhov, A. M., & Akhmedov, F. N. (2013). Economic ideology: the experience of interpretation. *Society and Power, 6*(44).

Polterovich, V. M. (1998). Institutional traps are the result of a wrong reform strategy. *Economics of Modern Russia, (Appendix),* 22–28.

Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. *Philosophy of Economics. An anthology*. Edited by D. Housman. M.: Publishing house of the Gaidar Institute.

Shionoya, Y. (2005). *The science and ideology of Schumpeter. The Soul of the German Historical School: Methodological Essays on Schmoller, Weber, and Schumpeter,* 133–162.

Smith, A. (1962). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* M.: Social and Economic Literature Publishing House.

Smith, A. (1997). *The Theory of Moral Sentiments.* M.: Republic.

Tambovtsev, V. L. (2024). Economic ideology: Versions of the concept's acceptations and application. *Voprosy Ekonomiki. 10,* 5–27. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-10-5-27

Zhivotovskaya, I. G., & Chernomorova, T. V. (2016). The "Green Economy" as a global model of sustainable development in the 21st century. In "*Green Economy" as a global development strategy in the post-crisis world.* RAN. INION. Center for Scientific and Information Research on Global and Regional Issues, 12.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Х. Д. Курц[1]
Грацкий университет имени Карла и Франца (Грац, Австрия)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-11

АДАМ СМИТ О ПРОЦЕССЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СВЯЗАННЫХ С НИМ РИСКАХ

Настоящая статья исследует эволюционистский аспект творчества Адама Смита, а также его содержательные выводы касательно цивилизационного процесса и связанных с ним рисков. Первый раздел статьи представляет собой введение в проблематику, где осуществляется постановка исследовательских задач. Второй раздел содержит материалы, указывающие на знакомство Смита с ранними эволюционными концепциями, представленными в работах Леклерка. В третьем разделе представлен обзор ключевых «эволюционных» компонентов исследования процесса цивилизации, предпринятого Смитом. В четвертом разделе автор предлагает краткий обзор того, как понятия и принципы Смита отражаются в анализе Маркса и Шумпетера, на которых огромное влияние оказала эволюционная биология Дарвина. Все три автора стремились выявить силы, определяющие «цивилизационный процесс» или «законы движения» общества, а также связанные с этим процессом риски. Они старались понять, ведет ли такой процесс сам по себе к повышению жизненного уровня и сопутствующим «свободе, равенству и братству». И, наоборот, может ли он служить разрушению системы, неизбежно ввергая ее в постепенную деградацию. В своих исследованиях они пытались определить, могут ли непреднамеренные последствия эгоистичных человеческих действий вести к тирании и страданиям людей. Этому вопросу посвящен пятый раздел статьи, где подчеркивается, что цивилизационный процесс порождает изнутри тенденции, которые ставят под угрозу его продолжение и могут даже привести к регрессу и деградации. В таких случаях крайне необходима «мудрость государства», чтобы эффективно противодействовать таким тенденциям. В качестве примера, иллюстрирующего подобную необходимость, приводится политическая экономия войны Адама Смита. В заключение автор высказывает надежду на то, что Смит окажется прав, и на деле цивилизационным процессом движет задуманное природой стремление к счастью и совершенству вида.

Ключевые слова: циклическая и кумулятивная причинность, эволюционная экономика, процесс развития цивилизации, Карл Маркс, Йозеф Шумпетер, Адам Смит, непреднамеренные последствия человеческих действий.

[1] Курц Хайнц Д. — профессор экономики Грацкого университета имени Карла и Франца; e-mail: heinz.kurz@uni-graz.at.

© Курц Хайнц Д., 2024 CC BY-NC

Цитировать статью: Курц, Х. Д. (2024). Адам Смит о процессе цивилизации и связанных с ним рисках. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 59*(6),* 187–220. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-11.

H. D. Kurz
The University of Graz (Graz, Austria)
JEL: B12; B14; B15; B31; D46; E14; H56; O31; P17

ADAM SMITH ON PROCESS OF CIVILIZATION AND ITS HAZARDS

This article explores the evolutionary aspect of Adam Smith's work and his substantive conclusions regarding the civilizing process and the risks associated with it. The first section of the article represents an introduction to the problem, where research tasks are formulated. The second section contains materials indicating Smith's familiarity with the early evolutionary concepts presented in the works of Leclerc. The third section provides an overview of the key «evolutionary» components of Smith's study of the civilizing process. In the fourth section, the author offers a brief overview of how Smith's concepts and principles are reflected in the analysis of Marx and Schumpeter, who were greatly influenced by Darwin's evolutionary biology. All three authors sought to identify the forces that determine the «civilizing process» or «laws of motion» of society, as well as the risks associated with this process. They tried to understand whether such a process in itself leads to an increase in the standard of living and the accompanying «liberty, equality, and fraternity». And, conversely, whether it can serve to destroy the system, inevitably plunging it into gradual degradation. In their research, they tried to determine whether the unintended consequences of selfish human actions could lead to tyranny and human suffering. This issue is addressed in the fifth section of the article, which emphasizes that the civilizing process generates tendencies from within that threaten its continuation and may even lead to regression and degradation. In such cases, the «wisdom of the state» is urgently needed to effectively counteract such tendencies. As an example illustrating this need, Adam Smith's political economy of war is cited. In conclusion, the author expresses the hope that Smith will be right, and that the civilizing process is in fact driven by nature's intended desire for happiness and the perfection of the species.

Keywords: circular and cumulative causation, Evolutionary economics, Process of civilization, Karl Marx, Joseph Schumpeter, Adam Smith, Unintended consequences of human actions.

To cite this document: Kurz, H. D. (2024). Adam Smith on process of civilization and its hazards. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 187–220. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

Введение

Вряд ли читатели удивятся тому, что Йозеф А. Шумпетер (1883–1950) считается «экономистом-эволюционистом». Причисление к этой категории Карла Маркса (1818–1883) для кого-то может оказаться неожиданным. Утверждение же о том, что Адам Смит (1723–1790) тоже является сторон-

ником эволюционизма, может вызвать недоумение, учитывая, что Чарльз Дарвин (1809–1882) при жизни Смита даже не успел родиться. Хотя некоторые комментаторы писали об эволюционистских взглядах А.Смита (Coase, 1976), это скорее исключение, чем норма.

Очевидно, что определение Смита как эволюционного социального теоретика требует тщательного объяснения и обоснования. В отсутствие общепринятых формулировок я использую эволюционные методологии Маркса и Шумпетера в качестве ориентиров для оценки позиции Смита (см. в этом отношении: Kurz, 2023). Поскольку Смит, Маркс и Шумпетер включают существенные эволюционные аспекты в свое понимание социально-экономической системы и ее динамики, возможно, было бы разумно применять термин «эволюционный» к аналитическим работам всех троих мыслителей. И, наоборот, если этот критерий оспаривается, ни одна из этих работ не может служить основанием для такой классификации.

Результаты данного исследования эволюционных аспектов социально-экономического анализа Адама Смита ясно указывают на положительный вывод. Еще большее значение с доктринальной точки зрения имеет то, что для оценки подхода Смита я использую широко признанную эволюционную природу анализа Шумпетера и Маркса. При этом становится очевидным, что во многих важных аспектах первые двое были последователями Смита, ибо идеи Маркса и Шумпетера перекликались с его учением. Внимательное рассмотрение показывает, что эволюционные теории Маркса и Шумпетера многим обязаны концепции Смита, которая, среди прочего, включает принцип наследственности как существенный фактор. Это наблюдение распространяется и на данный случай: основополагающие идеи эволюционных элементов в теориях Маркса и Шумпетера восходят к анализу Смита.

В истории предмета нашего исследования неоднократно встречаются случаи применения «закона эпонимии» Стивена Стиглера, который утверждает, что научные законы редко называются в честь их первооткрывателей. Это мнение перекликается с утверждением Альфреда Норта Уайтхеда о том, что «все важное было сказано ранее кем-то, кто не объявил об открытии». Размышляя об отношениях между Смитом, Марксом и Шумпетером, а также между Жоржем-Луи Леклерком, графом де Бюффон (1707–1788), и Чарльзом Дарвином, читатели этой статьи имеют свободу решать, в какой степени высказывание Уайтхеда применимо к рассматриваемому случаю.

Статья построена следующим образом. Второй раздел содержит материалы, указывающие на знакомство Смита с ранними эволюционными концепциями, представленными в работах Леклерка. В третьем разделе представлен обзор ключевых «эволюционных» компонентов исследования процесса «цивилизации» осуществленного А. Смитом. Четвертый раздел предлагает краткий обзор того, как понятия и принципы Смита

отражаются в анализе Маркса и Шумпетера. Наконец, в пятом разделе рассматривается взгляд Смита на цивилизационный процесс с его рисками и опасностями: этот процесс порождает изнутри тенденции, которые ставят под угрозу его продолжение и могут даже привести к регрессу и деградации. В таких случаях крайне необходима «мудрость государства», чтобы эффективно противодействовать таким тенденциям. Политическая экономия войны, изложенная А. Смитом, представляет собой особенно убедительную иллюстрацию этой необходимости. Шестой раздел содержит заключение и выводы.

Адам Смит и Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон

В данной статье термин «эволюционная экономика» в широком смысле означает научную дисциплину, которая изучает организацию и структуру хозяйственной жизни в качестве развивающейся системы, анализируя ее природу и свойства, а затем исследуя внутреннюю эволюционную динамику, порождаемую самой этой системой (Dopfer, 2016, p. 184). Зрелый анализ Смита, особенно четко представленный в книге «Богатство народов», соответствует этому определению, что будет продемонстрировано в последующих разделах. Как известно, книга эта, первоначально опубликованная в 1776 г., при жизни автора выдержала шесть изданий, из которых последнее вышло в 1790 г., т.е. в год смерти Смита. При этом у более ранних авторов можно найти идеи близкие, а иногда и вполне идентичные смитовским. Нечто подобное можно сказать и о новаторских положениях книг Чарльза Дарвина «Происхождение видов посредством естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и отбор по отношению к полу» (1871).

Убедительные доказательства указывают на знакомство Смита по крайней мере с некоторыми работами одного из предшественников Дарвина, французского натурфилософа и анатома Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффон. Леклерк приступил к многотомному проекту под названием *Histoire naturelle générale et particulière* в 1749 г. и продолжал работать над ним до своей кончины. Первые три тома были опубликованы в 1749 г. и охватывали, помимо прочего, *Théorie de la Terre* («Теория Земли»), *Histoire Générale des animaux* («Всеобщая история животных») и *Histoire Naturelle de l'homme* («Естественная история человека»). Еще двенадцать томов вышли в 1753–1767 гг У Смита было несколько ранних томов, написанных Леклерком и его помощниками (особенно Добертоном), что подтверждается каталогом библиотеки Смита, составленным Мизутой (Mizuta, 2000, p. 36–37).

Но есть и другие свидетельства знакомства Смита с некоторыми из этих томов: в письме, которое он направил в «Эдинбургское обозрение» в 1755 г., Смит упоминает «полную систему естественной истории», разработанную «двумя джентльменами, *чьи заслуги признаны практиче-*

ски во всем цивилизованном мире, господином Бюффоном и господином Добертоном» (Курсив мой. — *Авт.*) (Smith, 1980, p. 248). Врач Добертон был помощником Леклерка, особенно в его анатомических исследованиях, в качестве таксидермиста. К сожалению, мне неизвестны какие-либо прямые свидетельства влияния Леклерка на отдельные положения Смита; нет и конкретной информации о том, какие тома Бюффона или их части Смит действительно читал и комментировал. Я убежден, однако, что приведенные доказательства, а также в высшей степени хвалебные отзывы Смита о работах француза оправдывают наше предположение, что эволюционные аспекты доктрины Смита, возможно, были вдохновлены де Бюффоном.

Дэвид Юм, близкий друг Смита, рассказывает историю, которая проливает свет на этот вопрос. Во время пребывания Смита в Париже в 1766 г. вместе с молодым герцогом Баклю Юм занимал должность секретаря британского посольства. Юм купил два тома «Истории» Леклерка у местного парижского книготорговца. Однако впоследствии Леклерк прислал ему этих же два тома в подарок, и Юм вернул купленные им экземпляры продавцу книг. К сожалению, книготорговец не только не компенсировал Юму потраченные средства, но и проигнорировал его письменные обращения. В августе 1766 г. Юм написал об этой истории Смиту, жившему недалеко от книжного магазина, и попросил его вмешаться: «Я бы хотел, чтобы вы поговорили с ним и немного погрозили ему. Скажите ему, что я начну судебное преследование лично по возвращении в Париж или через моих представителей» (Smith, 1987, p. 118). Очевидно, работы Леклерка привлекли значительное внимание выдающихся интеллектуалов той эпохи и вероятно вызвали дискуссии в известных салонах Парижа.

Знакомство Смита с работами Леклерка особенно важно по двум основным причинам. Во-первых, Леклерк является одним из первых сторонников биологической теории эволюции, фактически опередив в этом отношении Дарвина. В противовес Карлу фон Линнею, Бюффон выдвинул идею о том, что природа и ее обитатели не являются статичными, никогда не изменяющимися объектами. Вместо этого он предположил, что они развиваются с течением времени, образуя прогрессивную эволюционную последовательность, которая не поддается простой таксономической классификации. Эта концепция эволюционной преемственности прямо противоречила преобладающей церковной доктрине, которая постулировала заданную до начала существования природу видов. Леклерк утверждал, что обезьяна — это еще неразвитая форма человека. Он также не исключал идею вымирания видов.

Во-вторых, Леклерк подчеркивал существенное влияние деятельности человека на Землю, потенциально приводящее к необратимым последствиям. Его идеи являются прообразом концепции «антропоцена». Например, он указывал на радикальные последствия обширной вырубки

лесов и сжигания древесины поселенцами в Северной Америке и Канаде, где эта деятельность привела к заметным изменениям климата в ряде областей. Он также заметил, что повышение средних температур положительно повлияло на урожайность сельскохозяйственных культур в этих регионах. А с ростом населения мира — проблемой, вызывающей серьезную озабоченность современной политической экономии и не только ее — неизбежно возникает необходимость смягчить или устранить последствия такого роста для условий жизни на планете в долгосрочной перспективе.

А. Смит действительно знал некоторые работы Леклерка и высоко ценил их. Хотя в произведениях Смита нет фрагментов, которые можно было бы с уверенностью объяснить влиянием Леклерка, в «Богатстве народов» он часто проводит сравнения между человеческим видом и различными видами животных, подчеркивая различия между ними. Вполне возможно, что на эти размышления могло повлиять его увлечение произведениями Леклерка. В одном из наиболее примечательных отрывков Смит выдвигает гипотезу о том, что существенный контраст заключается в превосходной способности людей к сотрудничеству, возникающей благодаря их «способности или склонности к бартеру и обмену». Смит особо подчеркивает, что

> «[м]ногие породы животных, признаваемые принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания. ... Однако эти различные породы животных, хотя и принадлежащие все к одному виду, почти бесполезны друг для друга» (Смит, 2007, с. 78).

Смит иллюстрирует это положение на примере разных пород собак (мастифа, борзой, спаниеля и овчарки), различающихся по быстроте, сообразительности и покладистости — чертам, которые из-за отсутствия склонности к сотрудничеству собак между собой «нельзя сделать общим достоянием» и которые, соответственно, нисколько не способствуют лучшему существованию вида. Ни одно животное... не получает никаких преимуществ от того разнообразия талантов, которыми природа отличила его собратьев (Смит, 2007, с. 78). Однако в царстве людей процессы совершенно очевидны: через разделение труда, производство и обмен товарами, разнообразные таланты и навыки действительно могут быть предметом торгового обмена. Покупая товары, люди могут получить доступ к продуктам талантов и навыков, которые не находятся в их личном владении.

Этот пример подчеркивает отмеченную Смитом принципиальную разницу между биологией и социальными науками: люди и животные имеют качественно различные способности участвовать в общении, делиться

идеями, учиться друг у друга, развивать таланты, приобретать навыки и сотрудничать.

Маркс и Шумпетер тщательно изучали дарвиновскую эволюционную биологию. При этом они считали, что прямой перенос дарвиновских концепций в социальные науки не имеет смысла, поскольку области, исследуемые социальными науками и биологией, совершенно различны. Восхищаясь достижениями Дарвина, оба тем не менее признавали необходимость совершенно новой концепции эволюции, адаптированной к предмету социальных наук. Смит столкнулся с менее развитой версией эволюционной биологии, но, возможно, ему можно приписать схожее мнение. Таким образом, ни в одном из указанных примеров эволюционный характер работ авторов, рассматриваемый в этой статье, не возникает благодаря простому переносу биологических концепций в социально-экономические исследования. Однако все три автора воспринимали экономику, общество, культуру, политику и даже религию как взаимосвязанные элементы развивающейся системы, требующие исследования с помощью теории эволюционной динамики.

Элементы эволюционизма в анализе Смита

Смит стремился понять социально-экономическую систему как самоорганизующуюся сущность, которая, будучи движима своей внутренней логикой, постоянно генерирует изменения изнутри, способствуя процессам социальной самотрансформации. Он твердо верил в то, что такая система не может находиться в состоянии покоя, и это убеждение привело к ключевому вопросу, похожему на более поздний вопрос Маркса, о ее «законе движения»: можно ли ожидать, что система будет последовательно улучшать условия жизни людей и направлять общество к «возможно большему счастью для наибольшего числа людей» — именно этот принцип исповедовал наставник Смита в Университете Глазго, «незабываемый» доктор Фрэнсис Хатчесон (1694–1746). Будет ли система устанавливать предполагаемую «простую и незамысловатую систему естественной свободы» (Смит, 2007, с. 647), обеспечивая «равенство, свободу и справедливость» (Смит, 2007, с. 625)? Или же, в случае неверного направления, существует риск скатиться к нищете и тирании? Может ли продуманная политика повлиять на траекторию событий, и если да, то какую форму примут стратегии ее реализации?

«Улучшения» и комбинаторная метафора. Хотя Адам Смит не использует термины, ставшие популярными благодаря Дарвину, например, «изменчивость», «отбор» или «наследственность», он выражает сходные или родственные понятия, используя другие слова. Так, слово «улучшения» применительно к технологиям и организации охватывает понятия, родственные этим трем концепциям. А. Смит использует комбинатор-

ную метафору, которая фактически отражает то, что мы сейчас называем инновациями, — точку зрения, представленную Шумпетером в его концепции «новых комбинаций» существующих фрагментов знания. Важно отметить, что углубление общественного разделения труда порождает то, что мы сегодня называем исследованиями, разработками и инновациями (НИОКР). Смит выходит за рамки идеи «обучения посредством использования», удачно сформулированной Натаном Розенбергом, и приписывает развитие новой техники не только этому процессу. Фактически

> «далеко не все усовершенствования машин явились изобретением тех, кому приходилось работать при машинах. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, а некоторые — теми, кого называют учеными, или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов. С прогрессом общества наука, или умозрения, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан» (Смит, 2007, с. 74).

Объединение реконфигурированных фрагментов существующих знаний дает новые идеи и новые частицы знаний. По сути, этот процесс воплощает в себе вариации в рамках социально-экономического развития. На каждом этапе дальнейшую траекторию формируют конкретные альтернативы, каждая из которых основана на достижениях прошлого, т.е. дальнейший процесс зависит от предшествующего развития. Эту динамику можно рассматривать как аналог формы наследственной структуры.

Элемент «зависимости от пройденного пути» очевиден, среди прочего, в том, как Адам Смит излагает историю развития общественного разделения труда, которое начинается с разделения труда внутри предприятий, а за ним следует разделение труда между предприятиями. Эта эволюция затем распространяется на разделение между регионами внутри страны и, наконец, приводит к глобальному разделению между странами. Смит подчеркивает, что национальные и международные модели специализации обычно меняются с течением времени из-за разных режимов межстрановой экономической политики и, соответственно, разных темпов накопления капитала и технического прогресса, разных темпов роста населения, разного плодородия почвы и т. д.

Общественное разделение труда и конкурентный отбор. Углубление общественного разделения труда отражает процесс отбора, когда из потока только что изобретенных методов производства, новых товаров или известных товаров, но с лучшими качествами, отбираются и направляются в систему наиболее для нее подходящую. Часто такие достижения приво-

дят к вытеснению старых методов — происходит то, что Шумпетер назвал «созидательным разрушением». Эта динамика характерна для «вселенной» технологий и товаров, находящихся в постоянном движении: новые элементы появляются по мере ухода старых. Смит твердо верил, что с общественным разделением труда эта вселенная будет постоянно расширяться, причем количество новых элементов будет превышать количество уходящих старых, приводя к растущему разнообразию методов, товаров и необходимых навыков для производства.

Этот эволюционный процесс понимается именно как *механизм отбора*. Что касается принципов работы этого механизма, то в первую очередь им управляет конкуренция между фирмами; что же касается субъективно воспринимаемого качества товаров, «стремления выделиться», социального соперничества и других факторов, они играют роль главным образом для выбора потребительских товаров. Смит горячо защищал «свободную конкуренцию» как предпочтительный механизм отбора методов производства в условиях беспрепятственного входа на рынок и ухода с рынка, потому как был убежден, что рынки будут работать наилучшим образом именно в условиях свободной конкуренции. Значительная часть его рассуждений в «Богатстве народов» сосредоточена на свойствах экономических систем, действующих в рамках свободной конкуренции.

Смит осознавал, что реальные обстоятельства отклонялись от этого идеала из-за искажений, возникающих вследствие монопольного положения предприятий и привилегий, предоставляемых меркантилистским государством. Тем не менее, сопоставляя преимущества конкурентных условий с реальным экономическим ландшафтом, находящимся под влиянием «меркантилистской системы», он стремился доказать превосходство свободной конкуренции. Он утверждал, что только посредством конкуренции экономика может достичь порядка и согласованности, поскольку конкуренция дисциплинирует участников рынка: «Монополия, помимо того, является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свободного и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прибегать к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты» (Смит, 2007, с. 191). Смит был убежден, что свободная конкуренция поощряет поведение, направленное на минимизацию затрат.

Порядок и согласованность экономической системы: «естественные» цены. Порядок и согласованность экономической системы обеспечиваются тем, что можно назвать центростремительной силой конкуренции. Используя терминологию Ньютона, Смит применяет метафору тяготения «рыночных» цен к их «естественным» уровням, когда цены могут колебаться вокруг них без значительных отклонений. Таким образом, система естественных цен является «аттрактором» для колеблющихся рыночных цен, определяя так называемое долгосрочное положение эко-

номики. Эта позиция возникает после того, как центростремительная конкурентная динамика полностью себя исчерпала. Определение естественных цен, а также связанной с ними *единой общей нормы прибыли* во всех секторах экономики, опирается на два набора независимых переменных или заданных условий:

1. Реальная ставка заработной платы, отражающая распределение власти у противоборствующих сторон, рабочих и «хозяев» (т. е. капиталистов), «интересы которых отнюдь не тождественны», в «споре» о распределении дохода (Смит, 2007, с. 119).
2. Набор имеющихся методов производства, из которых производители в стремлении минимизировать затраты могут выбирать в данный момент времени.

Возьмем простой случай нескольких (n) однопродуктовых отраслях (и, следовательно, только оборотного капитала), в которых все продукты прямо или косвенно входят в производство всех товаров, т.е. являются «основными продуктами» (Sraffa, 1960, p. 7–8). Для данной реальной ставки заработной платы, выплачиваемой в начале периода равномерного производства, оставляя в стороне проблему земли и земельной ренты и приведя уровни валового выпуска к нормализованному значению 1, мы можем записать естественные цены, упоминаемые в рассуждениях Смита, как

$$p = (1 + r)(M + lw^T)p.$$

В этом уравнении p — n-мерный вектор-столбец натуральных цен $(p_1, p_2,..., p_n)^T$; r — общая (конкурентная) норма прибыли; M — матрица $n \times n$, представляющая материальные средства производства, израсходованные в ходе производства, $l = (l_1, l_2,..., l_n)^T$ — вектор-столбец количества прямых трудовых затрат на единицу валовой продукции в различных отраслях; $w^T = (w_1, w_2,..., w_n)$ — вектор-строка, задающая единую ставку реальной заработной платы (T означает транспонирование).

Смит обладал замечательной интуицией (см.: Смит, 2007, с. 109–107), но не смог убедительно продемонстрировать (допустив некоторые ошибки в попытке сделать это), что при заданных M, l и w при полуположительном пучке различных товаров в разных количествах $d^T = (d_1, d_2, ..., d_n) \geqslant 0^T$, принятом в качестве стандарта стоимости, в котором выражаются все величины стоимости, т. е.

$$d^T p = 1,$$

общая норма прибыли r и система натуральных p определяются однозначно.

Смит был уверен, что процесс притяжения цен к «естественным» значениям или их колебаний в районе таких значений обычно протекает плавно и быстро и, что самое главное, этот процесс устойчив. Однако он признавал, что недостаточно просто высказать положение о стабиль-

ности, его необходимо теоретически обосновать. Недостаточно просто предположить, что частная децентрализованная экономическая организация превосходит коллективную централизованную (как это полагали авторы-меркантилисты); было важно доказать превосходство первой и ее стабильность с помощью веских аргументов, которые рассеяли бы опасения критиков, утверждавших, что такая организация ввергнет экономику в нисходящую спираль.

По мнению Смита, стабильность экономической системы будет очевидной если доказать, что ее отклонение от долгосрочной позиции корректируется внутри самой системы посредством активации сил, возвращающих ее обратно. Преследование собственных интересов заставило бы агентов использовать возможности, возникающие из-за различий в прибыли и заработной плате, вызванные отклонениями рыночных цен от их естественного уровня. Агенты перенаправят капитал и рабочую силу из менее привлекательных секторов в более привлекательные, исправляя отклонения и постепенно устраняя различия. По его словам,

> «[т]аким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой *постоянно тяготеют* цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда *держать* их на значительно более высоком уровне и иногда несколько *понижать* их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они *постоянно тяготеют к нему*» (Смит, 2007, с. 112).

Доводы Смита в пользу «гравитационной теории цен» нельзя считать исчерпывающим «доказательством» ожидаемой стабильности; он недооценил сложную природу стоящей перед ним задачи, что в общем неудивительно (Kurz, 2016a, section 4). Однако он выявил проблему и сделал серьезную попытку ее решить — и это, конечно, заслуживает признания.

Мутации — инновации. Смит подчеркивал, что достижения в области технологий и организации, сопровождающие углубление социального разделения труда, широко распространяются по всем секторах экономики. Привлекательность «дополнительных» прибылей создает убедительную мотивацию для внедрения более или менее рискованных инноваций, которые действуют как центробежная сила конкуренции. В то время как некоторые инновации оказываются успешными, другие терпят неудачу, знаменуя разворот центростремительной силы, которая в конечном итоге определяет результаты. Предприятия, внедряющие новые и высокодоходные методы, растут быстрее; вскоре конкуренты также начинают их использовать и, таким образом, эти инновационные методы производства распространяются по всей экономике. В результате различия в рентабельности постепенно уменьшаются:

«Введение новой отрасли производства или торговли или нового метода в земледелии всегда представляет собою своего рода спекуляцию, от которой предприниматель ожидает получить чрезвычайную прибыль. Прибыли эти иногда бывают очень велики, но иногда, а может быть и чаще всего, бывает совершенно противоположное; но, по общему мнению, прибыли эти находятся ни в каком правильном соответствии с прибылями других, старых отраслей промышленности и торговли в данной местности. В случае успеха предприятия она обыкновенно бывает вначале очень высока. Когда же данная отрасль производства или торговли или новый метод вполне упрочиваются и становятся общеизвестными, конкуренция уменьшает прибыль до обычного уровня ее в других отраслях» (Смит, 2007, с. 161–162).

Сравнивая внедрение чего-либо нового в социально-экономическую систему с подобной ситуацией в мире природы, можно провести аналогию. В начале XX в. голландский биолог Хьюго де Врис (1848–1935) предложил концепцию «мутаций», которые представляют собой случайные вариации генотипа и способствуют возникновению «новшеств» в биологической эволюции (Lorenz, 2020, p. 13). Однако такие сохраняющиеся мутации встречаются в природе относительно редко. Существуют ли параллели между биологическими мутациями в природе и изобретениями и инновациями в процессе социально-экономической эволюции? Для такого сравнения нет необходимости сильно напрягать воображение. Рассмотрим в качестве генотипа производственной системы в конкретный момент всю продукцию, которая прямо или косвенно необходима в производстве всей продукции, т. е. совокупность всех основных продуктов или «базовую систему». Вновь разработанные методы производства при их успешном внедрении и прохождении конкурентного отбора, наряду с модификациями, которые они вносят при интеграции в экономическую систему, могут изменить «генотип» различными способами: заменяя один или несколько основных продуктов новыми, тем самым сохраняя масштаб, но не содержание базовой системы; путем добавления новых базовых продуктов, которые расширяют масштабы системы; путем исключения некоторых основных продуктов, тем самым уменьшая его размерность; или путем добавления и вычитания элементов из базовой системы. Частые неудачи изобретений или «проектов», подчеркивает Смит, могут быть связаны с присущей мутациям нестабильностью.

Смит указывает, что по мере того, как в социально-экономических системах растет общественное разделение труда, в них одновременно появляется большее разнообразие потребительских товаров и средств производства, а также навыков и задач. Со временем как производственные, так и распределительные сети естественным образом расширяют свои размеры, что приводит к увеличению сложности системы. Следовательно,

цепочки поставок будут удлиняться, диверсифицироваться и становиться более уязвимыми.

Циклическая и кумулятивная причинность. Эволюционные взгляды Смита наиболее очевидны в двух ключевых аспектах: во-первых, его идеи об экономических и социальных изменениях, говоря современным языком, демонстрируют склонность к нелинейной динамике. Во-вторых, он особо отмечает взаимосвязанные процессы эволюции различных аспектов социальной жизни, таких как, например, накопление капитала. Он подчеркивает, что более высокие темпы накопления капитала приводят к более быстрому расширению рынка, что впоследствии создает больше возможностей для более глубокого социального разделения труда. Это, в свою очередь, приводит к повышению производительности труда, росту доходов на душу населения и, что особенно важно, увеличению прибыли. Более высокий уровень доходов и прибыли затем способствует увеличению темпов накопления капитала, тем самым запуская самовоспроизводящуюся последовательность. Смит точно уловил концепцию циклической и кумулятивной причинно-следственной связи, признавая, что технологический прогресс и экономический рост взаимно усиливают друг друга. Эллин Янг (Young, 1928, p. 529) охарактеризовал эту концепцию как центральную «теорему» Смита и «одно из наиболее ярких и плодотворных обобщений» в экономической науке. Она является краеугольным камнем доктрины динамически растущей доходности. Разделение труда в сочетании с сопутствующей технологической эволюцией углубляется и распространяется, приводя к устойчивым и прогрессивным изменениям. Эта трансформация выходит за рамки экономической сферы, пронизывая общество, культуру и структуры управления.

Смит выделяет три направления, посредством которых разделение труда способствует повышению производительности: i) специализация, которая повышает квалификацию работников; ii) эффективность, достигаемая за счет уменьшения количества переходов от задачи к задаче и времени, необходимого для обучения рабочих и освоения оборудования; и iii) внедрение машин, заменяющих труд людей и животных механической энергией (см.: Смит, 2007, с. 70–72). Хотя i) и ii) обеспечивают относительно небольшой и ограниченный прирост производительности, потенциал iii) не имеет видимых ограничений. К сожалению, Смит не знал о производственных перспективах, которые открывала механизация. Как это ни парадоксально, он особо отмечал как значительный потенциал производственного сектора для более глубокого разделения труда, так и связанный с этим рост производительности труда, особенно по сравнению с такими секторами, как сельское хозяйство. Тем не менее он не считал, что именно производственный сектор играет ключевую роль «двигателя роста». Он утверждал, что этот сектор преимущественно производит предметы роскоши и украшения для богатых, а не основ-

ные инвестиционные товары, такие как инструменты и оборудование для экономики в целом. Примечательно, что он рассматривал «зерно» (пшеницу), один из видов сельскохозяйственной продукции, как почти эксклюзивный (композитный) продукт, необходимый в качестве исходного материала для производства всех товаров, включая сам этот продукт. И, наоборот, большинство промышленных товаров, не считавшихся основными, поступали в производство лишь ограниченного круга других товаров, что делало их либо специализированными средствами производства, либо расходными материалами. Технологии, которые обсуждал Смит, также не соответствовали тому, что сегодня называют «технологиями широкого применения».

Оглядываясь назад, можно сказать, что хотя понимание Смитом технологических и экономических преобразований, проложивших путь к первому веку машин (термин Дэвида Отора), не было полностью верным, предложенная им концептуальная основа этих далеко идущих революционных процессов и аналитический инструментарий для их изучения получили широкое признание. Предложенная Смитом структура очерчивает серию долгосрочных состояний экономической системы, для которых характерны различные «системы производства» или «технологии». Переход от системы к системе регулируется особым процессом отбора — конкуренцией, который заставляет производителей сосредоточиться на экономической эффективности, тем самым непреднамеренно привнося порядок и структуру в экономику.

Примечательно, что работа Смита не описывает форму «кнопочной экономики», в которой можно точно предсказать, к какому новому «равновесию» неизбежно перейдет система в результате любых изменений ее независимых переменных (как они понимаются в маржиналистском или неоклассическом контексте: предпочтения, технологические знания и изначальный потенциал). Такое утверждение граничит с претензией на знание, которым экономисты обычно не владеют. Оно, среди прочего, основано на смелом предположении, что все непреднамеренные последствия человеческих действий и взаимодействий можно точно предвидеть, что явно не соответствует действительности. Совершенное предвидение невозможно, а любое утверждение обратного не может быть обосновано.

В результате мы должны поставить вопрос о вере в то, что идеальное общество можно концептуализировать, а затем и построить в соответствии с заранее определенным планом.

Человек системы. В *«Теории нравственных чувств»* (1759) Смит проводит контраст между двумя типами людей: «человеком, чей общественный настрой целиком движим гуманностью и доброжелательностью», и «человеком системы». В то время как первый следует «божественной максиме Платона никогда не применять насилия по отношению к своей стране, а также к своим родителям», «человек системы», напротив, «не терпит

ни малейшего отклонения от какой-либо части» своего «идеального плана правления», игнорируя как интересы других людей, так и глубоко укоренившиеся предрассудки (Smith, 1976, VI.ii.b. 17). Следовательно, человек системы стремится реализовать свой план, несмотря на огромные проблемы, связанные с позициями оппонентов и устойчивыми предубеждениями. Смит уточняет: «Он, кажется, воображает, что может расположить различных членов большого общества с такой же легкостью, как рука расставляет различные фигуры на шахматной доске; он будто забывает что, тогда как фигуры на шахматной доске не имеют другого принципа движения, кроме того, который им сообщает рука, на великой шахматной доске человеческого общества каждая фигура имеет свой собственный принцип движения, полностью отличный от того, который мог быть навязать ей законами. Если эти два принципа совпадают и действуют в одном направлении, игра человеческого общества будет идти легко и гармонично и, скорее всего, будет счастливой и успешной. Если они противоположны или различны, игра представит из себя жалкое зрелище, и общество будет устроено в высшей степени беспорядочно» (Smith, 1976, VI.ii.b. 17).

Этот отрывок решительно призывает суверена или государственного деятеля признавать и уважать особые «принципы движения» разных людей. Невыполнение этого требования может привести к тому, что граждане с благими намерениями непреднамеренно станут нарушителями закона, как это проиллюстрировал Смит на примере контрабанды (см.: Смит, 2007, с. 829–830).

Аналогия с шахматной доской имеет интересные последствия. В первую очередь, на нее можно посмотреть в контексте ньютоновской астрономии, где планеты заменяют шахматные фигуры на доске. Каждая планета следует своей особой траектории, внося свой вклад в общую гармонию планетной системы, подобную первоначально заданной гармонии. Хотя аналогия Смита не соответствует состязательному характеру игры в шахматы, она показывает, что теория устройства общественной системы, над которой он работал, имеет более сложный состав, чем астрономия Ньютона. В отличие от планет Ньютона, «части» в исследовании Смита не имеют одинакового и неизменного принципа движения. Как явствует из *«Теории нравственных чувств»*, они обладают разнообразным диапазоном способностей, мотиваций и стремлений, меняющихся в зависимости от внешних факторов. Для иллюстрации Смит сравнивает виды людей и животных, заявляя, что «различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым носильщиком, например, создаётся повидимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием» (Смит, 2007, с. 78). Более того, количество фигур на шахматной доске постоянно меняется по ходу игры, тогда как астрономия Ньютона предполагает постоянное число планет.

Однако меняются не только цифры; трансформируются и состав «фигур» на шахматной доске, и их распределение по различным социальным группам и классам. Появляются новые группы и классы, в то время как некоторые из ранее возникших приходят в упадок и постепенно исчезают. Социально-экономическая система находится в постоянном движении, претерпевает непрерывную эволюцию. Этот динамизм является результатом того, что люди не только изменяют население и структуру шахматной доски, но и расширяют ее масштабы. В эпоху антропоцена экономическая сфера расширяется, и взаимодействие общества с окружающей средой ведет к потреблению все большего количества ресурсов планеты, которые отнюдь не бесконечны. Этот процесс включает сложные нелинейные отношения, бросающие вызов идее линейного и устойчивого развития без переломных и значительных поворотных моментов. Смит признал этот факт и определил некоторые его аспекты, которые будут рассмотрены в пятом разделе.

Теперь мы кратко остановимся на том, как некоторые идеи и концепции Смита находят отклик в трудах Маркса и Шумпетера, сосредоточась при этом на тех соответствиях, которые я считаю наиболее важными.

Отражение идей А. Смита в работах Маркса и Шумпетера

Маркс и Шумпетер внимательно изучили работы Смита, особенно «Богатство народов», и почерпнули из них важные идеи. Но признавали ли они при этом свой интеллектуальный долг перед Смитом в достаточной степени последовательно? Этот аспект будет затронут ниже. Мы также выделим случаи, когда они выявляли и критиковали аналитические ошибки Смита. Такая критика иногда отвлекает внимание от того, как Маркс и Шумпетер интегрировали ценные аспекты идей Смита в свои собственные работы. Этот раздел начнется с рассмотрения взаимодействия Маркса и Шумпетера с трудами Дарвина и того, как это взаимодействие побудило их включить эволюционные концепции в свои социальные теории. Затем мы обсудим параллели между этими идеями и идеями, ранее сформулированными Смитом, что конечном итоге приведет нас к выводу о том, что Маркс и Шумпетер, возможно, могли заявить о более существенной связи с учением Смита, чем даже Уильям Питт Младший, первый лорд казначейства и канцлер казначейства (1759–1806), который говорил, что он и его помощники были «учениками» Смита (см.: Scott, 1937, p. 302; см. также: Smith, 1987, p. 380).

Взгляды Маркса и Шумпетера на учение Дарвина. Фридрих Энгельс привлек внимание Маркса к «Происхождению видов» Дарвина, увидев возможную связь между естественным отбором и классовой борьбой. Энгельс предположил, что дарвиновская концепция борьбы за существование была «простым переносом доктрины Гоббса *bellum omnium contra omnes*

(война всех против всех), буржуазной экономики конкуренции, а также теории народонаселения Мальтуса из общества в царство живой природы» (Lorenz, 2020, p. 16). В этом случае возникал критически важный вопрос: может ли эта доктрина быть перенесена обратно на общество, приняв новый облик и частично новое содержание, и стоит ли это делать? Маркс провел тщательное рассмотрение этого положения. Хотя он обнаружил параллель между «Происхождением видов» и своей собственной работой «Капитал», поскольку обе они прослеживали историю различных видов или классов, он в конечном итоге отверг эту идею. Он увидел, что «чисто случайное» основание теории Дарвина противоречило его собственной вере в заранее определенную цель социального развития, а именно в бесклассовое общество, где нет эксплуатации человека человеком. Представление о том, что изменения возникают в результате произвольных вариаций, включающих непредсказуемые события с весьма неопределенными результатами, противоречило телеологическому взгляду Маркса и Энгельса на человеческую историю.

Шумпетер, так же, как и Маркс, отверг представление о том, что «классовую борьбу» можно приравнять к дарвиновской концепции «борьбы за существование» и принципу «естественного отбора», заявив, что он разделяет озабоченность не только количественными, но и качественными преобразованиями. Подобно Марксу, Шумпетер опроверг представление о том, что «классовую борьбу» можно приравнять к дарвиновской концепции «борьбы за существование» и принципу «естественного отбора». Шумпетер (Schumpeter, 1954, p. 445) подчеркивал: «Маркс, возможно, почувствовал определенное удовлетворение, ознакомившись с эволюционизмом Дарвина. Но его собственные теории никак не были с ним связаны».

Примечательно, что Шумпетер сравнил достижения Дарвина с открытием «гелиоцентрической системы» (Schumpeter, 1954, p. 445). Однако, как и у Маркса, его основное внимание по-прежнему было сосредоточено на «социальной значимости книги и ее значении для социальных наук» (Schumpeter, 1954, p. 444). Хотя эволюционная биология помогла взглянуть по-новому на взаимодействие экономики и общества как взаимосвязанных и самоизменяющихся систем, у нее в арсенале не было концепций и инструментов, которые можно было бы непосредственно применять в сфере социальных наук.

Эволюционная теория резко контрастировала с преобладающими доктринами, целью которых было дать описание социально-экономической системы посредством механических сравнений, например, с часами или планетными системами, подразумевавших заранее определенные схемы и приверженность неизменным законам природы. В экономике механическую аналогию отстаивал Альфред Маршалл, чьи «Принципы экономики» (Marshall, 1961) вышли под девизом «*natura non facit saltum*» (природа не действует скачками), который означал веру в непрерывность

и отсутствие революционных изменений. Однако, когда мы исследуем социально-экономические системы, составные элементы которых находятся в постоянном движении, механическая аналогия имеет очевидные ограничения. Ее статичная в своей основе точка зрения не учитывает адаптивное обучение, которое происходит, когда агенты осваивают новые технологии, сотрудничают в новых организационных структурах, корректируют предпочтения в отношении новых товаров или улучшают качество существующих и становятся свидетелями устаревания имеющихся товаров. Динамические и эволюционирующие социально-экономические системы в основе своей формируются процессами обучения, побуждающими агентов ориентироваться в нововведениях, внедрять новое и приспосабливаться к не инкрементальным изменениям. Шумпетер утверждал, что Маркс заслуживает признания за наиболее полное понимание этой истины и за углубление нашего ее понимания.

«Экономическая теория истории». Маркс и Шумпетер были убеждены, что для того, чтобы эволюционные идеи и концепции нашли свое место в социальной теории, они должны гармонировать с изучаемой социально-экономической сферой, органически вытекая из ее материальных основ. Используемые концепции должны были быть разработаны *ab ovo* (с самого начала) и, по всей вероятности, лишь немного перекликаться с концепциями эволюционной биологии. Этот подход очевиден и у Маркса, и у Шумпетера. Интересно, что их социальные теории обнаруживают существенные параллели с теорией Смита. В частности, все три автора придерживались взглядов, согласно которым, по словам Маркса, «эволюция экономической формации общества рассматривается как процесс естественной истории» (Marx, 1954, p. 21). Этот процесс лучше всего был изучен, по крайней мере на начальном этапе, с помощью «экономической теории истории», которая рассматривала свойства социально-экономической системы, коренящиеся в ее «способе производства» и «производственных отношениях» между различными социальными классами. Шумпетер нашел этот метод весьма полезным при анализе исторических событий и использовал его разновидность в собственном анализе. Зачатки экономической теории истории можно обнаружить в исследовании Смитом последовательных общественных форм, каждая из которых характеризуется, среди прочего, различными системами прав собственности, механизмами экономической координации и схемами распределения между различными претендентами. Эта историческая траектория привела к созданию «коммерческого общества» времен Смита.

Однако эта востребованная социальная теория не ограничивалась простым выявлением отличительных черт общества на данной стадии развития. Необходимо было выяснить, порождает ли их эволюция силы внутри общества, которые с течением времени неизбежно вступят в конфликт с правящими элементами. Эти скрытые силы могут довольно долго оста-

ваться незамеченными и, по выражению Маркса, постепенно накапливаться «за спиной» агентов. Его точка зрения отражает концепцию непреднамеренных последствий человеческих действий, которую активно отстаивали Смит и другие сторонники шотландского Просвещения. Однако по мере обострения конфликта система будет трансформироваться постепенно или резко, в зависимости от обстоятельств, и выстраивать новый социально-экономический порядок или способ производства. Как подчеркивал Маркс (Marx, 1954, p. 21), общество «не есть твердый кристалл, но организм, способный изменяться и постоянно меняющийся». Понимание истоков, проявлений и результатов таких изменений — в частности, перехода от одного социального порядка к другому — составляло, пожалуй, самый важный и сложный аспект социальных теорий, который Смит, Маркс и Шумпетер старались разъяснить.

«Невидимая рука». Понятие «непреднамеренные последствия» часто понимается через метафору Смита о «невидимой руке», которая, по мнению многих, подразумевала, что «только эгоизм, и ничто другое, необходим для достижения социально полезных результатов» (Schotter, 1985, p. 3). Такая интерпретация предполагает, что все непреднамеренные последствия неизменно приводят к выгоде хотя бы для некоторых, если не для всех, членов общества и никогда не приводят к вреду для кого-либо. Насколько мне известно, ни в одном из сочинений А. Смита нет подтверждений этой интерпретации. Ему ошибочно приписывают точку зрения, которую он решительно и последовательно отвергал. Подобную точку зрения скорее отстаивал Бернард Мандевиль, а Смит считал ее «почти во всех отношениях ошибочной» (Smith, 1976, VII.ii.d. 6; см. также: Kurz, 2016b, p. 28–29). Смит считал, что непреднамеренные последствия могут быть выгодными, нейтральными или вредными для общества. Их влияние можно оценить только для каждого конкретного случая, в зависимости от характера исследуемого общества. Он также предупреждал о существовании последствий, которые проявляются через некоторое время, что делает невозможным вынесение суждений о них в настоящий момент.

Однако основное утверждение Смита в этом контексте заключается в том, что результаты эгоистичного поведения благоприятны не из-за какого-то внутреннего совпадения между личными интересами и общим благом, а потому, что в *хорошо управляемом государстве* человеческие институты созданы для того, чтобы направлять эгоистические интересы в нужное русло — к выгоде всего сообщества. Он подчеркивает первостепенную роль государственных деятелей и законодателей в создании институтов и законов, которые обеспечат стимулы, способные побудить даже «плохих» людей действовать в интересах общего блага.

Маркс и Шумпетер внимательно изучали труды Смита, особенно его мысли о «цивилизационном процессе». Ни один из них не разделял

идею о том, что общее благо всегда достигается за счет эгоистичного индивидуального поведения. Смит и Шумпетер были убеждены, что этот процесс может вестись в различных направлениях, некоторые из которых более или менее благоприятны, другие — более или менее проблематичны. Назвать их обоих «дарвинистами» было бы вполне оправданно, особенно если принять во внимание интерпретацию Майклом Рузом дарвиновской концепции эволюции как «ненаправленного процесса, довольно медленно идущего в никуда» (Ruse, 1988, p. 97), с акцентом на «ненаправленность». С Марксом сложнее: хотя он критически относился к точке зрения Герберта Спенсера и особенно к социальному дарвинизму, он, вслед за Гегелем, считал, что история в конечном итоге направлена на достижение бесклассового общества, и поэтому защищал телеологический взгляд на историю.

Шумпетер (Schumpeter, 1912, p. 89–90) отвергал всякие «поиски объективного смысла истории», основанные, по его убеждению, на «метафизических предрассудках», и критике он подвергал не только Георга Вильгельма Фридриха Гегеля: «К этой категории относится и вариант идеи развития, составляющий главный элемент учения Дарвина — по крайней мере, если этот взгляд на вещи применить к нашей области простым аналогичным способом». Получается, что Шумпетер видел недостатки в понимании эволюции Гербертом Спенсером, и, особенно в социальном дарвинизме.

«Беспокойная» система. Все три автора разделяли убеждение, что экономика, общество, политика и культура образуют единое целое, находящееся в постоянном движении, — систему, в которой изменения никогда не прекращаются. Действия людей имеют огромное количество последствий, как ожидаемых, так и непреднамеренных; из-за этого почти невозможно представить, что колеса социально-экономических изменений когда-либо остановятся. В последние годы своей жизни Шумпетер отошел от своего первоначального восхищения теорией общего равновесия Леона Вальраса, найдя понятие равновесия «бескровным». Он отмечал, что в своих «Элементах» Вальрас не рассматривал достаточно глубоко технологический прогресс, который, по мнению как Шумпетера, так и Маркса, был движущей силой капитализма.

Постоянное движение в системе выступает самоподдерживающимся: появляются технологические и организационные инновации для решения возникающих проблем, эти инновации часто порождают новые проблемы, которые выразятся только в будущем, ближайшем или отдаленном; для решения этих новых проблем разрабатываются дальнейшие инновации, и т. д. ad infinitum. Благодаря этому научно-технические достижения постепенно проникают в общество, служа основой его материальной эволюции. Задолго до появления концепции «общества знаний» Смит под-

черкивал, что производительность и благосостояние общества зависят от «количества науки» (Смит, 2007, с. 73), находящейся в его распоряжении.

Однако потребность в науке выходила за рамки технологий, производства и создания богатства. Существовала также задача сопровождения этого процесса, понимания его разнообразных проявлений и характеристик, анализа и прогнозирования его многочисленных последствий, особенно тех, которые могут оказаться пагубными для людей. Более того, наука сыграла важную роль в разработке стратегий по предотвращению или, по крайней мере, смягчению их неблагоприятного воздействия на общество. Смит считал, что политическая экономия должна играть здесь важнейшую роль.

Было бы неразумно ожидать, что профессиональные социологи смогут точно предсказать все последствия человеческих действий, ожидаемых или иных, но все же знания и опыт позволяют им очертить диапазон возможностей, в рамках которого те или иные последствия могут возникнуть. Этот потенциал позволяет им предлагать меры, направленные на предотвращение угроз и развитие благоприятных тенденций. Как будет показано в пятом разделе, некоторые непредвиденные последствия эволюции системы имеют масштабы, ставящие под угрозу непрерывность процесса цивилизации. Примечательно, что Смит предостерегал: чрезмерное разделение труда хотя и повышает производительные силы общества, одновременно может привести к исчезновению сложных навыков и способностей у рабочих, лишив их понимания даже самых элементарных аспектов общественного бытия. Это не только подрывает возможность защищать общество во время войны, но делает их глубоко непросвещенными.

Обратим вкратце внимание на то, как отдельные идеи и концепции Смита перекликаются со взглядами Маркса и Шумпетера.

От Смита к Марксу и Шумпетеру. Все три мыслителя сходятся во мнении, что социально-экономическая эволюция в первую очередь процветает за счет «улучшений» и «инноваций». Инновации различаются по форме, масштабу и воздействию, в совокупности меняя не только экономическую часть системы, но всю систему целиком, включая социальную психологию, индивидуальные мотивации, культуру и политику. Они вызывают внутренние преобразования общества. Примечательно, что инновации не являются внешними элементами или элементами deus ex machina. Это неотъемлемые компоненты совместной эволюции экономики, общества и политики; они влияют на систему и сами подвергаются ее влиянию. Шумпетер отличается от Смита и Маркса тем, что он выделяет особую группу предпринимателей, отличительные черты которых и даже сущность характера состоит в том, что они наделены инновационным мастерством: они обладают тем, что мы могли бы для краткости назвать «инновационным геном».

Говоря о новых технологических открытиях, все трое используют комбинаторную метафору. Мы уже указывали на это в отношении Смита и Шумпетера. Подобным образом Маркс в третьем томе «Капитала» говорит о «новых машинах, новых и улучшенных методах работы, новых комбинациях» (Marx, 1959, p. 255). Шумпетер, который был самым внимательным исследователем работ Маркса, вполне мог обратить внимание на эту формулировку.

Все три мыслителя рассматривали конкуренцию как механизм отбора, который анализирует вновь созданные технологические устройства и решает, какие из них станут реальными инновациями и приобретут экономическое значение. Как сформулировал Маркс, «ни один капиталист никогда добровольно не будет вводить новый метод производства, пока он снижает норму прибыли — насколько бы он ни поднимал производительность труда и увеличивал норму прибавочной стоимости». (Marx, 1959, p. 264).

Более того, эти авторы подчеркивали роль конкуренции как фактора, придающего экономической системе структуру и последовательность, вынуждая фирмы принимать стратегии минимизации затрат. Подобно Смиту до него, Маркс ссылался на «принудительный закон конкуренции» (Marx, 1951, p. 257).

Взгляд Смита на цивилизацию и связанные с ней риски

Смит излучает оптимизм, утверждая, что при хорошем правительстве «игра человеческого общества будет идти легко и гармонично» и «весьма вероятно, будет счастливой и успешной» (Smith, 1976, p. 17). В этих обстоятельствах процесс цивилизации протекает плавно, направляя общество к идеалам «свободы, равенства и справедливости». Накопление капитала и углубление социального разделения труда запускают процесс циклической и кумулятивной причинно-следственной связи, со временем увеличивая производительность труда и доходы как суверена, так и гражданина, тем самым поднимая реальный доход на душу населения, который для Смита был критерием того, «народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается» (Смит, 2007, с. 65).

Существуют, однако, многочисленные опасности, способные обратить вспять рост и развитие и вызвать экономический спад и нищету. Смит неоднократно предостерегает от предположения, что общество, однажды настроившееся на «естественный курс» развития, сохранит этот курс навсегда. Соответственно, бдительность жизненно необходима, даже в благополучные времена. В этом отношении эволюционная позиция Смита явно склоняется в сторону Дарвина, а не Спенсера. Для ясности полезно вспомнить об основных опасностях для общества, которые, если их не

устранить, могут отбросить его назад, к отсталому «ретроградному состоянию». К ним относятся:

- **неравный доступ к информации и знаниям.** Наряду с углублением социального разделения труда возрастает сложность социальных отношений, при этом значительной части населения, особенно рабочим, все труднее участвовать в общественной жизни и вообще понимать, что в ней происходит;
- **«несчастный дух монополии».** Торговцы и бизнесмены, как правило, постоянно добиваются привилегий или монопольного положения для своих предприятий, желательно под защитой властей. Это стремление грозит вернуть систему к мутным «меркантилистским» практикам;
- **неправильный политический отбор.** Неадекватный политический отбор может расширить возможности людей, не имеющих необходимых умственных, моральных и лидерских качеств, тем самым ставя под угрозу судьбу нации;
- **измененные стремления и мотивации.** По мере роста благосостояния образ мышления и мотивация людей меняются, разрушая важные добродетели из-за преобладания эгоистических коммерческих и гедонистических интересов. Этот сдвиг ставит под угрозу способность нации защитить себя в случае нападения со стороны соседей-«варваров».

Дифференцированная информация и знание. Смиту традиционно приписывают деление людей на «три великих категории» — землевладельцы, рабочие и капиталисты — на основе их контроля над различными производственными ресурсами, дающими соответствующие доходы: земля и рента, рабочая сила и заработная плата, капитал (реальный или финансовый) и прибыль или проценты. Однако эта классификация сопровождается весьма разным доступом этих трех категорий к информации и знаниям. Землевладельцы получают земельную ренту, которая «не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы сам[а] собой и независимо от каких бы то ни было их собственных проектов и планов» (Смит, 2007, с. 281). Такое положение приводит к праздности и делает их «слишком часто не только несведущими, но и неспособными к той умственной деятельности, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той или иной меры регулирования» (Смит, 2007, с. 281).

Ситуация становится еще хуже, когда мы переходим к людям второй группы — рабочим, которые составляют, безусловно, самую большую часть общества. Состояние рабочего «не оставля[ет] ему времени для того, чтобы приобретать необходимые сведения, а его образование и привычки обыкновенно таковы, что делают его совсем неспособным к правильному суждению, даже если бы он обладал всей полнотой сведений» (Смит, 2007, с. 281). В результате работник всегда уязвим для манипуляций. Смит от-

мечал, что «при общественном обсуждении вопросов его голос слабо слышен, на него обращают мало внимания, исключая особые случаи, когда его требования достаточно громки, настойчивы и поддерживаются предпринимателями в их собственных целях» (Смит, 2007, с. 281).

Люди, наиболее информированные в экономических и политических вопросах, — это купцы и фабриканты, «в течение всей своей жизни они разрабатывают всяческие планы и проекты» и поэтому «часто отличаются большей сообразительностью и пониманием», чем остальные члены общества (Смит, 2007, с. 282). Обладая «лучш[им] понимани[ем] своих интересов» (Смит, 2007, с. 282), эти люди, с одной стороны, способствуют экономическому динамизму. Однако их эгоизм может нанести ущерб интересам других классов и общества в целом. Что касается конкретно «дилеров» и посредников на рынках, Смит констатирует:

> «Между тем интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им. Расширение рынка и ограничение конкуренции всегда отвечают интересу торговцев... [таким образом] может давать торговцем путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан» (Смит, 2007, с. 282).

> Смит продолжает: «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случая и вводил его в заблуждение и угнетал» (Смит, 2007, с. 282).

Люди, обладающие большим количеством информации и лучшим пониманием, часто используют это преимущество в ущерб интересам других членов общества, включая покупателей, потребителей и работников. Это явление, которое сейчас называют «моральным риском», подчеркивает потенциальные риски, присущие такому неравенству.

Умственное и моральное обнищание — побочный продукт общественного разделения труда. Смит глубоко убежден, что углубление социального разделения труда приводит к усложнению социально-экономической структуры, а это, в свою очередь, усугубляет неравенство в получении информации, знаниях и понимании, от которого страдает рабочий класс. Уяз-

вимость этих классов к обману подрывает долгосрочную стабильность общества. Однако, как подчеркнул Смит, существуют дополнительные опасности, которые следует учитывать:

> «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая или необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются. Он поэтому, естественно, утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо» (Смит, 2007, с. 722).

> Он продолжает: «Его умственная тупость делает его не только неспособным находить удовольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство, а следовательно, и составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих, даже обычных обязанностей частной жизни. О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защищать свою страну во время войны» (Смит, 2007, с. 722).

> С чувством тревоги Смит заключает: «Его ловкость и умение в его специальной процессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. *Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 722).

Смит подчеркивает серьезную угрозу цивилизационному процессу, возникающую из-за снижения умственного и морального благополучия большинства населения. Кроме того, эта опасность усугубляется возможностью событий, на которые намекают упоминания об упадке боевых качеств.

Как широко известно, Смит выступает за обязательное начальное образование для детей из низших классов (Смит, 2007, с. 723–727; см. также:

Holler, 2007). Однако, оглядываясь назад, можно задаться вопросом, был ли этот тип образования достаточным, чтобы трудящиеся бедняки получили способность понимать не только «многих, даже обычных обязанностей частной жизни», но и «велики[е] и общи[е] интерес[ы] своей страны».

Взгляды Смита по этому вопросу определялись современной ему преобладающей тенденцией, когда технологический прогресс в первую очередь приводил к снижению квалификации, и эта тенденция проецировалась на будущее. Позже Маркс выразил ту же идею в своей теории пауперизации и отчуждения рабочего класса. Оба отмечали устаревание ценного человеческого капитала, которым обладают квалифицированные ремесленники, вследствие применения машин; в результате труд взрослых стал заменяться более дешевым детским трудом. Однако некоторые из более поздних форм технического прогресса изменили эту тенденцию, в значительной степени полагаясь на различные формы человеческого капитала и несколько смягчив проблему, которая тревожила Смита и Маркса.

Несчастный дух монополии. Как известно, Смит считает, что монополии наносят ущерб эффективному управлению (Смит, 2007, с. 191). По сути, он имеет в виду два типа монополий: монополии, разрешенные и созданные правительством (например, Ост-Индская компания), и монополии, возникшие в результате сговора между предприятиями, направленного на уклонение от конкуренции. Смит признает, что этот дух монополии невозможно искоренить навсегда и что он представляет собой постоянную угрозу обществу. Он утверждает, что практика сговора между фирмами является «естественным» положением дел, позволяющим бенефициарам получать дополнительную прибыль.

> Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары, намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы — состоят ли они в заработной плате или прибыли — значительно выше их естественной нормы (Смит, 2007, с. 115).

Инвестиции в получение привилегий со стороны органов государственной власти могут быть более прибыльными, чем инвестиции в улучшения и инновации. Монополии, по мнению Смита, представляют собой «единственн[ое] оружи[е] мекрантилистской системы» (Смит, 2007, с. 598), обычно поддерживаемый несправедливыми и жестокими законами (см.: Смит, 2007, с. 612). Их существование предполагает коллаборацию торговцев, производителей и вообще всех, занимающихся бизнесом, с одной стороны, и законодателей и государственных служащих, — с другой,

и, таким образом, указывает на тесно связанную с ними опасность, угрожающую процессу цивилизации: коррупцию.

Кроме того, существует нестабильность банковской системы, особенно в режиме бумажных денег. Если бы соответствующие наблюдения Смита были учтены в экономике и политике, это могло бы спасти мир если не от повторяющихся финансовых кризисов, то, по крайней мере, от их высокой интенсивности (см.: Kurz, 2016a, раздел 6).

Внутренняя нестабильность банковской системы. Смит подчеркивает, что финансовые и денежные рынки в корне отличаются от товарных рынков. В последнем случае рыночная цена, поднимаясь выше своего естественного уровня, позволяет получать прибыль сверх нормы и, возможно, значительно более высокую заработную плату. Это в свою очередь, будет привлекать капитал и рабочую силу, вести к расширению выпуска и оказывать сдерживающее воздействие на рыночную цену. Тогда как рост цены финансового актива может увеличить спрос на актив в надежде и ожидании дальнейшего роста его цены. «Заразительность» и стадное поведение могут оправдывать ожидания, часто приводя к образованию финансовых пузырей, которые рано или поздно лопнут. Банковская сфера, настаивал Смит, особенно подвержена нестабильности и может даже привести к кризису всей экономики. Эмпирическим фоном отрезвляющего суждения Смита послужили банкротства банков в Шотландии и, прежде всего, события, связанные с Банком Франции и «пузырем Миссисипи» (см. ниже). Эти выявленные Смитом явления, сегодня известны как асимметричная информация, моральный риск и неблагоприятный отбор. На основании исторического опыта и своих теоретических объяснений, он пришел к выводу, что банковская торговля остро нуждается в регулировании. Поскольку умные и эгоистичные люди всегда будут пытаться обойти существующие правила с помощью финансовых инноваций, регулирование торговли является чрезвычайно сложной задачей, которой нужно заниматься постоянно. Он также видел, что некоторые законы и постановления сами по себе могут вызвать проблемы. Хотя его внимание было в первую очередь сосредоточено на системных рисках, влияющих на экономику в целом, существовали также проблемы, касающиеся отдельных групп, особенно с низкими доходами и статусом. Например, разрешение выпуска банкнот на очень небольшие суммы может казаться выгодным для «бедных людей», однако на самом деле верно обратное: такие банкноты могут привести этих людей к «большим бедствиям» (Смит, 2007, с. 332) — не в последнюю очередь потому, что возможность стать банкирами привлекает «подлых людей». Регулирование этой области, будучи абсолютно необходимым, является чрезвычайно сложной задачей.

Люди, приходящие в финансовый сектор, обычно готовы идти на большой риск, зная, что в случае неудачи возможные потери, вызванные их решениями, лягут на плечи других. Смит приветствовал введение бумажных

денег, поскольку они позволяли заменить золото и серебро материалом, затраты на производство которого были близки к нулю и поэтому были сравнимы с «техническим усовершенствованием» в производстве (Смит, 2007, с. 308). Однако в то время как драгоценные металлы напоминали «шоссе», по которому транспортируются товары, бумажные деньги создавали как бы «путь по воздуху», и в результате торговля и промышленность подвешивались на «дедаловских крыльях бумажных денег» (Смит, 2007, с. 330). Франция дала показательный пример связанных с этим опасностей. Герцог Орлеанский, регент Франции, частично следуя планам «великолепного, но мечтательного» Джона Лоу (Смит, 2007, с. 327), ввел бумажные деньги, чтобы уменьшить огромный долг, накопленный королем Франции. В результате Франция оказалась на грани краха. Герцог проигнорировал заповедь о том, что во избежание огромных рисков использование бумажных денег должно идти на основе «рациональной» и «осмотрительной» (prudent) банковской деятельности (Смит, 2007, с. 327, 334). Интересный факт: термин «prudent», ставший очень популярным после финансового кризиса 2008 г., Смит использовал четыре раза в одном абзаце!

Однако даже если бы все банкиры оказались людьми квалифицированными и «обладающими безупречным кредитом» (Смит, 2007, с. 333), это не избавило бы систему от всех опасностей. Смит утверждал, что рискованность проекта имеет обыкновение возрастать вместе с его ожидаемой прибыльностью. Во времена Смита игнорирование этой закономерности также приводило к «иррациональному оптимизму» (Алан Гринспен), как и сегодня. Смит предупреждал, что в условиях быстрого роста банковской торговли знания банкиров о надежности их должников практически исчезают — и тогда они склонны давать деньги «фантастически[м] прожектер[ам],... затрачивающи[м] получаемые деньги на нелепые предприятия, которые, даже при всей помощи, какая может быть оказана им, они, вероятно, никогда не будут в состоянии выполнить [обязательства] и которые, даже будучи доведены до конца, никогда не смогут вернуть суммы, в действительности затраченные на них» (Смит, 2007, с. 327)

Прожектеры, подчеркнул Смит, готовы предложить банкам более высокие процентные ставки, тем самым вытесняя «осторожных и бережливых должников», которые инвестируют в предприятия «менее грандиозные и заманчивые, но зато более солидные и прибыльные» (Смит, 2007, с. 327). Поэтому можно ожидать, что банки выберут первое, а не второе, и в результате получится отрицательный отбор. Тогда растущая часть капитала страны будет распределяться «из благоразумных и прибыльных предприятий в предприятия неразумные и невыгодные» (Смит, 2007, с. 327).

Таким образом, существовали веские причины для регулирования банковского дела. Смит замечает:

«А такое регулирование, без сомнения, может быть, в некоторых отношениях рассматриваемо как подавление естественной свободы. Но такие проявления естественной свободы немногих отдельных лиц, *которые могут подвергать опасности благополучие всего общества,* ограничиваются и должны ограничиваться законами всех правительств... Обязательство возводить брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров, представляет собою нарушение естественной свободы совершенно того же характера, как и регулирование банковских операций, предложенное здесь» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 333).

Если «естественная свобода немногих людей» ставит под угрозу «безопасность всего общества», вопрос не в том, нужно ли регулировать банковскую деятельность, а в том, какие правила будут эффективно защищать общество, при этом оставляя место для преследования собственных интересов и позволяя банкам предоставлять для этого финансовые средства.

Справятся ли политики с поставленными задачами? Вышеизложенные соображения (а также представленные в следующем подразделе) неоднократно привлекали внимание к решающей роли государственных деятелей и законодателей в преодолении опасностей, с которыми сталкивается цивилизационный процесс. От их ответов во многом будет зависеть, останется ли общество в «прогрессивном», «регрессивном» или «застойном» состоянии или перейдет от одного к другому, на пользу или во вред себе. Но можно ли ожидать от политиков, что они справятся со сложными задачами? Если ответ отрицательный, то как может политика реформ, призванная исправить искажения меркантилизма, когда-либо добиться успеха, и, что еще более важно, как можно защитить общество от опасностей, изложенных здесь?

В *«Теории нравственных чувств»* (особенно см.: Smith, 1976, VI.ii) и других работах Смит указывает строгие требования, которым в идеале должен был бы соответствовать государственный деятель. К ним относятся солидные знания в различных областях, включая историю, право и политическую экономию, а также быстрота восприятия, способность трезвого суждения и, в особенности, ряд важных нравственных добродетелей. Когда Смиту доверили обучение молодого герцога Баклю во время его гранд-тура по континентальной Европе в 1764 г., от него ожидали, что он будет давать ему наставления именно в этих вопросах, чем и подготовит юношу к политической карьере (от которой, впрочем, тот позднее отказался).

За немногочисленными исключениями — некоторые из них были упомянуты выше — Смит без особого оптимизма смотрел на способность большинства политиков, населяющих мир, решать стоящие перед ними задачи. В «Лекциях по юриспруденции» он отмечал, что они «отнюдь не являются образцом добросовестности и пунктуальности» (Smith, 1978,

p. 327), а в «Богатстве народов» характеризовал их как «коварных и хитрых созданий» (Смит, 2007, с. 454).

Увы, нам предстоит упомянуть о еще более серьезной проблеме, связанной с цивилизацией. Она возникает в результате неравномерного развития внутри народов и между ними: во-первых, в ходе совместной эволюции экономики, общества, культуры и политики одни элементы более ранних стадий развития или способов производства приходят в упадок, в то время как другие находятся на подъеме; во-вторых, разные страны имеют различные скорость и характер развития в указанных направлениях. Такая неравномерность развития внутри стран и между ними может быть источником всяческого напряжения и конфликтов, которые в конце концов могут вылиться в войны и положить конец процессу цивилизации.

«Способность к обороне гораздо важнее богатства». В пятой книге «Богатства народов» Смит определяет как первую обязанность суверена его долг защищать общество «от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ», который «может быть выполнен[] только посредством военной силы». И добавляет: «Однако расходы как на подготовку военной силы в мирное время, так и на использование ее во время войны *весьма различны в разных состояниях общества, в разные периоды его развития*» (Курсив мой. — *Авт*.) (Смит, 2007, с. 651). Более конкретно, он опасается, что в «Веке коммерции» (Smith, 1978, p. 27), четвертом общественном состоянии, через которое предстоит пройти человечеству, особенно проявляются две антагонистические тенденции: с одной стороны, рост реальных доходов на душу населения, никогда прежде не наблюдавшийся в истории, с другой стороны, снижение «боевого духа» и воинских добродетелей. В «Лекциях по юриспруденции» мы читаем: «Когда страна достигает определенной степени совершенства и утонченности, она становится менее готовой к войне» (Smith, 1978, p. 37). Этот факт не остается незамеченным менее богатыми завистливыми соседями — Смит говорит также о «варварских» народах, которые все еще обладают значительной и превосходящей военной мощью. Благополучие богатого народа, настаивает Смит, всегда «вызывает нападения соседних народов. Благодаря своей промышленности богатый народ является для других народов наиболее желанным объектом нападения; и если только государство не предпринимает новых мер для общественной защиты, естественные привычки народа сделают его совсем неспособным к собственной защите» (Смит, 2007, с. 656).

По сути, есть три пути к богатству и процветанию: i) путем завоевания других стран, грабежа и уплаты дани порабощенными народами; ii) путем торговли и выгодного обмена; и iii) за счет использования и развития промышленности и трудолюбия производительных работников посредством углубления общественного разделения труда, которое повышает производительность труда. Исторически маршрут i) являлся особенно важным

на ранних этапах развития, однако позднее, в торговый период, он был заменен маршрутом ii) и, в конечном итоге, маршрутом iii) во времена Смита. Повторение маршрута i) в наше время может показаться на первый взгляд атавистическим и трудным для оправдания, но, по мнению Смита, это не так.

С развитием экономики и ростом уровня доходов высшим слоям общества стал доступен новый и привлекательный вариант. Если в феодальные времена честь и общественная репутация могли быть завоеваны почти исключительно героическим поведением на поле боя, и поэтому военная служба считалась благороднейшим долгом отпрысков знати, то теперь успешная экономическая деятельность стала предлагать заманчивые альтернативы. Соответственно, полагает Смит, «богатым стало некомфортно идти на войну *из-за алчности*... Купец, который может заработать 2 или 3000 фунтов стерлингов дома, вряд ли захочет идти на войну, тогда как для древнего рыцаря, которому больше нечего было делать, война являлась в некотором роде развлечением». Он продолжает:

«Когда улучшение искусств и производств превратилось в задачу, заслуживающую внимания высших слоев, защита государства, естественно, стала делом низших, потому что богатых никогда нельзя принудить делать что-либо, кроме того, что им нравится. ... Когда искусство и торговля... становятся очень прибыльными, защита государства становится самым низким делом. Таково наше нынешнее положение в Великобритании» (Smith, 1978, p. 335–336).

Коммерция, настаивает Смит, имеет не только хорошие, но и «плохие» последствия. Особенно плохим является то, что «она снижает мужество человечества и имеет тенденцию подавлять боевой дух». (Smith, 1978, p. 331). Она также поощряет гедонизм: «Поскольку их умы постоянно заняты искусством роскоши, [люди] становятся женоподобными и подлыми» (Smith, 1978, p. 331). Эта перемена в устремлениях и образе жизни высших слоев общества, а также склонность низших слоев подражать им приводят к уменьшению способности цивилизованных наций защищать себя.

Смит призывает «мудрость государства» (Смит, 2007, с. 656) предпринимать необходимые оборонительные усилия для защиты общества, что требует содержания и постоянной модернизации достаточно большой и хорошо оснащенной регулярной армии. В этом отношении Смит следует максиме, которую он выдвинул в книге IV «Богатства народов»: «Оборона страны гораздо важнее, чем богатство» (Смит, 2007, с. 451). Можно сказать, что это одно из самых важных его утверждений. Смит утверждает, что государство играет решающую роль для продолжения процесса цивилизации. Если же цивилизованные страны не смогут в достаточной степени увеличить свою военную мощь, чтобы сдерживать потенциальных захватчиков или иметь преимущество в случае военного конфликта, этот

процесс закончится и обратится вспять. «Система естественной свободы» находится в опасности, ибо она может пасть жертвой тенденций, которые, по иронии судьбы, сама же и породила. Процессу цивилизации угрожает опасность, находящаяся внутри него.

Как предотвратить эту опасность и защитить коллективное благо: целостность и суверенитет страны и ее жителей? Поскольку отдельные индивидуумы не желают и не способны защищать коллективное благо, вступать в дело приходится сообществу в целом и его политическим представителям. В отличие от гражданской сферы, в которой разделение труда является результатом работы «невидимой руки», которая в хорошо управляемом обществе эффективно использует рассудительность, благоразумие и личные интересы, в военной сфере необходима видимая рука государства. Смит поясняет:

«В других искусствах разделение труда, естественно, вводится благоразумием отдельных лиц, понимающих, что они лучше достигнут удовлетворения своих личных интересов, занимаясь одним каким-нибудь промыслом, чем несколькими. Но только благоразумие государства может сделать ремесло солдата отдельным ремеслом, отличным от всех других» (Смит, 2007, с. 655–656).

> Он продолжает: «Отдельный гражданин, который во время глубокого мира и без каких-либо поощрений со стороны общества был бы в состоянии проводить большую часть своего времени в военных упражнениях, без сомнения, мог бы очень хорошо как усовершенствоваться в них, так и получить от них удовольствие; но, конечно, этим он не удовлетворил бы своих интересов. Только мудрость государства может дать ему возможность в интересах последнего предаваться этому специальному занятию, но *государства не всегда имеют эту мудрость, даже когда обстоятельства, в которых они находятся, требуют для сохранения их существования, чтобы они обладали этой мудростью*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 656).

Здесь нет необходимости вдаваться в более подробное обсуждение увлекательных доводов Смита. Достаточно упомянуть, что он решительно выступает за создание хорошо обученной и оснащенной профессиональной армии и ее сохранение даже в мирное время. Однако, поскольку редко бывает преимущество, которое не влечет за собой и некоторый недостаток, он предлагает, среди прочего, дополнить постоянную армию ополчением, сформированным из граждан, чья главная задача состоит в том, чтобы удержать армию от военного переворота.

Могут ли эти и некоторые дополнительные меры гарантировать продолжение процесса цивилизации? Когда я читаю Смита, вижу, что он не был уверен в долгосрочной перспективе. Он полагал, однако, что «недавно»

на помощь пришла «простая случайность»: изобретение пороха и огнестрельного оружия и «переворо[т], произведенн[ый] в военном искусстве» (Смит, 2007, с. 664). Это оружие, утверждал он, варварские народы не смогут себе позволить, поскольку оно очень дорогое. Следовательно: «В новое время бедным и варварским народам трудно защищаться от народов богатых и цивилизованных» (Смит, 2007, с. 665). Впрочем, его вывод напоминает «свист в темноте», чтобы рассеять страх: такое развитие событий, как он полагает, «на самом деле благоприятно для сохранения и распространения цивилизации» (Смит, 2007, с. 665). По-видимому, он убежден, что богатые страны, обладающие превосходным вооружением, не будут использовать его против бедных соседей, поскольку гедонистические и хрематистические установки окажутся эффективным барьером для империалистических действий. Но что если технологический прогресс в конечном итоге удешевит передовое вооружение и сделает его доступным для менее богатых стран?

Хотя соответствующая аргументация Смита не вполне последовательна, а история не всегда подтверждает выводы, которые он из нее извлек, он обратил внимание на тесно переплетающиеся внутренние и международные тенденции, которые замечательным образом отражают его поразительно глубокое эволюционное понимание сложных явлений.

Заключительное замечание

В заключение мы можем задаться вопросом, является ли «простая случайность» Смита на самом деле овеществлением того, что он в «Теории моральных чувств» назвал «планом проведения». Там мы читаем: «Счастье человечества, как и всех других разумных существ, кажется, было первоначальной целью, поставленной Создателем Природы, когда он создал их» (Smith, 1976, vol. III, p. 7). А в другом отрывке он придает своему деизму почти спенсеровский эволюционный оттенок: «Природа... кажется... задумала счастье и совершенство вида» (Smith, 1976, vol. II, p. 2). Если бы у человечества действительно была причина полагаться на «Природу» и ее «Автора», все было бы хорошо, и политики не смогли бы взорвать планету. Соответствующие рассуждения Смита напоминают оптимистическую веру Уилкинса Микобера в романе Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» в то, что «что-то появится». Пусть будущее докажет правоту Смита!

Список литературы

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Coase, R. H. (1976). Adam Smith's View of Man. *Journal of Law and Economics, 19*(3), 529–546. https://doi.org/10.1086/466886

Dopfer, K. (2016). Evolutionary Economics. In G. Faccarello, H. D. Kurz (Eds.), *Handbook on the History of Economic Analysis*, vol. III: *Developments in Major Fields of Economics* (p. 175–193), Edward Elgar Publishing.

Holler, M. J. (2007). Adam Smith's Model of Man and Some of its Consequences. *SSRN Electronic Journal, 23*(3/4), 467–488. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.964433

Kurz, H. D. (2016a). Adam Smith on Markets, Competition and Violations of Natural Liberty. *Cambridge Journal of Economics, 40*(2), 615–638. https://doi.org/10.1093/cje/bev011

Kurz, H. D. (2016b). *Economic Thought: A Brief History*. New York: Columbia University Press.

Kurz, H. D. (2023). Joseph A. Schumpeter — One of the Founders of Evolutionary Economics. In: K. Dopfer et al. (Eds.), *Routledge Handbook of Evolutionary Economics*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429398971

Lorenz, H.-W. (2020). Der Darwinismus in der Nationalökonomik. In: P. Spahn (Ed.), *Von Marx & Engels zu Nelson & Winter (und darüber hinaus)* (p. 1–53).Duncker & Humblot.

Marshall, A. (1961). *Principles of Economics*. 8th ed. Variorum Edition. Macmillan.

Marx, K. (1954). *Capital*, vol. I. London: Lawrence and Wishart. First published in German in 1867.

Marx, K. (1959). *Capital*, vol. III. London: Lawrence and Wishart. Edited by F. Engels. First published in German in 1894.

Mizuta, H. (ed.) (2000). *Adam Smith's Library. A Catalogue*. Clarendon Press.

Ruse, M. (1988). Molecules to Men: Evolutionary Biology and Thoughts of Progress. In M. H. H. Nitecki (ed.), *Evolutionary Progress*. Chicago University Press.

Schotter, A. (1985). *Free Market Economics: A Critical Appraisal*. Blackwell.

Schumpeter, J. A. (1912). *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Duncker and Humblot.

Scott, W. R. (1937). *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow. New issue of the 1937 edition. Augustus M. Kelley.

Smith, A. (1987). Correspondence. In: E. C. Mossner, I. S. Ross (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 6). 2nd ed. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198285700.book.1

Smith, A. (1980). Essays on Philosophical Subjects. In: W. P. D. Wightman, J. Bryce, I. Ross (Eds.). *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 5). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281870.book.1

Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 1). Glasgow University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1

Sraffa, P. (1960). *Production of Commodities by Means of Commodities*. Cambridge University Press.

Young, A. (1928). Increasing Returns and Economic Progress. *Economic Journal*, *38*(152), 527–542. http://dx.doi.org/10.2307/2224097

References

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. П. Паганелли[1]
Университет Троицы (Сан-Антонио, США)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

АДАМ СМИТ И НРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА[2]

В «Богатстве народов» Адама Смита прескриптивный и дескриптивный анализ переплетены. В то время как анализ стимулов строго описательный, мотивация анализа предписывающая, как и мотивы его предписаний.

Для Смита богатство имеет тенденцию содействовать справедливости; оно также имеет тенденцию быть следствием справедливости. Бедность имеет тенденцию создавать несправедливость и быть следствием несправедливости. Таким образом, понимание того, как увеличить богатство нации, означает понимание того, как содействовать справедливости.

Порочные стимулы групп специальных интересов являются разрушительными как для богатства, так и для справедливости. Смит назвал «Богатство народов» яростной атакой на британскую коммерческую систему, потому как в предлагаемой здесь интерпретации весь аппарат Британской империи был результатом этих порочных стимулов групп специальных интересов, которые не только порождали неэффективные монополии, но также порождали грубую несправедливость для самых слабых членов общества.

Для Адама Смита богатство имеет тенденцию содействовать справедливости; оно также имеет тенденцию быть следствием справедливости. Бедность имеет тенденцию создавать несправедливость и быть следствием несправедливости. В первом разделе статьи анализируется традиционная трактовка «Богатства народов» как в том числе трактата о неэффективности монополий в частности, и меркантилистской системы в целом. При этом показывается, что Смит анализировал проявления лоббизма и кумовства, во многом с позиций, которые на сегодняшний день приняты в теории общественного выбора. Во втором разделе подчеркивается, что идея справедливости предшествует рассмотрению экономических явлений с позиций эф-

[1] Паганелли Мария Пиа — профессор экономики университета Троицы (Сан-Антонио, Техас); e-mail: mpaganel@trinity.edu.

[2] Настоящая статья была впервые опубликована в монографии: Sagar P. (Ed.). Interpreting Adam Smith: Critical Essays. Cambridge University Press. Перевод данной работы публикуется с любезного разрешения Cambridge University Press.

© Паганелли Мария Пиа, 2024

фективности. Так, осуждение Смита различных последствий доминирования групп с особыми интересами в тех или иных сферах общественной и экономической жизни, зачастую проявляющихся в увеличении человеческих страданий и бедности, основано на нормативной моральной установке недопустимости нарушения свободы и принципов дистрибутивной справедливости. Третий раздел посвящен обобщению критики Смита систем, которые и неэффективны, и несправедливы. Порочные стимулы групп специальных интересов являются разрушительными как для богатства, так и для справедливости. Смит назвал «Богатство народов» яростной атакой на британскую коммерческую систему, потому как в предлагаемой здесь интерпретации весь аппарат Британской империи был результатом этих порочных стимулов групп специальных интересов, которые порождали не только неэффективные монополии, но также грубую несправедливость для самых слабых членов общества. Ключевой тезис, который обосновывается в статье: понимание того, как увеличить богатство нации означает также и понимание того, как содействовать справедливости.

Ключевые слова: Адам Смит, лоббизм, кумовство, непотизм, меркантилизм, эффективность и справедливость, теория общественного выбора.

Цитировать статью: Паганелли, М. (2024). Адам Смит и нравственное содержание политической экономии: интерпретация с позиций теории общественного выбора. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 221–239. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-12.

M. P. Panagelli
Trinity University (San Antonio, USA)
JEL: B12, H1, P00

ADAM SMITH AND THE MORALITY OF POLITICAL ECONOMY: A PUBLIC CHOICE READING

In Adam Smith's "Wealth of Nations", prescriptive and descriptive analysis are intertwined. While incentives analysis is strictly descriptive, the motivation of the analysis is prescriptive as are the motivations for its prescriptions.

For Smith, wealth tends to promote justice; it also tends to be a consequence of justice. Poverty tends to create injustices instead, and to be a consequence of injustice. Understanding how to increase the wealth of a nation is thus understanding how to increase its justice.

The perverse incentives of special interests are destructive forces of both wealth and justice. Smith called "Wealth of Nations" a violent attack against the British commercial system because, in the interpretation offered here, the entire apparatus of the British Empire was the results of those perverse incentives of special interests groups that not only generated inefficient monopolies, but also, and especially, generated gross injustices for the weakest members of society.

For Adam Smith, wealth tends to promote justice; it also tends to be a consequence of justice. Poverty tends to create injustice and be a consequence of injustice. The first section of the article analyzes the traditional interpretation of "The Wealth of Nations" as, among

other things, a treatise on the inefficiency of monopolies in particular, and the mercantilist system in general. It is shown that Smith analyzed manifestations of lobbying and nepotism, largely from the standpoint that is currently accepted in public choice theory. The second section emphasizes that the idea of justice precedes the consideration of economic phenomena from the standpoint of efficiency. Thus, Smith's condemnation of the various consequences of the dominance of special interest groups in certain spheres of social and economic life, often manifested in an increase in human suffering and poverty, is based on the normative moral attitude of the inadmissibility of violating freedom and the principles of distributive justice. The third section is devoted to a generalization of Smith's criticism of systems that are both inefficient and unfair. The perverse incentives of special interests are destructive of both wealth and justice. Smith called "The Wealth of Nations" a vicious attack on the British commercial system because, in the interpretation offered here, the entire apparatus of the British Empire was the result of these perverse incentives of special interests, which not only produced inefficient monopolies but also produced gross injustices for the weakest members of society. The key thesis the article makes is that understanding how to increase a nation's wealth also means understanding how to promote justice.

Keywords: Adam Smith, Lobbying, Cronyism, Mercantilism, efficiency and justice; Public Choice.

To cite this document: Panagelli, M. P. (2024). Adam Smith and the morality of political economy: a public choice reading. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 221–239. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5

«Богатство народов» Адама Смита — одна из тех книг, в которых разные люди видят иногда совершенно разные идеи, поскольку очень поразному воспринимают их содержание. Мне бы хотелось здесь написать о понимании, которое сам А. Смит сформулировал следующим образом:

> *«[рассказ о смерти Юма вызвал] в десять раз больше оскорблений, чем та яростная атака, которую я предпринял против всей коммерческой системы Великобритании*)» (Курсив мой. — *Авт.*) (Smith, 1987, I, p. 251).

Прочтение «Богатства народов» в моей интерпретации как атаки против лоббирования групп особых интересов и тесных личных связей между их членами (клановости), показывает, что для Смита вопросы справедливости и эффективности были существенно связаны. В этом прочтении я отчасти следую пониманию Джорджа Стиглера, называвшего это произведение книгой, основанной на граните собственного интереса (Stigler, 1975). Однако я продолжаю утверждать (2008), что А. Смит в своей книге скорее осуждает этот собственный интерес — в тех случаях, когда его невозможно обуздать и он делается способным захватить государственную власть. Я также согласна с Чандрой (Chandra, 2021) и с той интерпретацией, которую он предлагает Эллину Янгу (Mehrling, Sandilands, 1999), — что главной заботой Смита была не laissez-faire, а конкуренция,

поскольку противодействие группам особых интересов может осуществляться не только посредством laissez-faire, но и благодаря гарантированной государством конкуренции.

Я бы также отметила отличие своего прочтения Смита от понимания Стиглера в той части, в которой он обвиняет Смита в том, что тот не видит проблемы общественного выбора, так как не считает, что политики преследуют собственные интересы. Политики времен Смита — это в основном богатые землевладельцы, чье место в государственной деятельности было относительно стабильным и которые, соответственно, испытывали меньшее электоральное давление, чем их демократические коллеги. При этом, по мнению Смита, в отсутствие стимула к изучению дела, лоббисты и искатели ренты могли легко их обманывать и манипулировать ими: эти политики хотели хорошо выглядеть в глазах окружающих, делая вид, будто они что-то понимают в делах. Более того, я считаю, что Смит видел и использовал элементы анализа, аналогичного тому, что применяется сегодня для изучения общественного выбора, в его описаниях лоббирования и стремления получать ренту (Farrant, Paganelli, 2016; Paganelli, 2020). В этом я также отличаюсь от Пола Сагара (Sagar, 2021), который также рассматривает «Богатство народов» как атаку на меркантилизм, но не уделяет особенного внимания аспектам общественного выбора.

Вместо того, чтобы утверждать, что «первосвященник корысти, подобно всем первосвященникам, имел большой спрос на грешников» (Stigler, 1975, p. 277), я бы сказала, что у Смита был «большой спрос» на справедливость. Вместе с Дейдрой Макклоски (McCloskey, 1998), Джерри Эвенски (Evensky, 2005) и Стивеном Медема (Medema, 2010), я вижу, что, наряду с интерпретацией Стиглера и Чикагской школы, существует также «Смит старой доброй чикагской школы» или «Смит Киркалди», которые видят в нем сложного мыслителя, а отнюдь не примитивного «первосвященника корысти». Таким образом, я согласна с Генри Биттерманом (Bittermann, 1940) и Джеймсом Бьюкененом (Buchanan, 1978), которые понимают «Богатство народов» как книгу-руководство — книгу, которая использует описательный анализ, чтобы сформулировать политико-экономические предписания.

Мой акцент на нравственном осуждении погони за рентой и меркантилистского захвата государственного управления также не обязательно означает, что для Смита справедливость есть справедливость в распределении (ср.: Fleischacker, 2004); скорее, так же как это видят Иштван Хонт и Михаэль Игнатьев (Hont, Ignatieff, 1983), Смит полагал более вероятным, что решение проблемы несправедливости, которую может вызвать бедность, лежит на пути к экономическому росту.

Мое прочтение «Богатства народов» предполагает, что для Смита не существует необходимости выбора между эффективностью и справедли-

востью. Они идут рука об руку. Насилие и неэффективность меркантилистской политики, направленной на получение ренты, причиняют вред и, следовательно, несправедливы. Эффективной же, по мнению Смита, оказывается справедливая политика, т.е. такая политика, которая не дает привилегий одним за счет других.

Таким образом, я показываю четкость, с которой Смит определяет проблему концентрированных выгод и рассредоточенных издержек при определении государственной политики в духе общественного выбора. Но я также предполагаю, что осуждение Смитом меркантилистской политики основано на моральных соображениях. Погоня за рентой и захват государственного управления группами с особыми интересами не только неэффективны, но и используют (настоящую) «кровь и имущество» сограждан для обогащения нескольких торговцев и производителей под ложным предлогом обогащения страны. Таким образом, в моем прочтении «Богатство народов» представляет собой моральное осуждение меркантилистской политики, подразумевающее понимание Смитом того, что «справедливость также может быть эффективной» (Buchanan, 1978, p. 70–77).

Чей интерес?

Утверждение, что «Богатство народов» — это моральное осуждение лоббизма и клановости, требует от нас понимания динамики групп особых интересов в анализе Смита, а затем их морального осуждения. Итак, при анализе лоббирования в первую очередь необходимо исследовать признаки групп особых интересов, а именно желание получить ренту и стремление к концентрированным выгодам и рассредоточенным издержкам (Tullock, 1967; Olson, 1971; Krueger, 1974). Смит прямо говорит о концентрированных выгодах и рассредоточенных издержках, когда анализирует политику, которая приносит пользу немногим за счет многих.

Считается, что, как в ранних, так и в самых развитых коммерческих сообществах, торговцы и промышленники имеют концентрированные интересы и стремятся к получению ренты: они относительно немногочисленны и практически все находятся в городах. Смит говорит нам, что «[ж]ители города, будучи собраны в одном месте, могут легко сгоровиться» (Смит, 2007, с. 171). Близкое местоположение позволяет им создавать корпорации (гильдии) или даже просто добровольные ассоциации, что неявно призвано уменьшить конкуренцию.

В свою очередь «[с]ельские жители, рассеянные на больших пространствах друг от друга, нелегко могут сговариваться между собою. И они не только не объединилась в цехи, но среди них даже никогда не преобладал цеховой дух» (Смит, 2007, с. 172). Сельские жители, как повторяет

Смит позже, вновь обращаясь к этой теме, т.е. деревенские джентльмены и фермеры, составляли в его время большинство населения (Смит, 2007, с. 448–449).

То, что торговцы и производители могут легко образовать картель, учитывая их концентрацию, неблагоприятно самое меньшее по трем дополнительным причинам, считает Смит. Во-первых, потому что их интересы часто противоположны интересам общества. Во-вторых, потому что они хотят и могут представить свои цели как интересы общества. В-третьих, потому что они хотят и могут влиять на законодательство в своих интересах за счет общества.

Смит действительно утверждает, что «*интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 282). Торговцы и промышленники хотят расширить свои рынки, что не противоречит интересам общества, но они хотят сделать это, одновременно ограничивая конкуренцию на них.

Ограничение конкуренции подразумевает монопольную власть и, следовательно, более высокую прибыль для них за счет более высоких цен и меньшего количества товаров для потребителей. Это стремление к высоким ценам является причиной того, что, по Смиту, интерес торговцев и производителей всегда противоположен интересу общества. Оно же объясняет, почему их интерес всегда прикрывается лицемерием. Сами торговцы и производители делают свой бизнес, покупая там, где дешево, независимо от того, кто производит товар. Но они хотят, чтобы все остальные люди не могли поступать так же. Люди, как и торговцы, тоже хотят покупать у самого дешевого продавца. Но торговцы хотят, чтобы они покупали у них по максимально возможной цене. Им нужно монопольное ценообразование. Вот почему дух монополии всегда прямо противоположен интересам огромного количества людей (Смит, 2007, с. 476–477).

Если бы проблема сводилась к тому, что интересы какой-то группы идут вразрез с интересами общества, проблема не обязательно была бы такой серьезной. Но для Смита все на самом деле очень серьезно, потому что торговцы и промышленники способны убедить большинство людей и государственных деятелей, что их интересы совпадают с интересами общества, и, как следствие, они способны влиять на законодательство в свою пользу. Смит действительно утверждает, что «вопли и софистические доводы купцов и фабрикантов легко убеждают их в том, что частный интерес одной части, и притом незначительной части, общества тождествен с общим интересом целого» (Смит, 2007, с. 173).

Так, для Смита вера в ложное утверждение о том, что торговцам нужна защита, чтобы торговать ради общественного блага, опасна, если не является настоящей глупостью:

«Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы много хорошего было сделано теми, которые делали вид, что они ведут торговлю ради блага общества... Государственный деятель, который попытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил себе власть, которую нельзя доверить не только какому-либо лицу, но и какому бы то ни было совету или учреждению и которая ни в чьих руках не оказалась столь *опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 443).

Но как тогда можно убедить народ и государственных деятелей в том, что интересы небольшой группы есть интересы общества, в то время как на самом деле это не так? Смит считает, что большинство людей интуитивно чувствует, что торговля делает страну лучше, но они не понимают, как на самом деле происходит это улучшение. Торговцы играют на этом невежестве. «[К]упц[ы] [обращаются] к парламентам и королевским советам, к аристократии и поместному дворянству; они исходили от тех, которые считались знатоками торговли, и были обращены к тем, которые сознавали, что решительно ничего не понимают в этом деле. Опыт показал как аристократии и землевладельцам, так и купечеству, что иностранная торговля обогатила страну, но никто из них не отдавал себе отчета, как или каким образом произошло это. Купцы отлично знали, как она обогащала их самих; их делом было знать это, но вопрос о том, каким образом она обогащала страну, совершенно их не занимал» (Смит, 2007, с. 424). И все же они утверждали, что знают.

Итак, мы видим, что торговцы умеют обогащаться, и верим их ложному утверждению, что они могут также увеличить богатство общества. Мы можем поверить этому высказыванию уже потому, что, как Смит пишет в «Теории нравственных чувств», мы склонны верить богатым и могущественным только потому, что они богаты и влиятельны (Tegos, 2014; Sagar, 2018, chap. 5). Мы относимся к богатым с почтением, мы восхищаемся ими, мы хотим бывать в их присутствии, мы страдаем вместе с ними, мы радуемся их удаче, мы хотим нравиться им, мы хотим, чтобы они смотрели на нас, поэтому мы подчиняемся их авторитету (Smith, 1976, I.iii. 2.2).

Для Смита это в высшей степени серьезная проблема: смешивая свои интересы с интересами общества, хотя на самом деле они противоположны, купцы и фабриканты «редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился *заговором против публики*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 174; см. также: с. 476–477), запрашивая и получая монополию с целью ограничения конкуренции. И если государственных деятелей, поддавшихся на уговоры торговцев, Смит порицает всего лишь за их невежество и глупость, то о промыш-

ленниках и торговцах, стремящихся получить монопольные полномочия, Смит высказывается гораздо более сурово, поскольку он знает, какой вред эти торговцы и фабриканты могут нанести обществу, преследуя собственную выгоду. Торговцы и фабриканты знают, что делают, они прекрасно понимают свои интересы и сознательно вступают в сговор для достижения своих целей.

Смит представляет еще один способ взглянуть на ту же проблему. В «Теории нравственных чувств» он описывает человека системы, который очарован своей системой и пытается ее внедрить, забывая, что имеет дело с реальными людьми, а не с неодушевленными фигурами на шахматной доске (Smith, 1976, IV.ii. 2.17). Соответственно, он может попытаться двигать «фигуры» против их воли, что может быть очень опасно. Проблема в том, что группа людей, прекрасно понимающих, в чем состоит их интерес, использует государственную власть, чтобы достичь своих целей за счет общества. Когда специальные интересы подчиняют себе законодательную власть, они наносят вред обществу, пусть и непреднамеренно; однако пренебрегают его интересами они вполне осознанно. К сожалению, торговцы и производители, хорошо зная свои интересы, желают и могут получить политическую власть для реализации выгодной им политики. Ущерб обществу не является их целью; это издержки, которые они с готовностью игнорируют ради собственного обогащения.

Таким образом, монополии станут еще более абсурдными, если мы вспомним, что «Потребление является единственной целью всякого производства, и интересы производителя заслуживают внимания лишь постольку, поскольку они могут служить интересам потребителя... Между тем при господстве меркантилистской системы интересы потребителя почти постоянно приносятся в жертву интересам производителя, и эта система, по-видимому, признает не потребление, а производство главной и конечной целью всякой промышленной деятельности и торговли» (Смит, 2007, с. 623), тогда как на самом деле верно обратное.

Если в Средние века монополии торговцев и производителей ограничивались гильдиями и подневольными учениками, то с открытием нового мира эти монополии становятся основой сначала строительства, а потом и обороны всей Британской империи.

В Средние века получить эти монополии было относительно легко, поскольку торговцы и владельцы производств напрямую контролировали управление городами (Смит, 2007, с. 170). По мере роста экономики, особенно за счет колониальной торговли, росли и группы интересов, оказывающие давление на законодательство с целью достижения монопольных полномочий. Объем богатства, который мог быть захвачен благодаря монополиям, и размер потерь в случае восстановления конкуренции были колоссальными. И поэтому средства убеждения стали более жесткими. Теперь они включают также силу, оскорбления и запугивание:

«Эта монополия [колониальной торговли] привела к такому сильному увеличению численности некоторых групп нашего промышленного населения, что подобно разросшейся постоянной армии оно стало внушительной силой в глазах правительства и во многих случаях запугивает законодателей. Член парламента, поддерживающий любое предложение в целях усиления этой монополии, может быть уверен, что приобретает не только репутацию знатока промышленности, но и большую популярность и влияние среди класса, которому его численность и богатство придают больший вес. Напротив, если он высказывается против таких мер и если он пользуется достаточным авторитетом, чтобы иметь возможность помешать им, то ни его общепризнанная честность, ни самое высокое общественное положение, ни величайшие общественные заслуги не смогут оградить его *от самых гнусных обвинений и клеветы, от личных оскорблений, а иногда даже от опасностей, грозящих со стороны взбешенных и разочарованных монополистов*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 457).

По мнению Смита, лоббистская мощь торговцев и производителей настолько велика, что они способны создать целую экономическую систему для продвижения своих собственных интересов.

Не может составить большого труда установить, кто был вдохновителем всей этой меркантилистической системы: то не были, мы может быть уверены в том, потребители, интересы которых были оставлены совершенно без внимания; то были производители, об интересах которых так старательно позаботились; и среди этих последних *главными действующими лицами явились наши купцы и владельцы мануфактур*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 624).

И эта меркантилистская система, построенная торговцами и фабрикантами, есть реальная колониальная империя.

Сохранение этой монополии до сих пор было главной или, пожалуй, единственной целью и задачей господства Великобритании над ее колониями (Смит, 2007, с. 584).

И еще:

«Была организована огромная область с единственной целью создать нацию потребителей, обязанных покупать из магазинов различных наших производителей все товары, которыми они могут снабжать тех. Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален

весь расход по содержанию это области» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 624).

По мнению Смита, эта меркантилистская империя отличается от античных империй. Античные империи создавались необходимостью разместить растущее население (Смит, 2007, с. 562–565). Меркантилистские империи возникают из жадности монополистов. Здесь Смит расширяет понятие «меркантилистский» в смысле «стремящийся к ренте», которое позже описали Бэйсингер, Экелунд и Толлисон (Baysinger et al., 2008), чтобы применить его также к эпохе империй. И, как они полагают, интеллектуальное оправдание меркантилистской политики также является для Смита следствием, а не причиной этой пресловутой политики (см.: Magnusson 1994; Heckscher 1995).

Если бы мы остановились на этом, то осуждение Смитом меркантилистской системы, основанной на убедительных лоббистских способностях купцов и фабрикантов, можно было бы толковать как стандартный аргумент в пользу эффективности двумя способами. Первый способ: Смит утверждает, что, несмотря на более высокие издержки для потребителей, выгоды от расширения рынков, которых добились монополисты, в целом достаточны, чтобы компенсировать их. В результате Британия демонстрирует высокие темпы роста, несмотря на неэффективность монополий (Смит, 2007, с. 575). Учитывая существующее положение вещей, анализ затрат и выгод оправдывает клановость, столь распространенную в Британии. Второй способ: Смит утверждает, что эти монополии неэффективны, и поэтому Британии было бы лучше без них; значит, при существующем положении дел предпочтительнее иметь меньше монополий (или не иметь их вовсе). Таковы общепринятые трактовки Смита и его высказываний против меркантилизма.

Несправедливые интересы

Но Смит мог смотреть на ситуацию и с другой стороны. Если серьезно отнестись к интерпретации Смита Джеймсом Бьюкененом и не отрицать озабоченности Смита проблемой эффективности, можно полагать, что Смит мог рассматривать неэффективность как побочный эффект несправедливости. Главной заботой Смита могла быть справедливость, а не эффективность, при этом эффективность могла быть желаемым следствием справедливости, но только следствием. «Возможно, Смит задумывал свой шедевр как аргумент в пользу того, что система, признанная воплощением справедливости, может быть также эффективной» (Buchanan, 1978, p. 70–77).

Таким образом, проблема, связанная с тем, что группы особых интересов имеют столь большое политическое влияние, может быть, как утверждает Смит, не только вопросом неэффективности, но и нравствен-

ной проблемой. Меркантилистская система — это система, порождающая несправедливость. Монополисты увеличивают свое богатство за счет более высоких цен, причиняя вред другим. Но в «Теории нравственных чувств» Смит говорит нам, что мы не должны одобрять несправедливое поведение тех, кто, вместо того чтобы честно конкурировать, наносит вред своим противникам. В «Нравственных чувствах» Смит утверждает, что в погоне за богатством, если кто-то сломит конкурента или нарушит честную игру, он потеряет одобрение беспристрастных зрителей и вместо этого станет «объектом их ненависти и негодования» (Smith, 1976, II.ii.2.1). Какова была бы реакция беспристрастных зрителей, если бы они узнали, что торговцы и фабриканты ради обогащения наносят вред другим, жертвуя не только имуществом, но и кровью своих сограждан, и жизнью невинных людей?

На самом деле, считает Смит, вред, который наносят монополисты, заключается не только в повышении цен для потребителей; они также обогащаются за счет человеческих жизней, которых лишаются другие люди, ради получения этих высоких цен. Он утверждает, что торговцы и промышленники обогащаются за счет кровавых денег.

Смит объясняет, что коммерсанты извращенно и с опасной ловкостью обманывают тех, кто им верит. Они, по мнению Смита, извращают суть и цели коммерции, которая может и должна быть «узами союза и дружбы» между народами. Богатство ближнего приносит пользу в торговле. Богатый человек в качестве покупателя лучше, чем бедный. Открытые порты обогащают города и поселки, а не разоряют их. Амстердам — очень хороший пример этого. Но «страстная уверенность корыстной лживости» торговцев и промышленников заставляет каждый народ с завистью смотреть на процветание других стран. Их ошибочная риторика превращает торговцев и промышленников богатых стран в опасных соперников, даже если в действительности их конкуренция выгодна большинству людей. Торговцы и промышленники убеждают людей и правительства, что соседи обязательно враги, чтобы их собственное богатство и власть разжигали насилие, «вражду и разногласия» (Смит, 2007, с. 476).

Таким образом, купцы и промышленники захватывают правительство, чтобы вести его прямо к войнам (Paganelli, Schumacher, 2019). По мнению Смита, все предшествовавшие войны велись для защиты их монополий. Даже очень большие военно-морские силы Британии были выстроены для защиты от контрабанды (Смит, 2007, с. 584).

> «Основание обширных владений с единственной целью создать народ, состоящий из потребителей, может с первого взгляда показаться проектом, подобающим нации лавочников. Однако совсем не пригоден для нации лавочников, а чрезвычайно пригоден для нации, правительство которой находится под влиянием торгашей. Такие, и только такие,

государственные деятели способны воображать, что найдут какую-либо выгоду *в расточении крови и денег своих сограждан* для создания и сохранения подобных владений» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 583).

Это не случайное обвинение. Смит повторяет его. Монопольные привилегии, предоставленные группам торговцев и производителей, представляющим особые интересы, несут смерть:

«Но самый жесткий из всех этих законов, решаюсь утверждать это, мягок и снисходителен в сравнении с некоторыми из тех, которые были исторгнуты воплями наших купцов и мануфактуристов от законодательства для ограждения их собственных нелепых монополий. Как и законы Дракона, *они, можно сказать, написаны все кровью*» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 612).

Смерти, вызванные меркантилистской клановостью, на самом деле можно интерпретировать двояко: прямо и косвенно. Меркантилистские привилегии написаны кровью, потому что эти привилегии нужно завоевывать и защищать с помощью войн. А для Смита войны за построение и защиту Империи — это все войны, которых хотят торговцы и промышленники для установления и защиты своих привилегий.

Более того, меркантилистские привилегии могут привести к смерти из-за увеличения бедности или замедления экономического роста. По мнению Смита, компании с исключительными правами ужасны как для метрополии, так и для колоний. Например, производство специй на голландских островах и опиума в Бенгалии искусственно поддерживается на низком уровне за счет сжигания излишков, что может вызвать снижение цен в Европе, но, уничтожая излишки, они гарантируют, что эти излишки не будут перевезены контрабандой. в Европу.

Но то же самое они делают с населением. Заработная плата остается настолько низкой, что позволяет поддерживать только то количество людей, которое необходимо для снабжения их гарнизонов (Смит, 2007, с. 477–478). По словам Смита, в такой плодородной стране, как Бенгалия, сотни тысяч людей ежегодно умирают от голода. Эти гигантские человеческие жертвы напрямую связаны с наличием монополии Ост-Индской компании (Смит, 2007, с. 125).

По мнению Смита, монополии с исключительными правами, например, Ост-Индской компании, создают стимулы для угнетения людей, которыми они управляют с помощью силы. Представьте такую компанию как правительство, из которого уйдут члены администрации, говорит Смит, и уйдут они, унося с собой свое состояние. Поэтому, когда они уезжают, они совершенно безразличны к обстоятельствам страны, как если бы всю эту страну поглотило землетрясение (Смит, 2007, с. 606–607).

Этот образ безразличия компании с исключительными правами к разрушениям, которые она вызывает, становится еще более страшным, когда сравнивается с тем, что Смит пишет о возможности полного поглощения страны землетрясением в «Теории нравственных чувств». Там он говорит, что нас больше волнует наш мизинец, чем разрушение такой далекой страны, как Китай. Если бы мы знали, что завтра потеряем мизинец, мы бы не смогли спать сегодня ночью. Но если бы мы знали, что все население Китая будет поглощено землетрясением, мы бы спокойно храпели всю ночь. Тем не менее, если бы нас попросили позволить всему населению Китая умереть ради спасения нашего мизинца, мы бы этого не сделали: «Человеческая природа поражается ужасом при этой мысли, и мир, в его величайшей развращенности и коррупции, никогда не рождал злодея, способного иметь такое намерение» (Smith, 1976, III.3.4). Но в «Богатстве народов» Смит говорит нам, что есть такие злодеи: монополисты. Они бесстрастно позволили Бенгалии быть «уничтоженн[ой] землетрясением» (Смит, 2007, с. 607) своей хищнической политики.

Итак, по мнению Смита, нам нужно быть очень осторожными с законами, регулирующими торговлю, потому что, несмотря на (ложные) уверения о том, что они приносят пользу обществу, они «исходят от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его» (Смит, 2007, с. 282).

Даже вся Британская империя с ее колониями «была основана с единственной целью — создать нацию потребителей», обязанных покупать у производителей метрополии. «Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален весь расход по содержанию и защите этой области» (Смит, 2007, с. 624). Ограничения на импорт приносят пользу производителям за счет потребителей, которым приходится платить более высокие цены. Субсидии на экспорт выгодны производителям и вредят потребителям, которым приходится платить не только налоги на субсидию, но и платить более высокую цену из-за сокращения внутреннего предложения вследствие увеличения экспорта. Торговые договоры выгодны производителям, которые могут продавать на более выгодных условиях в отдаленных местах, за счет потребителей, вынужденных покупать более дорогие и менее качественные товары из этих отдаленных мест, а не более дешевые и качественные товары из более близких мест.

Даже «Хлебные законы», которые, как утверждается, способствуют благу Британии, являются законами, порожденными жадностью торговцев, стремящихся к увеличению прибыли. Субсидируя экспорт зерна в хорошие времена, они увеличивают его дефицит и цены. Никто не выигрывает, за исключением экспортеров и импортеров. Торговцы экспортируют

больше во время изобилия и импортируют больше во время дефицита. Они главные победители этой плохой политики и самые большие противники ее отмены. Все остальные проигрывают не только потому, что им приходится сталкиваться с более высокой ценой на зерно и более высоким налоговым бременем, необходимым для субсидирования экспорта, но и потому, что возрастает риск голода. Поскольку субсидируемый экспорт кукурузы уменьшает ее количество, доступное внутри страны в хорошие и плохие времена, во времена дефицита ее не хватит, чтобы прокормить всех (Смит, 2007, с. 501–521).

Смит обеспокоен искусственно завышенной ценой на зерно, потому что зерно используют все, и оно есть важнейший компонент в питании бедняков. Проблема бедных в том, что они самые уязвимые люди в обществе, особенно в бедных сообществах. Проблема же захвата правительства группами особых интересов заключается в том, что их политика препятствует экономическому росту и продлевает бедность.

Для Смита бедность — это проблема, потому что в бедных странах люди умирают больше и раньше, что несправедливо: в богатых странах у людей больше шансов жить, жить дольше и жить лучше. В самом деле:

> «Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас заставляет их — или по крайней мере они думают, что вынуждает их, — убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям» (Смит, 2007, с. 65).

Некоторые страны, рассказывает Смит, настолько бедны, что люди «каждую ночь много детей оставляют на улице или топят, как щенят, в реке» (Смит, 2007, с. 124). Женщина в бедных районах горной Шотландии обычно рожает двадцать детей, но ей повезет, если выживет только двое (Смит, 2007, с. 130). Бедность — это несправедливая причина страданий самых слабых членов общества; именно слабые члены общества страдают больше всего, именно слабые члены общества умирают. Бедность убивает младенцев, стариков, больных. С другой стороны, бедный рабочий в богатой стране может жить лучше «африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десяти тысяч нагих дикарей» (Смит, 2007, с. 75). Мы должны понимать природу и причины богатства, а значит, понимать, что препятствует его росту. Например, монополии. Ведь богатство дает нам средства к жизни, причем к жизни относительно более долгой, качественной и свободной (Paganelli, 2021).

Сочетание нашей природной склонности к торговле, бартеру и обмену и естественного желания улучшить свое положение с разделением труда, накоплением капитала и некоторым везением позволяет «бесшумным и незаметным действием внешней торговли» (Смит, 2007, с. 409) разо-

рвать цепи бедности и зависимости. По мнению Смита, торговля приносит богатство, свободу и справедливость: «[торговля приводит к] порядок и нормальное управление, а вместе с ними свобод[у] и безопасность отдельных лиц» (Смит, 2007, с. 401).

Для него торговые ограничения, введенные из-за «подлой алчности» торговцев и производителей, действительно неэффективны, они сдерживают рост, но они также глубоко несправедливы, поскольку наносят ущерб многим, а выгоду получают немногие.

В этом смысле, по мнению Смита, североамериканским колониям повезло: их земля настолько дешева, а труд настолько дорог, что выгоднее импортировать товары, чем пытаться производить их самим. Но советниками по регулированию торговли в колониях являются сами торговцы. Британские коммерсанты и промышленники убедили законодательный орган ввести высокие пошлины, чтобы предотвратить появление изысканных товаров в колониях, поставив свои интересы выше интересов колонистов и родной страны. Но для Смита «[з]апрещение подавляющему числу людей выделывать из продукта своего труда все то, что они могут, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как они считают для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества» (Смит, 2007, с. 555). Интересы колоний приносятся в жертву интересам торговцев. Это несправедливо и неэффективно.

Обратите внимание, что среди запретов есть и запрет на перемещение рабочей силы. Ремесленникам запрещено покидать страну из опасения, что они распространят свои знания. Для Смита это также является прямым нарушением их свободы. Их свобода приносится в жертву пустым интересам торговцев и промышленников (Смит, 2007, с. 622–623).

Нормативное осуждение Смита распространяется на все постановления, ведущие к монополизации рынков труда: «Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще. Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он само считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, значит *прямо посягать на эту священнейшую собственность. Это представляет собою явное посягательство на законную свободу* как самого работника, так и тех, кто хотел бы нанять его. Такие ограничения препятствуют рабочему работать так, как он считает выгодным, а остальным людям — нанимать тех, кого они хотят. Судить о том, пригоден ли рабочий для работы, можно смело предоставить разумению самих нанимателей, которых это больше всего касается. Преувеличенная забота законодателя о том, чтобы они не нанимали неподходящих работ-

ников, очевидно, столь же неуместна, сколько стеснительна» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2006, с. 167–168).

Таким образом, мы можем видеть, что осуждение Смитом захвата государства группами с особыми интересами основано на идее справедливости, поскольку он говорит нам, что «[п]ричинять какой-либо ущерб интересам одного класса граждан с единственной целью идти навстречу интересам другого противоречит, очевидно, той справедливости и равенству в обращении, которые обязательны для государя в его отношении ко всем различным классам его подданных» (Смит, 2007, с. 617).

Будущее без надежды?

Суждения Адама Смита о политике, проводимой в Британии в его время, основывались не только на эффективности. Смит мог спокойно и довольно открыто выносить моральные суждения. Его громкие осуждения меркантилистской системы действительно основаны на соображениях эффективности, но также и на идее справедливости.

В каком-то смысле мы можем представить Адама Смита задающим вопросы: как должна выглядеть справедливая система, которая также способствует благополучию человечества, учитывая несовершенную и неидеальную его природу? Как нам достичь этого? Как мы можем ее сохранить (Paganelli, 2017)?

По мнению Смита, богатство и справедливость должны расти одновременно. Благосостояние увеличивается только в том случае, если рост богатства осуществляется справедливо. Именно поэтому Джеймс Бьюкенен утверждал, что «Богатство народов» можно читать как книгу о справедливости, о справедливой системе, которая также может быть эффективной.

Но Смит прекрасно понимает, что та же склонность к торговле, бартеру и обмену в сочетании с наличием правительства может также создавать конфликты между различными группами интересов и, таким образом, обогащать немногих за счет многих. Смит «яростно нападает» на торговые привилегии, купленные для нескольких крупных торговцев и промышленников «кровью и имуществом» граждан страны. Поэтому «Богатство народов» можно читать как великий трактат о теории общественного выбора, направленном против захвата государства, против клановости. Смит, очевидно, оправдывает свою «яростную атаку на всю коммерческую систему Великобритании» моральными причинами, которые также оказываются фактором эффективности.

Эта атака столь яростна еще и потому, что, когда привилегии уже предоставлены, ликвидировать их становится крайне сложно (Tullock, 1975). Действительно, по мнению Смита, монополия колониальной торговли нарушила естественный баланс между всеми отраслями промышленности.

Теперь один большой канал заменяет множество мелких каналов. Этот большой канал снижает безопасность. Экономика похожа на «один из тех нездоровых организмов, у которых некоторые важные члены слишком разрослись» (Смит, 2007, с. 575). Маленькая закупорка в большой вене, которая искусственно раздувается, очень опасна. Если лопнет маленькая вена, ничего особенно опасного не случится. Но, по словам Смита, если лопнет большая вена, возможны «судороги, паралич или смерть» (Смит, 2007, с. 576). Поэтому люди смотрят на возможный разрыв этой великой жилы колониальной торговли с большим ужасом, чем на испанскую Армаду. Действительно, «ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как и ожидать осуществления в ней “Океании” или “Утопии”. Этому непреодолимо препятствуют не только предубеждения общества, но и частные интересы многих отдельных лиц, которые еще труднее одолеть» (Смит, 2007, с. 456).

Таким образом, Адам Смит мог рассматривать свои «яростные нападки на меркантилистскую систему» в «Богатстве народов» как канат, привязавший Улисса к мачте его корабля, который позволил ему выжить в море, кишащем сиренами (Buchanan, 1990). Смит считает, что от одних недугов можно исцелиться, а от других нельзя. От всеобщего насилия и несправедливости правителей нет никакого средства. «Подлая алчность» и монополистический дух торговцев также не могут быть излечены. Но можно и нужно не позволять ему нарушать спокойствие общества, потому что купцы и промышленники «не являются и не должны являться владыками человечества» (Смит, 2007, с. 476).

Поэтому предостережение Смита серьезно обосновано, и звучит оно как предостережение, касающееся теории общественного выбора с выраженным моральным компонентом: «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случая и вводил его в заблуждение и угнетал» (Смит, 2007, с. 282). Стремление к получению ренты причиняет вред, оно несправедливо и также, как правило, неэффективно.

Список литературы

Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.

Baysinger, B., Ekelund, R., & Tollison, R. (2008). Mercantilism as a Rent-Seeking Society. In: R. D. Congleton, K. A. Konrad, A. L. Hillman (Eds.), *40 Years of Research on Rent Seeking 2* (p. 475–508), Springer. https://dx.doi.org/10.1007/978-3-540-79247-5_28

Bittermann, H. J. (1940). Adam Smith's Empiricism and the Law of Nature. *Journal of Political Economy*, *48*(5), 487–520. https://dx.doi.org/10.1086/255612

Buchanan, J. M. (1990). The domain of constitutional economics. *Constitutional Political Economy*, *1*, 1–18. https://dx.doi.org/10.1007/BF02393031 Buchanan, J. M. (1978). The Justice of Natural Liberty. In: F. R. Glahe (Ed.), *Adam Smith and the Wealth of Nations: Bicentennial Essays 1776–1976* (61–82). Colorado Associated University Press.

Chandra, R. (2021). Adam Smith, Allyn Young, Amartya Sen and the Role of the State. *History of Economics Review*, *78*(1), 17–43. https://doi.org/10.1080/10370196.2020.1863005

Evensky, J. (2005). "Chicago Smith" versus "Kirkaldy Smith". *History of Political Economy*, *37*(2), 197–203. https://doi.org/10.1215/00182702-37-2-197

Farrant, A., & Paganelli, M. P. (2016). Romance or No Romance? Adam Smith and David Hume in James Buchanan's "Politics without Romance". *Research in the History of Economic Thought*, *34*, 357–372. https://doi.org/10.1108/S0743-41542016000034A013

Fleischacker, S. (2004). *On Adam Smith's Wealth of Nations: A Philosophical Companion*. Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400826056

Heckscher, E. F. (1995). *Mercantilism*. 1st ed. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315003993

Hont, I., & Ignatieff, M. (1983). Needs and justice in the Wealth of Nations: an introductory essay. In I. Hont, M. Ignatieff (Eds.) *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment* (1–44). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511625077.002

Krueger, A. O. (2008). The Political Economy of the Rent-Seeking Society. In: R. D. Congleton, K. A. Konrad, A. L. Hillman (Eds.), *40 Years of Research on Rent Seeking 2* (p. 151–163). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-540-79247-5_8

Magnusson, L. (1994). *Mercantilism: The Shaping of an Economic Language*. 1st ed. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203416488

McCloskey, D. N. (1998). The Good Old Coase Theorem and the Good Old Chicago School: A Comment on Zerbe and Medema. In: S. G. Medema (Ed.), *Coasean Economics Law and Economics and the New Institutional Economics* (p. 239–248), Springer Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-011-5350-8_12

Medema, S. G. (2010). Adam Smith and the Chicago School. In: E. Ross (Ed.), *The Elgar Companion to the Chicago School of Economics* (p. 40–52), Elgar original reference. https://doi.org/10.4337/9781849806664

Mehrling, P. G., & Sandilands, R. J. (Eds.). (1999). *Money and Growth: Selected Papers of Allyn Abbott Young*. 1st ed. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203452820

Olson, M. (1971). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Second Printing with a New Preface and Appendix. Harvard University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctvjsf3ts

Paganelli, M. P. (2021). Adam Smith and Dying Peacefully. In: E. A. Dolgoy, K. Hurd Hale, B. Peabody (Eds.), *Political Theory on Death and Dying*. 1st ed. (p. 292–299). Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003005384

Paganelli, M. P. (2017). 240 Years of Adam Smith's Wealth of Nations. *Nova Economia*, *27*(2), 7–19. https://doi.org/10.1590/0103-6351/3743

Paganelli, M. P. (2020). *The Routledge Guidebook to Smith's Wealth of Nations*. 1st ed. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780367824204

Paganelli, M. P., & Schumacher, R. (2018). Do not take peace for granted: Adam Smith's warning on the relation between commerce and war. *Cambridge Journal of Economics*, *43*(3), 785–797. https://doi.org/10.1093/cje/bey04

Sagar, P. (2021). Adam Smith and the conspiracy of the merchants. *Global Intellectual History*, *6*(4), 463–483. https://doi.org/10.1080/23801883.2018.1530066

Sagar, P. (2018). *The Opinion of Mankind: Sociability and the Theory of the State from Hobbes to Smith*. Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0rjw

Smith, A. (1987). Correspondence. In: E. C. Mossner, I. S. Ross (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 6). 2nd ed. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198285700.book.1

Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In: D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 1). Glasgow University Press. https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1

Stigler, G. J. (1971). Smith's Travels on the Ship of State. *History of Political Economy, 3*(2), 265–277. https://doi.org/10.1215/00182702-3-2-265

Tegos, S. (2014). Adam Smith on the Addisonian and Courtly Origins of Politeness. *Revue internationale de philosophie*, *269*(3), 317–342. https://doi.org/10.3917/rip.269.0317

Tullock, G. (1975). The Transitional Gains Trap. *The Bell Journal of Economics*, *6*(2), 671–678. https://doi.org/10.2307/3003249

Tullock, G. (1967). The Welfare Costs Of Tariffs, Monopolies, And Theft. *Economic inquiry*, *5*(3), 224–232. https://doi.org/10.1111/J.1465-7295.1967.TB01923.X

References

Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. Л. Смит [1]
Университет Чапмана (Ориндж, США)

УДК: 330.81, 330.82
doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13

АДАМ СМИТ О БЛАГОДЕЯНИИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОБЩЕСТВЕ

В «Теории нравственных чувств» Адам Смит (1759 г.), во-первых, формулирует теорию сообщества, или человеческой социальности, основанную на двух нравственных столпах, которые относятся исключительно к поступкам человека: Благодеяние и Справедливость. Во-вторых, тщательно проводя различие между общим свойством людей иметь собственный интерес и действиями, вызванными этим интересом, Смит моделирует многообразные формы поведения человека среди людей, причем все эти люди знают, что каждый из них преследует свои собственные интересы. В-третьих, он находит в религии свидетельства того, что нравственность возникла еще в древности практически во всех культурах. Методология анализа Смита, которая сначала исследует истоки человеческой деятельности, а затем ее последствия, все так же актуальна для понимания социальных и экономических процессов XXI в. Настоящая статья посвящена раскрытию указанных аспектов творчества Адама Смита. В первом разделе показывается, как именно благодеяние и справедливость выводятся из эгоистических интересов людей. Во втором разделе демонстрируется, как Адам Смит на основе разграничения между общностью свойств человека и многообразием их личных интересов и действий объясняет процесс формирования социальных правил, появления религии и нравственности. Результатом настоящей статьи выступает доказательство тезиса: теория естественной свободы Адама Смита выстраивается не только на основе возможности реализации личного интереса, но и на предшествующих этой реализации концептах благодеяния и справедливости, разработанных еще в «Теории нравственных чувств». Таким образом, для комплексного понимания «Богатства народов» необходимо концептуальное сопряжение с более ранними идеями Смита.

Ключевые слова: история экономических учений, Адам Смит, политическая философия, методология экономической науки.

Цитировать статью: Смит, В. Л. (2024). Адам Смит о благодеянии, справедливости и обществе. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика,* 59*(6),* 240–247. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13.

[1] Смит Вернон Л. — профессор экономики и права Университета Чапмана; лауреат премии памяти Альфреда Нобеля по экономике (2002); президент Международного фонда экспериментальных экономических исследований; e-mail: vsmith@chapman.edu.

© Смит Вернон Л., 2024 CC BY-NC

V. L. Smith
Chapman University (Orange, USA)
JEL: A11, A13, B1, B12, B31, B41

ADAM SMITH ON BENEFICENCE, JUSTICE, AND SOCIETY

In "The Theory of Moral Sentiments" Adam Smith (1759) first formulates a theory of community, or human sociality, based on two moral pillars that relate exclusively to human actions: Beneficence and Justice. Second, by carefully distinguishing between the common property of people to have self-interest and the actions prompted by this interest, Smith models the diverse forms of human behavior among people, all of whom know that each of them is pursuing his own interests. Third, he finds evidence in religion that morality arose in ancient times in virtually all cultures. Smith's methodology of analysis, which first examines the origins of human activity and then its consequences, remains relevant for understanding the social and economic processes of the 21st century. This article is devoted to revealing these aspects of Adam Smith's work. The first section shows how exactly beneficence and justice are derived from the selfish interests of people. The second section demonstrates how Adam Smith, based on the distinction between the commonality of human properties and the diversity of their personal interests and actions, explains the process of the formation of social rules, the emergence of religion and morality. The result of this article is the proof of the thesis: Adam Smith's theory of natural freedom is built not only on the basis of the possibility of realizing personal interest, but also on the concepts of beneficence and justice that preceded this realization, developed in the "Theory of Moral Sentiments". Thus, for a comprehensive understanding of the "Wealth of Nations", a conceptual connection with Smith's earlier ideas is necessary.

Keywords: history of economic thought, Adam Smith, political philosophy, methodology of economics.

To cite this document: Smith, V. L. (2024). Adam Smith on beneficence, justice, and society. *Lomonosov Economics Journal*, 59*(6),* 240–247. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-13

Благодеяние и справедливость исходят от людей, имеющих эгоистические интересы, поскольку их эмоции благодарности и негодования требуют соответствующих действий

В терминологии Адама Смита гражданское общество держится на двух столпах: это благодеяние и справедливость (Smith, 1759, p. 112). Благодеяние означает все действия одного человека по отношению к другому, которые признаются как полезными, так и должным образом мотивированными. Тот, на кого направлено благодеяние, а также любой информированный сторонний наблюдатель согласится с тем, что это действие задумано, чтобы принести пользу, и оно действительно приносит пользу

выбранному получателю. Смит недвусмысленно заявляет, что такие действия «кажется, только и требуют вознаграждения; потому что только они являются одобренными объектами благодарности или вызывают сочувственную благодарность зрителя» (Smith, 1759, p. 112).

Напротив, справедливость — это добродетель, нарушение которой «наносит вред: оно определенно причиняет реальное страдание некоторым конкретным людям; мотивы такого нарушения, разумеется, не могут быть одобрены» (Smith, 1759, p. 112).

Положение Смита о нарушении справедливости является отражением его высказывания о благодеянии: «Пагубные действия, проистекающие из ненадлежащих мотивов, кажется, одни заслуживают наказания; потому что только они являются одобренными объектами негодования или возбуждают сочувственное негодование зрителя» (Smith, 1759, p. 112).

Чтобы никто не думал, что производящие эти действия люди бескорыстно стараются ради общего блага или для уменьшения общего зла, Смит недвусмысленно заявляет:

> «Хотя может быть и верно, что каждый индивидуум... естественно предпочитает себя всему человечеству, он, тем не менее, не смеет, встав перед всеми людьми, признать, что он действует в соответствии с этим принципом. Он чувствует, что они никогда не смогут согласиться с ним в этом предпочтении и что каким бы естественным оно ему ни казалось, для других оно всегда будет чрезмерным и нелепым. Когда он смотрит на себя в свете, в котором, как ему известно, будут смотреть на него другие, он видит, что для них он всего лишь один из множества, ничем не лучше, чем остальные люди... он должен... смирить высокомерие своего самолюбия, сведя его к отношению, с которым смогут согласиться другие» (Smith, 1759, p. 120).

Из этих двух столпов справедливость является более важной, поскольку «общество... не может существовать среди тех, кто в любое время готов нанести вред и причинить страдание друг другу» (Smith, 1759, p. 124).

Обратите внимание, что в концепциях Смита о благодеянии и справедливости в любом обществе мы видим ясное и четкое различие между хорошими, полезными и добрососедскими действиями, которые один человек может совершить для другого, и его же плохими, вредными и недобрососедскими действиями. Благодеяние может естественным образом привести к настоящей взаимности, подкрепленной благопристойностью, что означает разрешение, согласие или, по словам Смита, *одобрение* на уровне сообщества. В экономике это ведет к торговле и созданию богатства при условии, что у нас есть справедливость. Это тема второй книги Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

Поскольку третьи лица, естественно, сочувствуют жертвам пагубных действий, вызванных дурными намерениями, правосудие стремится наказать такие действия, от убийства до воровства, от грабежа до нарушения обещаний или контрактов (хотя последнее не уголовное преступление, а всего лишь гражданское правонарушение); борьба с этими злодеяниями и является основой собственности[2]. «Справедливый (в значении "не бесчестный", как в правилах честной игры) и беспристрастный зритель», о котором пишет Смит, требует, чтобы наказание было не больше и не меньше того, что соответствует нарушению и негодованию, которое он испытывает.

Следует обратить особое внимание на то, что в дихотомии Смита, справедливость не имеет ничего общего с результатами распределения, поскольку она направлена исключительно на обеспечение защиты от ущерба, тогда как вопросы распределения связаны с благодеянием и экономической выгодой.

Но, конечно, в обоих случаях было бы преувеличением утверждать, что такие действия сами по себе требуют вознаграждения или заслуживают наказания. Для Смита это не так, что явствует из различия, которое он проводит между эмоциями, которые требуют наших действий, и эмоциями, которые находят удовлетворение без нашего участия. Например, мы радуемся, когда друга повышают по службе, хотя это действие находится вне нашего контроля.

Конечно, благодарность и обида — не единственные чувства, представляющие интерес, когда речь идет о счастье или несчастье других, «но не существует иных чувств, которые так непосредственно побуждали бы нас стать их орудиями». Любовь и уважение — это эмоции, связанные с семьей, друзьями и соседями, которые близки нам. В отношении любого из них «наша любовь, однако, полностью реализуется, хотя его счастье должно осуществиться без нашей помощи. Все, чего желает это чувство, — это видеть его счастливым, не задумываясь о том, кто был автором его процветания. Благодарность, однако, не может быть удовлетворена таким образом. Если человек, которому мы многим обязаны, становится счастливым без нашей помощи, то это, хотя и радует нашу любовь, не удовлетворяет нашей благодарности. До тех пор, пока мы не вознаградим его, пока мы сами не будем способствовать его счастью, мы будем чувствовать себя

[2] Наказание за кражу или грабеж превышает наказание за нарушение договора, потому что первое отнимает у нас то, чем мы владеем, тогда как второе только разочаровывает нас в том, чего мы ожидали (Smith, 1759, p. 121). Хотя Смит и не ссылается на это конкретно, это утверждение подразумевается его предложением об асимметрии между прибылями и убытками, которое он выводит из фундаментальной асимметрии между человеческой радостью и горем: «Мы страдаем больше... когда падаем из лучшего положения в худшее, чем когда-либо наслаждаемся, когда поднимаемся из худшего в лучшее» (Smith, 1759, p. 311).

обремененными тем долгом, который наложили на нас его прошлые услуги». Отсюда появление таких фраз, как «долг благодарности» и «я твой должник», глубоко укоренившиеся в английском языке и мышлении, что указывает на их мощное и все еще растущее влияние в качестве общественной нормы.

Точно так же эмоции ненависти и неприязни, которые мы можем испытывать к некоторым, могут быть удовлетворены без нашего вмешательства (Smith, 1759, pp. 94–95)

Следовательно, эмоции благодарности и обиды уникальны тем, что призывают того или иного получателя блага или ущерба ответить источнику этого блага или ущерба вознаграждением или наказанием.

Вот повествовательная иллюстрация расчета блага — благодарности — вознаграждения, связанного с Благодеянием:

> «Сегодня понедельник, день вывоза мусора в вашем районе, и прежде, чем отправиться из дома в контору, вы выкатываете мусорный бак из-за ворот на обочину дороги. Вернувшись вечером после напряженного дня, вы забываете закатить его обратно, чтобы избежать штрафа, так как рано утром во вторник там пройдет уборщик улицы. Ваша соседка, закатывая мусорный бак, замечает, что вы забыли убрать свой, и любезно вам его привозит. На следующих выходных вы срываете с одного из своих деревьев несколько дополнительных авокадо и несете их соседке с намерением поблагодарить ее за то, что она привезла ваш мусорный бак. Ее нет дома, поэтому вы оставляете их на пороге».

Стоит заметить, что в этом социальном обмене соседи имеют много информации относительно графиков вывоза мусора и подметания улиц, связанных с этим обязанностей и того, у кого есть деревья авокадо. Более того, все основные действующие лица строго блюдут свой интерес; ибо именно так каждый из них на собственном опыте знает, что весьма неприятно передвигать мусорные бочки и получать судебные повестки, и что вы и ваш сосед оба любите авокадо. Но собственный интерес никоим образом не мешает вашей и ваших соседей предрасположенности к действиям в интересах других людей.

А вот история, иллюстрирующая расчет справедливости — возмущения — наказания:

> «Когда ваши соседи-супруги поздно возвращаются домой после просмотра фильма, грабители убегают через заднюю дверь, унося ювелирные украшения и коробку старинного серебра. Соседи, полные страха и возмущения, звонят в полицию и сообщают им данные об украденных вещах. Когда они вам об этом рассказывают, вы чувствуете их страх и возмущение. Грабителей, вдруг решивших ограбить дом в своем рай-

оне, как ни странно, поймали и арестовали. Соседи в восторге от действий полиции и испытывают глубокое удовлетворение, сообщая подробности, сделавшие арест возможным; когда они рассказывают вам о счастливом разрешении ситуации, вы полностью разделяете их восторг».

Адам Смит о правилах, происхождении религии и появлении нравственности

Адам Смит верил, что всякий порядок и в космосе, и в человеческом существовании имеет божественное происхождение. Порядок не был случайным или необъяснимым вероятностным свойством нашей чувственной реальности. Для Смита порядок подразумевает план, а план подразумевает наличие создателя, и наоборот. Со свойственной ему проницательностью Смит также увидел в религиозных верованиях и в том, что эти верования имеют много общих черт в различных древних и новых культурах, убедительное свидетельство человеческого опыта о том, что нравственность глубоко укоренена в природе — в том медленном эволюционном процессе, который позволил нам создать устойчивые сообщества гражданского порядка, но в то же время выявил источники потенциальной нестабильности.

Так, Смит утверждал, что в древнейших человеческих суевериях мы находим божественных существ, которым мы «приписывали» все самые темные страсти человеческой природы, «такие как похоть, голод, скупость, зависть, месть». Равным образом и божественные добродетели не лишены представителей, воплощающих все те качества, коими люди наиболее горячо восхищаются в своей «любви к добродетели и милосердию и отвращении к пороку и несправедливости» (Smith, 1759, p. 232). Следовательно, человечество опиралось на накопленный опыт как зла, так и добра, чтобы вообразить идеальные формы, которые и были зафиксированы в религиозных верованиях. Нравственное поведение было естественным, оно являлось частью Природы — создательницы нашей морали.

Человек, которому сознательные действия другого нанесли вред, призывал Бога «свидетельствовать о том зле, которое ему причинили» ... и «человек, причинивший вред, чувствовал себя достойным объектом ужасной ненависти и негодования человечества» (Smith, 1759, p. 232–233). В конечном итоге эти «естественные надежды, страхи и подозрения передавались посредством сочувствия и подтверждались воспитанием; боги же были представлены повсеместно: считалось, что они вознаграждают за человечность и милосердие и мстят за вероломство и несправедливость» (Smith, 1759, p. 233). Более того, даже самые грубые формы религии утверждали возникающие «правила нравственности задолго до эпохи абстрактных рассуждений и философии. Ужасные кары, которыми грозили религии, укрепляли естественное чувство долга, которое имело настолько боль-

шое значение для счастья человечества, что природа не могла оставить его в зависимости от медлительности и неопределенности философских исследований» (Smith, 1759, p. 233).

Когда тысячи лет спустя ученые-исследователи обратились к происхождению и функциям нравственности в человеческом культурном сообществе, они «подтвердили эти первоначальные предчувствия природы». Хотя можно полагать, что нравственность основана на разуме или врожденном инстинкте или некоем нравственном чувстве, «или на каком-то другом принципе нашей природы, нельзя сомневаться, что все это дано нам для того, чтобы мы вели себя правильно в этой жизни». Правила нравственности несут на себе отпечаток высшей власти, они явственно служат нам изнутри как самодержавные законодатели, которые управляют и контролируют «все наши действия,... чувства, страсти и аппетиты, а также судят, что из этого может быть позволено, а на что должны накладываться ограничения» (Smith, 1759, p. 233).

Эти нравственные способности не находятся на одном уровне (как утверждают некоторые) «с другими способностями и стремлениями нашей природы, поскольку они могут сдерживать эти другие стремления, а те не могут делать того же в отношении моральных способностей. Никакая другая способность или принцип действия не могут судить о какой-либо другой способности или принципе. Любовь не судит об обиде, а обида не судит о любви. Эти две страсти могут быть противоположны друг другу, но нельзя даже с минимальным основанием сказать, что они одобряют или не одобряют друг друга. Но удивительное предназначение нравственных способностей заключается в том, чтобы судить, осуждать или аплодировать всем другим принципам нашей природы. Их можно рассматривать как разновидность чувств, объектами которых являются упомянутые принципы и стремления» (Smith, 1759, p. 233–234).

Со своим привычным вниманием к деталям Адам Смит продолжает развивать тему уникальности наших чувств и контроля над ними со стороны нравственных законов.

Каждое чувство господствует над принадлежащими ему объектами. Суждение глаза о красоте цвета не оспаривается; так же как суждение слуха о гармонии или чувства вкуса о вкусе какого-либо вещества. То, что приятно на вкус, сладко; радует глаз – красиво; радует слух — гармонично. Каждое качество пребывает в том чувстве, к которому оно обращено. Точно так же «дело наших нравственных способностей... определять, когда следует утешать ухо, доставлять удовольствие глазу, баловать вкус; благодаря этим способностям мы понимаем, когда и в какой степени каждому из естественных чувств можно предаваться, а когда их необходимо ограничивать... То, что приемлемо для нашего нравственного чувства, есть уместно, правильно и прилично; то, что неприемлемо для него, наоборот, есть неуместно, неправильно и неприлично... Сами слова “пра-

вильный", "неправильный", "подходящий", "неуместный", "красивый", "неподобающий" означают только то, что приятно или неприятно нашим нравственным чувствам» (Smith, 1759, p. 234).

Автор этого всеобъемлющего исследования основ сообщества и пути от правильности к праву собственности был готов завершить «Богатство народов» и разработать свою теорию естественной свободы. В своей первой книге он позаботился о том, чтобы в обобщающем предложении условие справедливости поставить перед сказуемым: «Каждый человек, пока он не нарушает законы справедливости, имеет полную свободу преследовать свои собственные интересы и действовать как считает нужным» (Smith, 1776, vol. 2, p. 184).

Список литературы

Smith, A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations by Adam Smith, edited with an Introduction, Notes, Marginal Summary and an Enlarged Index by Edwin Cannan* (London: Methuen, 1904). Vol. 1 & 2. https://www.libertyfund.org/books/an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of-nations-set/

Smith, A. (1759). *The Theory of Moral Sentiments; or, An Essay towards an Analysis of the Principles by which Men naturally judge concerning the Conduct and Character, first of their Neighbours, and afterwards of themselves*. To which is added, A Dissertation on the Origins of Languages. New Edition. With a biographical and critical Memoir of the Author, by Dugald Stewart (London: Henry G. Bohn, 1853). https://oll.libertyfund.org/title/smith-the-theory-of-moral-sentiments-and-on-the-origins-of-languages-stewart-ed

Требования к статьям, принимаемым к публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции: econeditor@econ.msu.ru.

Оформление статьи

Статья должна быть представлена на русском языке в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (12 пт.) с полуторным межстрочным интервалом.

Файл с текстом статьи *не должен* содержать сведений об авторе или элементов текста, позволяющих идентифицировать авторство. Сведения об авторах отправляются отдельным файлом (см. ниже).

Объем статьи

Рекомендуемый объем статьи — от 30 тыс. до 45 тыс. знаков (с пробелами).

Структура статьи

Статья должна начинаться с названия (не более 10 слов), аннотации (100–150 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями не допускается.

Структура основной части статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Сведения об авторах

К статье необходимо *отдельным файлом* приложить сведения об авторе (авторах):

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- ученая степень, звание;
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Все указанные сведения об авторе (авторах) должны быть представлены на русском и английском языках.

Список литературы

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации русского текста в латиницу можно воспользоваться на сайте http://www.translit.ru

Оформление ссылок

Ссылки на список литературы даются в тексте в следующем виде: (Oliver, 1980), (Porter, 1994, p. 45), (Иванов, 2001, с. 20), (Porter, 1994; Иванов, 2001), (Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991). Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: (Гуриев и др., 2002) или (Bevan et al., 2001). Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.п. даются в виде: (Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20), (Статистические сведения..., 1963), (Устав..., 1992, с. 30).

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте). Все статьи проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования.

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации автору статьи направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии на статью без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение статьи на безвозмездной основе в Интернете.

Журнал является открытым — любой автор, независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени, имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. **Электронная почта:** econ.msu.editor@gmail.com